

- Роман Галкин -

Один из семи

Фантастика

18+

Роман Галкин

Один из семи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24048136
SelfPub; 2019*

Аннотация

Вы знаете настоящую правду о том, кто и для чего на самом деле создал наш Мир? Нет? Тогда можете узнать об этом вместе с героем сего произведения.

Один из семи

Несколько слов в качестве предисловия о том, что подвигло меня к написанию этой книги. Читая о героях, неожиданно получивших сверх возможности, часто не верю в их стремительный прогресс. Одно дело, если это какой-либо уже выдающийся политик, ученый воин. Но ведь в большинстве случаев авторы наделяют сверх способностями человека, который до того момента был обычным представителем «серой массы», ничем не отличающимся от других, окружающих его простых людей. Вот, к примеру, получит сверх возможности простой крестьянин. И что? Он сразу кинется перестраивать мир и создавать империи? Нет, я в этом случае верю русским сказкам, в которых волшебная сила используется для того, чтобы ведра сами воду носили, топор сам рубил дрова, а печь сама кашу варила. Ну, что еще простому крестьянину надо? Ну, пусть в духе нового времени он построит просторный свинарник, заселит его элитными породами, а свиней у него доить будут звезды Голливуда или какие-нибудь Мисс Мира за последний десяток лет. Но это в том случае, если крестьянин захочет, чтобы соседи померли от зависти.

В общем, решил я наделить сверх способностями обычного шабашника-отделочника и посмотреть, что из этого по-

лучится.

Итак, вы знаете настоящую правду о том, кто и для чего на самом деле создал наш Мир? Нет? Тогда можете узнать об этом вместе с героем сего произведения.

Пролог

Последние тлеющие угли зашипели и погасли под струями начавшегося дождя. Посреди пепелища, не обращая внимания на льющуюся с небес воду, сидел старик. Его тело, вздувшееся волдырями ожогов, еле прикрывали обгоревшие лохмотья. Старик умирал. Заканчивался почти двухвековой жизненный путь.

Когда-то, осененный божьим вниманием, он ушел от мирской суеты. И шел, неся божий свет, озаряя им свой путь, творя чудеса и исцеляя людские души волею божьей. И придя в эти дикие места, где начинались бескрайние степи, увидел следующих за ним. И решил тогда воздвигнуть на этом месте братскую обитель.

Дни и ночи, забыв о сне и пище, воздвигали братья божий храм. И лишь подняв храм, построили подле него кельи. Но не воздвигли вокруг обители стен, ибо монастырь находился под божьим покровительством и не нуждался более ни в какой защите. Бесчисленные орды степняков, отправляясь в набеги на славянские поселения, всякий раз обходили монастырские земли стороной.

Так было без малого два века.

Давно уже ушли в иной мир пришедшие с ним, ушли и те, что были за ними, и следующие ушли. И он устал. Устала

душа. Устало тело.

Усталость пригасила огонь, данный божьей милостью. И в новых братьях не было уже той истинной веры.

На этот раз степняки не прошли мимо. Не найдя ни в храме, ни в кельях ничего ценного, дикие воины долго пытали братьев огнем и железом, не веря в то, что в монастыре не спрятано ни золота, ни других сокровищ. Когда умер от пыток последний брат, степняки в злобе подожгли храм и окрестные монастырские постройки.

Не тронули только старого монаха, стоявшего на коленях посреди храма. Будто и не заметили. И будто не замечали его рушащиеся от пожара стены храма, не задевая, а лишь опалая огнем старческое тело.

Старик умирал. Душа покидала этот мир, это тело.

Некая иная сущность завладевала изношенной человеческой оболочкой, спеша использовать его последние возможности.

Монах, поднявшись, отправился разгрести пепелище, словно ища что-то. Наконец в его руках оказался бесформенный кусок металла, явно покореженный жарким огнем заступ. Вернувшись к тому месту, где просидел последние часы, опустился на колени и вонзил железяку в землю. Копал усердно, с неожиданной для старческого тела мощью. На глубине в полтора локтя заступ начал скрежетать о камень. Если бы не ливень, заливающий яму грязной водой, то можно было бы увидеть гранитную плиту, освобождаемую ста-

раниями старика.

Закончился день. Давно прекратился дождь. Расступившиеся тучи позволили ночному светилу взглянуть на омытую дождем землю. От обожженной земли уже был освобожден изрядный кусок каменной плиты. Монах обнаружил щель в камне и ткнул в нее наиболее ровным краем железяки. Навалился всем телом. На лбу вздулись вены. Лицо, и так красное от ожогов, покраснело еще больше. И плита сдвинулась и продолжила отодвигаться дальше сама, без лишнего скрежета и скрипа, уходя куда-то под оставшийся от храма фундамент. Лишь журчала стекающая в проем дождевая вода, да шлепали отваливающиеся от плиты комки грязи. В открывшемся проеме лунный свет выхватил уходящие вниз ступени.

Старик, отбросив заступ, заспешил в подземелье. После продолжительного спуска миновал узкий каменный коридор и оказался в просторном зале. У противоположного конца помещения на металлических цепях висела столешница из полированного гранита. Подойдя к ней, старик снял с шеи шнурок с крестом и опустил его на книгу, лежащую в центре столешницы. Рядом с крестом лег перстень. С одной стороны книги старик положил снятый с руки браслет, с другой – извлеченный из-под лохмотьев пояс с большой металлической бляхой, на которой был изображен крест. Крест был изображен и на браслете, и на перстне. Освободившись от этих вещей, монах направился к боковой стене зала, в которой чер-

нели три проема, и, подходя к каждому поочередно, нажимал на выступающий из монолита квадратный кусок камня. Камень утопал в стене, и одновременно из стены выдвигались толстые металлические стержни, перегораживая проем. Таким же образом были перекрыты и проемы в противоположной стене.

Небо на востоке уже начало светлеть, когда за выбравшимся из подземелья стариком задвинулась плита. Он снова подобрал искореженный огнем инструмент, и на гранит полетели комья земли...

Часть – 1

Симбиоз

Боль. Голову разрывает изнутри на тысячи осколков, готовых разлететься мелкими брызгами.

Боль начала приходиться на третьем десятке лет. Поначалу удавалось перетерпеть, не хотелось приучать организм к таблеткам. Потом начал принимать какие-то болеутоляющие, боль уходила в течение 10-20 минут после принятия лекарства. Однако со временем то ли организм перестал воспринимать, то ли лекарства стали сплошь подделкой. К сорока годам пришлось перепробовать кучу разных обезболивающих средств, но не было такого препарата, который бы помогал постоянно.

Боль приходила все чаще и в течение нескольких минут превращала здорового жизнерадостного мужика в безвольное существо...

Сегодня Боль пришла на рассвете, пришла не напористо, как обычно, а нудным давящим чувством, сопровождаемым тошнотой. Таблетки не помогают, и остается лишь лежать с закрытыми глазами, положив на лоб мокрый носовой платок, бесполезно пытаясь заснуть. Вместо сна в голову лезут дурацкие мысли, мысли о том, что однажды организм не выдержит этой Боли... И что? Да наплевать! В такие моменты

действительно наплевать на смерть. Чем так жить...

Боль нарастает. Терпеть становится невыносимо. Сжав голову руками, пытаюсь стоном выгнать Боль наружу. Сознание начинает меркнуть. И в этот момент происходит Вспышка! Боль мгновенно увеличивается в тысячи раз, разрывает ослепительным светом тьму, в которую уже погрузилось сознание... И уходит.

Я по-прежнему лежу, стиснув голову руками, ошеломленный, ослепленный, не понимающий того, что со мной произошло. Смерть? Может, поэтому стало так легко?

В конце концов, приходится открыть глаза и убедиться, что вокруг тот же мир, та же квартира и, что самое главное, то же тело, вмещающее в себя мое сознание. Наверное, я заснул, и эта дикая Вспышка приснилась, а Боль ушла во сне?

Но что за ощущение легкости?

Легкости не только в теле, но и в... разуме, да, именно в разуме.

И все вокруг хоть и то же, однако выглядит как-то необычно – резко и ярко.

Поднимаюсь, решив попить чаю, и отправляюсь на кухню, по пути замечая множество разных мелочей, на которые раньше никогда не обращал внимания, как то разошедшийся шов на обоях, пыль на плинтусах, царапины на линолеуме... И только когда уже, попивая чаек, смотрю на кухне телевизор, до меня вдруг доходит, что прекрасно вижу без очков!

Это открытие настолько ошеломляет, что долго не могу в это поверить. Но факт остается фактом, и я теперь спокойно читаю газетный шрифт, прикрепленной булавками к обоям телепрограммы, с расстояния пяти метров, наверняка и больше, но размеры комнаты не позволяли этого проверить.

Мистика! Неужели в конце концов я проснусь?

***

Зрение было слабым с детства, но до недавнего времени держалось на одном уровне. Два года назад вдруг начал замечать, что вижу многие предметы как в тумане, практически перестал различать темные цвета, а в сумерках вообще не видел дальше метра. Врач после обследования в ближайшем офтальмологическом центре объяснил, что это что-то там с сетчаткой, что нужна дорогостоящая операция, которая, в случае неудачи, может привести к полной слепоте. Или же нужно было каждые полгода ложиться под капельницу, что поможет хотя бы сохранять зрение на имеющемся уровне. Прошел почти год, и я все не мог решить: собирать деньги на операцию, или все же под капельницу...

***

И вот теперь смотрю на мир так, как будто вижу впервые. Да я и вижу его впервые, впервые вижу во всех подробностях, во всех красках.

Как необычно видеть из окна водителей и пассажиров в проезжающих по магистрали автомобилях, видеть людей в окнах дома напротив, видеть каждую травинку на газонах

внизу... Стоп! Вон в траве суетятся маленькие рыжие муравьи! Разве с обычным нормальным зрением можно увидеть такое из окна десятого этажа?!...

Нет, так можно сойти с ума... Или уже сошел? Блин, надо с кем-то пообщаться. Володька самый адекватный из друзей, хорошо бы встретиться с ним.

***

Володька недавно приобрел частный дом в черте города и теперь все свободное время проводил там, погрузившись в капитальный ремонт. На мой звонок с предложением попить пивка он отреагировал положительно. И вот я уже стою перед воротами его будущего жилища, затаренный пивом и сопутствующими этому напитку закусками. Металлические створки ворот содрогаются под мощными ударами овчарочьих лап. Берта, учуяв чужого, предупреждает, что здесь ее территория и попытка вторжения может окончиться фатально.

– А ну геть на место! – раздается Вовкин голос, и слышится звон прицепляемой цепи.

Естественно, сперва мы осматриваем все, что Вовчик успел сделать, обсуждаем преимущество частного жилища перед многоэтажными «муравейниками». Потом, уже попивая пивко, рассказываем друг другу о последних новостях из собственной жизни, из жизни общих знакомых, ну, в общем, обычный треп редко встречающихся друзей.

Наконец я решаюсь на наводящие вопросы.

– Володь, у тебя зрение как, в порядке?

– Как у орла! А чего это ты интересуешься?

– Да понимаешь, – замялся я, – в общем, приобрел я себе какие-то новые контактные линзы. Ну, вот и хочу проверить не по врачебным таблицам, а в сравнении с нормальным зрячим человеком, так ли они хороши.

– Да не проблема. Давай проверим. А как?

– Хрен его знает. Давай книжку какую-нибудь поставим к стенке и посмотрим, кто с какого расстояния сможет прочесть.

– Ща что-нибудь найду, – Вовчик выходит в другую комнату. – Вот тут от прежних хозяев какая-то макулатура осталась. Эта подойдет?

Похоже, прежде в этом доме жил компьютерщик, ибо в руках у появившегося Вовчика толстенькая книжка «Секреты BIOS».

– Подойдет, – киваю я. – Лишь бы буквы были. Ставь к той стене.

Володька пытается поставить книгу раскрытой, но она постоянно либо захлопывается, либо топорщится всеми листами. В конце концов, он соображает поставить ее вперед задней обложкой, там довольно мелкими буквами напечатана аннотация. Я со своего места прекрасно вижу не только текст аннотации, но и напечатанные в нижнем углу совсем мелкими буквами данные типографии: ее емейл, интернет адрес и телефоны.

– Вот, – выводит меня из задумчивости Володькин голос. – Отсюда вижу.

Он стоит на метр ближе от меня к книге. А значит моя догадка подтверждалась, я стал видеть лучше обычного человека... И мне еще предстояло выяснить насколько лучше и, самое главное, выяснить причину неожиданного «прозрения».

Решив пока ничего не рассказывать другу, встаю и, подойдя к нему, нарочито прищуриваюсь.

– Ну да, я тоже отсюда вижу, правда, с напрягом, – в подтверждение читаю пару строчек.

На этом тема себя исчерпывает, и мы возвращаемся к пиву и обсуждению столь любимой последнее время хозяином темы ремонта и строительных материалов. В процессе Володька пару раз гоняет в ближайший магазин, пополняя запасы пива, и как итог – я возвращаюсь домой довольно поздно и в изрядном подпитии. И по этой причине все думы о чудесном прозрении откладываются на завтра.

Но ночь преподносит новый сюрприз...

***

Ночью просыпаюсь от того, что ноют и чешутся десны.

Что за фигня? Может, зараза какая? Никогда такого не было.

Пришлось встать и тщательно прополоскать рот содой, разведенной в горячей воде. Я всегда так делал, когда болели зубы. К сорока годам у меня уже напрочь отсутствовали

пять коренных зубов. Кроме того, два были спрятаны под коронки, и два наращены на корни. В общем-то, не такая уж и страшная картина. У некоторых моих сверстников своих зубов было меньше, чем у меня их отсутствовало. И вот теперь десны странно зудят именно в тех местах, где не хватает зубов. «Может, новые растут, – мелькает ироническая мысль, – было бы неплохо». О событиях предшествующего дня я не вспомнил, озабоченный неприятными ощущениями во рту. А то, может быть, мысль о новых зубах обрела бы более прочное основание.

Так и ворочаюсь с боку на бок почти до самого утра, надеюсь, что утром все неприятные ощущения пройдут сами собой. Очень мне не хочется идти в поликлинику, не люблю я это дело с самого детства, впрочем, как, наверное, и многие. Зуд становится менее раздражительным только тогда, когда за окнами посветлело, и я наконец засыпаю.

Собственно, я уже особо и не удивляюсь, когда, проснувшись, нащупываю языком наполовину выросшие новые зубы. Просто ко мне, как-то само собой, приходит решение относиться к происходящему со мной спокойно, принимать как должное и не искать ответы на вопросы, которые выше моего понимания. Иначе можно просто съехать с катушек, если это еще не произошло...

В течение следующих трех дней я выходил из дома только один раз, чтобы пополнить запас продуктов. За это время у меня выпали и снова выросли все зубы. Ну и улыбка же у

меня была, когда старых зубов уже не было, а новые вылезли наполовину, неравномерным строем, монстры из фильмов ужасов просто обзавидовались бы. Зато утром четвертого дня я улыбнулся в зеркало стопроцентной голливудской улыбкой.

Еще одним открытием стало то, что с моего тела исчезли все родинки. И вообще, кожа стала какая-то неестественно чистая, как будто ее обработали фотошопом, ни прыщика, ни шрамика.

Кроме внешних изменений, я также чувствовал и изменения внутренние, хотя описать их или объяснить не мог, но каждая клеточка моего тела буквально наполнилась здоровой энергией.

Единственное, что в этом процессе меня смущало – мое непонимание всего происходящего. Но, как уже говорил, я гнал из головы все возникающие по этому поводу вопросы, ибо был уверен, что все равно не смогу самостоятельно найти ответ. А чтобы проще было отвлечься, чередовал сон с чтением книг и Интернетом. К телефону не подходил, на звонки не отвечал. Да и, судя по высвечивающимся незнакомым номерам, звонки были только от клиентов.

***

Однако деньги все-таки зарабатывать надо, ибо мы пока еще не при коммунизме живем, да и вообще, уже лет двадцать как сменили курс на радикально противоположный и движемся теперь к развитому капитализму. А в капитализм

без денег не пускают.

Было у меня свое «ИП» по отделке помещений различными современными отделочными материалами. Честно говоря, от обычного шабашника я отличался только тем, что платил налоги да заполнял в конце года декларацию о доходах.

Как только мои зубы восстановились настолько, что я мог спокойно улыбаться, не рискуя довести собеседника до инфаркта, принимаю по телефону заказ и с утра отправляюсь на замеры.

В пределах трех-четырех километров хожу пешком. Вот и в этот раз объект находился примерно на таком расстоянии. Проходя через соседний двор, замечаю парня, выгуливающего огромного стаффорда тигрового окраса. Еще до развода я много слышал об этой парочке от жены. Она, гуляя со своей таксой Гретой, всегда боялась их встретить. Хозяин стаффорда был вечно пьян, его псина не знала намордника и хоть к людям относилась равнодушно, зато погрызла почти всех мелких собачек из соседних дворов, пекинесов, пуделей, различных болонок и прочих. Говорят, был случай, когда хозяйка пекинеса, увидев этого зверя, сразу схватила своего питомца на руки, подняв его повыше, но стаффорд встал на задние лапы и вырвал собачонку из рук женщины. И сколько владельцы покусанных собак ни обращались к участковому, сколько ни писали заявления, толку никакого не было. Парень продолжал ежедневно появляться во дворе в компании своего четвероногого бандита.

И вот сейчас эта парочка остановилась на тротуаре, перегородив мне дорогу. Хозяин, пошатываясь, прикуривает, псина равнодушно смотрит по сторонам, развалившись поперек тротуара.

Я собак не то чтобы боюсь, просто всегда реально оцениваю расстановку сил и до сего дня, столкнувшись с такой ситуацией, наверняка сошел бы с тротуара и обошел зверя стороной. Но так я поступил бы раньше. А сейчас... Сейчас во мне как будто бы начал просыпаться какой-то зверь, и этот зверь оказался очень недоволен тем, что кто-то преграждает ему путь, и это недовольство отодвигает мой разум на задний план, выпустив наружу инстинкты. Я двигаюсь на собаку, которая уже не кажется грозной. Реальность вокруг замедляется. Стаффорд, медленно поворачивая голову, встречается с моим взглядом, и его глаза, до сих пор излучавшие равнодушие сильного зверя, не знающего поражений, вдруг наполняются страхом, самым настоящим животным страхом. Да что глаза, через мгновение все это жалкое существо уже наполнено ужасом, и этот ужас можно учуять за версту. А еще через мгновение некогда грозная псина с такой скоростью кидается освобождать мне дорогу, что сбивает с ног своего хозяина, волочит его за одетый на руку поводок пару метров по асфальту, попутно врезаясь в стоящую у тротуара «Шкоду», тут же разразившуюся воем сигнализации, и жалобно скулит. Скуля, подползает ко мне и переворачивается на спину, подставляя горло, тем самым демонстрируя признание мое-

го превосходства и покорность любому моему решению, даже если я решу вонзить клыки в ее плоть и забрать жизнь наглого существа, посмевшего лечь на моей дороге.

Ярость исчезает. Зверь внутри меня погружается в дрему. Я прохожу мимо ничтожной псины и ее офигевшего хозяина. Осознание случившегося уже привычно не укладывается в моем понимании и так же привычно задвигается подальше, в самый темный уголок сознания.

Если о причинах произошедших со мной перемен размышлять было бесполезно, то о том, какие еще сверх способности я получил, как ими пользоваться, все ли они положительны и надолго ли они, призадуматься следовало. Размышляя об этом, приземляюсь на лавочку в ближайшем сквере. Поход к клиенту можно и отложить, потерпит. А нет, так и бог с ним, не до него теперь.

Итак. Что мы имеем?

Идеальное самочувствие и, как я подозреваю, идеальное здоровье вообще. Судя по обновившимся зубам, исчезнувшим старым шрамам, в том числе и от аппендицита, а также с невероятной быстротой зажившим многочисленным ссадинам на руках, которые я практически ежедневно получал на работе, мой организм приобрел невероятную способность к регенерации. Насколько эта способность велика, проверять я не собираюсь, не калечить же себя специально.

Далее, зрение. Назвать его просто стопроцентным было бы более чем скромно. Кроме обнаружившихся в первый

день телескопических возможностей, в последующие дни я убедился еще и в микроскопических, ибо с легкостью наблюдал за пылевыми клещами в поднятом комочке пыли. К тому же, перестраиваются глаза с близи на даль практически мгновенно.

Теперь о сегодняшнем. Что за зверь находится во мне, которого так панически испугался стаффорд-переросток? Как его контролировать, чтобы в следующий раз он не натворил бед? Хотя, судя по тому, как быстро он успокоился, без необходимости зверь себя не проявляет. Но все же...

Размышляя, снимаю бейсболку и подставляя макушку жарким солнечным лучам, впитывая их энергию, так приятно растекающуюся по моему телу, наполняющую его силой... Стоп! Я же никогда не любил жару! И всегда прикрывал голову от солнца. А сейчас сижу на самом солнцепеке, хоть и было не более десяти часов утра, но июльское солнце уже нещадно пекло, и мне это доставляет удовольствие. Ёп-перный театр, солнечная батарейка, мля... Еще парочка таких открытий произошедших со мной изменений, и можно будет прописываться в дурдоме. Хорошо, хоть внешне пока без особых изменений. По крайней мере, ни крыльев, ни рогов не выросло.

***

Последующие дни я удивлял своих рабочих, да и себя то-

же, необычайным глазомером. Рабочих у меня было двое – молодые парни, полгода назад пришедшие из армии. Игорь – высокий, русоволосый, вечно улыбающийся. Он поработал со мной несколько месяцев в качестве подсобника еще до армии. Дембельнувшись, позвонил мне. Я как раз расстался с очередным «напарником», который, желая быть равноценным партнером, не хотел ни вкладывать средства в инструмент, ни искать клиентов. Поэтому с радостью снова взял Игоря на работу. Через какое-то время он привел своего друга Павла, с которым вместе служил. Павел был поменьше ростом, чем его друг, но зато обладал атлетически сложенной фигурой и недюжинной силой. Ребята были по-армейски дисциплинированные и исполнительные, вполне способные к самостоятельной работе, но пока еще теряющиеся перед возникающей иногда необходимостью принимать нестандартные решения. Возможно, в них крепко сидело армейское правило, гласящее, что излишняя инициатива наказуема. Но это и к лучшему.

Обычно при выставлении различных каркасов, я, не доверяя своему зрению, заставлял их тщательно, по много раз, проверять плоскости конструкции правилом, шнуром и уровнем. Но после вышеописанных событий я вдруг понял, что отныне мои глаза являются самым точным контрольно-измерительным инструментом.

Теперь я стоял посреди помещения как нивелир и только командовал, где ставить метки, выше или ниже приложить к

стене профиль, подтянуть или опустить подвес. Первый день мы все же постоянно использовали для проверки правило, снабженное уровнем, но поняв, что только зря теряем время, отставили его в сторону. Чтобы ребята особо не заморачивались мыслями по этому поводу, я объяснил им все приобретением новых контактных линз за «бешеные» деньги. Еще не стал демонстрировать свои способности определять размеры без рулетки с точностью до миллиметра, хотя и сам проверил по-тихому.

Надо ли говорить, что процесс работы значительно ускорился и, соответственно, поднялся заработок. К тому же, ребята уже приобрели достаточные профессиональные навыки, и мое присутствие требовалось только в самом начале, для разметки и стартовых работ. Это в свою очередь позволило мне более тщательно подходить к выбору клиентов. Если раньше я не мог отвлечься в рабочее время, а после работы уставал настолько, что не имел ни малейшего желания отправляться на встречу к новым клиентам, то сейчас свободно оставлял ребят одних, а сам ездил на встречи, выбирал лучшие объекты и более сговорчивых клиентов, просчитывал и завозил материалы. В итоге – к завершению предыдущей работы нас уже ждала следующая.

***

Год пролетел как один миг. И в то же время прошедший год по количеству свершенных дел казался длиной в целую жизнь.

Благодаря своим новым способностям я стал практически неутомим, а потому развил такую бурную деятельность, что мое «частное предприятие» за несколько месяцев выросло в маленькую, но все более популярную в городе фирму.

Игорь с Павлом теперь руководят двумя бригадами квалифицированных отделочников, каждая из которых может «потянуть» довольно крупный объект. Перед Новым Годом подвернулся случай приобрести небольшой столярный цех в черте города. Моей давней мечтой было иметь мастерскую для изготовления эксклюзивной мебели из натурального дерева, поэтому, когда ко мне обратился один старый знакомый с предложением купить у него этот цех, я долго не раздумывал. Располагался цех в старинном здании, крыша и полы которого, как впоследствии оказалось, требовали капитального ремонта.

Все бывшие рабочие предприятия разбежались еще до моего приобретения оного. Остался только пенсионер Василеч, проживающий в частном доме по соседству. Он выполнял редкие заказы, а также сторожил мастерские за небольшую доплату. Иногда ему помогал его внук Артем. Артем прошлой весной окончил школу и, провалившись на вступительных экзаменах в какой-то ВУЗ, под руководством деда осваивал профессию столяра, заодно зарабатывая хоть какие-то деньги.

Набирать новых рабочих и «набивать» клиентуру я не собирался до тех пор, пока не будет сделан ремонт. Первым

делом необходимо было менять кровлю, ибо потолок протекал во множестве мест. Потом на очереди были полы. Все остальное могло подождать до того момента, когда предприятие начнет давать прибыль.

Февраль неожиданно порадовал теплой, почти весенней погодой. Воспользовавшись этим, нанятая мной бригада плотников, в течение недели заменила старую кровлю. Кое-где пришлось поменять и подгнившие стропилины, но потолочные матицы, к счастью, оказались достаточно крепкими и не тронутыми ни гнилью, ни жучком. Наверное, кто-то в свое время на совесть обработал их качественным антисептиком. Хотя, по словам Василича, а ему уже перевалило на седьмой десяток, и весь свой трудовой стаж он выработал в этой столярке, на его памяти ни одного ремонта в мастерских не делалось, разве что иногда кусками латалась крыша, покрытая кровельным железом.

Полы решили ремонтировать своими силами. В основном цеху деревянные полы было решено заменить бетонными. В помещении, где стояли большой распиловочный и фрезерный станки, полы уже были бетонные, но тоже требовали ремонта из-за трещин и выбоин. В сборочном помещении, в бытовке и в различных подсобках и кладовках было решено заменить деревянный настил и покрыть сверху листами ДСП. В одной из подсобок я решил устроить личный кабинет. Для этого кроме двери, выходящей в сборочный цех, нужно было на месте одного из окон прорубить дверь

во двор, чтобы клиентам не приходилось пробираться через всю мастерскую. Руководить этим процессом я поручил Василичу. В помощь ему были выделены по одному человеку из бригад Павла и Игоря.

За всеми этими событиями и связанными с ними заботами я постепенно перестал задумываться об изменениях, произошедших с моим организмом. К своим новым способностям привык и принимал их как должное. Собственно, пользовался-то я только двумя – необычайным зрением и способностью заряжаться энергией от солнечного света, подобно солнечной батарее, что делало меня практически неутомимым. Остальное себя никак не проявляло, может, не было случая, а может, и ушло безвозвратно.

***

В тот апрельский день солнце припекало почти полетнему. Последние жалкие островки грязного снега остались только в тени, в тех местах, куда солнце почти не попадало, да и там они быстро таяли, оставляя после себя мутные лужи. Я буквально наслаждался солнцем. Хотелось снять с себя все, раскинуть в стороны руки и, подставив лицо солнечным лучам, всем телом впитывать энергию светила.

Но расслабляться не было времени. Сегодня ребята должны были начать заливку полов в основном цеху, после чего осталось бы сделать полы только в моем кабинете. Кабинетом я решил заняться в последнюю очередь, ибо особой нужды в нем пока не испытывал.

Когда появился в мастерских, там уже во всю кипела работа, скрипели и трещали отрываемые старые доски, и сквозь завесу поднятой пыли слышался недовольный голос Василича:

– Твою мать! Да здесь не меньше камаза грунта нужно подсыпать!

– Привет, мужики! – поздоровался я с ребятами и, обращаясь к Василичу, спросил: – Чего бухтишь с утра? Какие проблемы?

– Да сам смотри, – указал тот на сорванный участок пола. Лаги лежали на кирпичных столбиках. И хоть пространство под старым полом было засыпано шлаком, но все равно столбики возвышались над грунтом еще на двадцать сантиметров. О том, чтобы заливать такой слой бетоном не могло быть и речи. Значит, нужно было срочно организовывать доставку грунта для засыпки.

– В общем, так, Василич, не знаю, когда получится привезти грунт, но если я не успею, вскрывайте полы в кабинете и, если там тоже шлак, начинайте пока перебрасывать оттуда.

– Дык нафига ж оно надо, двойную-то работу делать! – искренне возмутился старик. – Сперва оттуда таскай, потом туда...

– А никто тебя лично таскать не заставляет, – парировал я. – Ты лицо руководящее. Твоя задача, чтобы вовремя и качественно. А кабинетом еще не скоро будем заниматься.

В этот день договориться о доставке грунта так и не удалось. Машина с песком должна была подъехать только завтра после обеда. Поэтому ближе к вечеру я снова заехал в мастерские, чтобы узнать, как там продвигаются дела. Во дворе появилась аккуратная стопка старых половых досок. В помещении все так же стояла столбом пыль и слышалось шуршание перебрасываемого шлака. Двое парней, присланных моими бригадирами, таскали шлак в носилках и высыпали его в указанных Василичем местах. Затем Артем разравнивал его с помощью совковой лопаты и указаний деда. Судя по результатам, работа по отсыпке подходила к завершению.

– Это откуда ж столько шлака взяли? – удивился я.

– Дык из кабинета, как было приказано, – ответил Василич. – Там его бездонный колодец оказался. Иди сам глянь.

Лезть в эту пыль в чистой одежде не было никакого желания. Поэтому я отмахнулся от предложения Василича и, уточнив план мероприятий на завтра, покинул мастерские.

***

Следующие два дня не получилось заехать в мастерские. Появился я там только в воскресенье. В субботу был на дне рождения у Володьки и в воскресное утро хоть и не испытывал особого бодуна, но все ж не было и желания заниматься какими-либо делами. До обеда провалялся на диване, листая каналы телевизора. Во время этого занятия мне вспомнились слова Василича о якобы «бездонном колодце» со шлаком. Через час любопытство взяло верх, и я отправился в

мастерские.

Василича дома не оказалось. На стук вышел заспанный Артем – небось, проблудил где-нибудь всю ночь – и сообщил, что дед с утра уехал на рыбалку. Эх, когда-то и я любил посидеть на берегу с удочкой, наблюдая за поплавком. Обязательно надо выбрать время для рыбалки, пообещал я себе и отправился в мастерские один.

Отдельная дверь в кабинет уже была сделана, но находилась почти на уровне метра над землей, ибо до крыльца дело еще не дошло. Поэтому я сразу направился к основному входу. Отперев дверь, почувствовал большую влажность. Свежеезалитые полы сохли, насыщая испаряемой влагой все помещение. Надо будет сказать Василичу, чтобы в понедельник все хорошенько проветрил.

Подойдя к дверям в кабинет, ощутил какую-то непонятную тревогу. Даже не тревогу, а какое-то непонятное и вместе с тем знакомое чувство. От неожиданности такого ощущения даже постоял с минуту, пытаюсь сообразить, что это такое. Но так ничего и не поняв, списал на вчерашнюю пьянку и открыл дверь. М-да... Действительно колодец. Шлак был выбран метра на полтора. Из кирпичной кладки противоположной стены торчали сгнившие деревяшки, в которых угадывались остатки лестницы. Возможно, здесь когда-то был погреб. Интересно, на какую глубину опускается этот подвальчик? И не скрываются ли под слоем шлака какие-нибудь старинные вещи? Рядом с дверью в яму опущен-

на приставная лестница, по которой спускались рабочие за шлаком. По ней я и спустился вниз, влекомый то ли азартом, то ли тем самым непонятным чувством, поселившимся во мне. Спустившись, увидел торцы старых досок, торчащих из шлака у той стены, к которой вели старые ступени. Взяв оставленную рабочими совковую лопату, начал отгребать шлак от досок. Когда доски освободились примерно на полметра, стало понятно, что это щит, закрывающий какой-то проем. Мое любопытство усилилось. Сам не знаю зачем, я стал стучать лопатой по этому щиту. Старая древесина не выдержала, послышался треск ломающихся досок, шлак подо мной хлынул в образовавшийся проем, увлекая меня с собой.

***

Зарождавшееся во мне чувство вмиг усиливается, ослепляет сознание яркой вспышкой... и просыпается Зверь. Тот самый Зверь, который появлялся почти год назад, нагнав тогда ужас на здорового пса. Осыпаящийся шлак увлекает меня метров на пять вниз. От пролома, в который я провалился, спускаются выглядывавшие из под шлака кирпичные ступени. Стены помещения, также выложенные из красного кирпича, переходят в арочные своды. Само помещение примерно пяти метров в длину и около трех ширины. Я, ведомый тем чувством, что родилось во мне, решительно направляюсь к противоположной стене.

Несмотря на то, что проникающий в пролом свет практически не попадает на эту стену, я отчетливо вижу то место, где кирпичная кладка отличается от остальной стены. Отсутствие перевязки между кирпичами выдает два вертикальных шва, прорисовывающих некогда заложенный дверной проем. Не останавливаясь, наношу в это место удар ногой. С десятков кирпичей вылетели, обнаружив за собой чернеющую пустоту. Еще несколько ударов, и я шагаю в следующее помещение, не отличающееся по размерам от предыдущего. Дверь в противоположной стене на этот раз не заложена, и, пройдя ее, я оказываюсь на небольшой площадке перед спускающимися куда-то вниз каменными ступенями. Ступени на этот раз именно каменные, точнее, гранитные, а не сложенные из кирпича. Из гранитных блоков сделаны и стены. Спускаюсь, минуя не менее ста ступенек. Затем следует узкий горизонтальный коридор, протяженностью около пятидесяти метров. И, наконец, вхожу в просторный подземный зал, размером метров пятьдесят в даль и двадцать в ширину. Арочный свод возвышается не менее чем на десять метров. В боковых стенах зияют черными провалами дверные проемы, закрытые металлическими решетками из толстых кованых прутьев, по три двери в каждой стене. Но то, куда ведут эти двери, меня не интересует. Ближе к противоположной стене с потолка свисают четыре металлические цепи, на которых на уровне метра от пола висит гранитная плита. Моей целью было то, что лежит на этой плите.

В центре плиты находится книга. Переплет сделан из толстой кожи, обрамленной по краям пластинами из светлого металла. Вопреки обычному представлению о старинных книгах, эта вовсе не велика. Ее размер не превышает размер обычного школьного учебника. На книге лежит шнурок с привязанным к нему маленьким амулетом. Амулет представляет из себя фигурку какого-то странного зверя: волчья голова, человеческий торс, нижняя половина явно медвежья, расправленные из-за спины могучие крылья.

Рядом с амулетом холодно поблескивает перстень с изображением того же зверя. Этот же зверь изображен и на браслете, и на бляхе ремня, что находятся на плите рядом с книгой. Амулет, перстень, браслет и бляха сделаны из того же светлого металла, что и обрамлявшие книгу пластины.

Я раздеваюсь по пояс, бросив куртку и рубаху на плиту. Затем беру амулет и надеваю его на шею. На миг все мои чувства смешиваются, я ощущаю сразу и дикую радость, и удовлетворение, и еще какое-то непонятное чувство, будто, наконец, обрел то, что однажды потерял. Пару минут жду, пока амулет впитается в мою грудь, и когда он исчезает, оставив на моей шее только шнурок, я беру браслет и надеваю его на левое запястье. Вскоре исчезает и он, растворившись в теле. За браслетом так же исчезает ремень. После того, как на моем пальце растворяется перстень, я одеваюсь и направляюсь к выходу. Книга остается лежать нетронутой.

Поднявшись по каменной галерее, нажимаю на нужный

кирпич в кладке. Кирпич разворачивается вокруг оси слева направо, из стены напротив выезжает плита и с сухим шуршанием смыкается с плитой под моими ногами. Лестница, ведущая вниз, исчезает.

Наконец возвращается контроль над собственным сознанием.

Я стою в небольшом помещении с кирпичными стенами и гранитным полом, стою офигевший от нереальности произошедшего. Осматриваю руки, убеждаюсь в отсутствии браслета и кольца, ощупываю живот, ремня тоже нет. Померещилось? Хлопаю рукой по груди и нащупываю шнурок...

– Ёкарный рябой! Это что еще за катакомбы?! – слышится голос Игоря.

***

До самого утра я простоял на балконе, глядя на ночной город и, время от времени, ощупывая шнурок на своей шее. Мысли, роившиеся в голове, никак не хотели выстраиваться хоть в какое-то подобие логической цепочки. Они, подобно звездам на ночном небе, мелькали отдельными слабыми вспышками, и только очень отчаянная фантазия была способна выстроить из этих светящихся точек созвездия, якобы напоминающие по форме некие фигуры. Да какая тут, к черту, логика?! Если со своими суперменскими способностями я уже смирился, хоть и не знал все их возможности, то перспектива утери контроля над собственным разумом меня пугала. И снова, как прошлым летом, думать о том, что

я не понимал, не имело смысла, а не думать не мог. Что за мистические предметы растворились в моем теле? Почему я даже не прикоснулся к книге?

Когда первые солнечные лучи осветили город, я вышел из квартиры и решительно направился в сторону мастерской. Если все произошедшее вчера не померещилось, то я надеялся, что книга хоть как-то прояснит ситуацию.

Вчера, услышав голос Игоря, я вернулся к пролому и, по добрав провалившуюся вместе со мной лопату, начал очищать порожки, чтобы подняться наверх.

Сверху послышалась какая-то возня, и в проломе показался Игорь, державший в руке переноску.

– Включай! – заорал он кому-то. Лампочка загорелась, осветив подвал.

– Олег?! – наконец-то разглядел меня парень. – Чего это ты тут?

– Кто там с тобой? – вместо ответа спросил я.

– Пашка. Мы с Василичем на рыбалку ездили. Его домой завезли и на обратном пути решили заглянуть сюда, посмотреть, как дела продвигаются. А тут... – взгляд Игоря упал на противоположную стену. – Там что, еще есть помещения? – спросил он, заметив дверной проем.

– Еще такое же.

Про обнаруженное еще ниже подземелье решил пока не говорить.

Зашуршал шлак, и рядом с Игорем нарисовался Пашка.

– Фигасе подвальчик, – присвистнул он.

Я скинул шлак с последней верхней ступеньки и, оттолкнув уже готовых пролезть в пролом ребят, выбрался наружу.

– Оставим исследования на завтра, – сказал я ребятам. – А пока никому о подвале не говорите.

Друзья понимающе кивнули, и мы вместе покинули мастерские.

***

И вот, решив начать исследование в одиночку, а скорее, просто не выдержав ожидания, иду к мастерским.

По дороге немного отвлекся. Выйдя из дома ранним утром, всегда обращаю внимание на лица встречаемых прохожих. У доброй половины лица непроснувшихся лунатиков. Не понимаю таких, кто заводит будильник за пять минут до того момента, когда надо выходить из дома. Почему нельзя встать за часок, сделать зарядку, принять душ, позавтракать, оставшееся время позырнуть в телятник и бодреньким выдвинуться на работу? Нет, блин, надо тянуть до последней минуты, а потом, в полуживом состоянии сомнамбулы, переходить проезжую часть или, того хлеще, самому садиться за руль автомобиля.

Но среди утренних лунатиков хватает и других, вполне живых лиц. Вот, например, мужичок лет тридцати, идет счастливо улыбаясь, и в его довольном взгляде, устремленном сквозь все попадающееся на пути, легко можно увидеть эротические ночные сцены... Глядя на таких людей, сам

непроизвольно начинаешь улыбаться.

А вот другой тип утреннего пешехода. Глаза выпучены, рот судорожно хватает воздух, как у выброшенной на берег рыбы, руки тянутся в сторону ближайшего киоска, пытаюсь достигнуть его быстрее, чем несут ноги. Жаждающий мозги всеми своими клеточками так сильно вырабатывает лишь одну мысль, что не надо обладать экстрасенсорными способностями, чтобы увидеть образ бутылки пива с сияющим божественным нимбом над пробкой.

Цок, цок, цок... Пронеслась со скоростью экспресса здоровенная тетка. Меня слегка качнуло воздушным вихревым потоком, стремящимся заполнить вакуум, образующийся за стремительным женским телом. М-да, при виде таких... баб не может зародиться никаких эротических мыслей. Лишь удивление, как такую массу выдерживают столь тонкие каблучки? Тетка явно опаздывает. Но опаздывает не потому, что поздно встала. Встала-то как раз рано, но вот пока то да се, погладила выстиранное с вечера шмотье, пока разбудила детей, накормила всех завтраком, на скорую руку намакияжилась, отволокла младшего в садик... А в промелькнувшем взгляде стоит список намеченного на день. В первую очередь, прискакав на работу, надо воткнуть комп и проверить, чего там нового в «одноклассниках» – кто заходил, кто какой коммент написал, кто какую оценку поставил на загруженную давеча фотку. Ага, в обеденный перерыв надо мотнуться в ближайший секунд-хенд. Там, говорят, сегодня распрода-

жа новой весенне-осенней коллекции с пятидесятипроцентными скидками...

Ну его на фиг, читать дальше теткин список. Тем более что она давно уже скрылась из вида. Лучше улыбнусь симпатичной девушке. Она на ходу критически оглядывает свой прикид. Судя по строгому костюмчику и взволнованному выражению лица, девушка, скорее всего, направляется на собеседование по поводу работы. Хотя, какое нафиг собеседование в такую рань...

Епс...Засмотрелся... Прошел мимо мастерских...

***

Снова стою на площадке перед спуском в подземелье, в котором осталась книга.

Нужный кирпич в кладке, приводящий в действие механизм, отодвигающий стену, хоть и ничем не отличался от остальных, но я определяю его среди многих так, как будто нажимал на него ежедневно, почти не глядя. Отогнав начавшие было одолевать меня сомнения, спускаюсь вниз почти бегом. На этот раз обращаю внимание на абсолютную чистоту. Такое ощущение, будто кто-то неведомый отдраил гранит до блеска. Не нахожу даже следа пыли, ни клочка паутины. Да и сам воздух вовсе не отдает подвальной затхлостью и сыростью. В нем скорее чувствуется какая-то электрическая сухость. Кажется, если проведу рукой по волосам, то они, подобно кошачьей шерсти, отзовутся электрическим потрескиванием.

Миную коридор и, подходя к плите, замечаю отсутствие книги...

А была ли книга? Были ли пояс, браслет, перстень и амулет? Ну и что, что на моей шее болтается какой-то шнурок? Если есть шнурок, это вовсе не значит, что было и все остальное. Может, в подземелье скопился галлюциногенный газ, и все произошедшее не что иное, как глюк. И шнурок – единственно реальная часть этого глюка. Мало ли что бывает. Один знакомый, например, встал как-то ночью с кровати, снимал в квартире все межкомнатные двери с петель, составил их к стенке и, под офигевшим взглядом жены, спокойно улегся в кровать и захрапел дальше. И он сам утром ни за что не поверил бы рассказу жены, если бы не снятые с петель двери.

Так и я, мог нацепить этот шнурок в бреду, вызванном галлюциногенным газом, а все остальное дорисовала отравленная психика.

Однако само подземелье, скрываемое отодвигающейся гранитной плитой, существует. И с потолка подземного зала свисает вполне реальная каменная столешница, подвешенная на толстых металлических цепях. И существует шесть арочных проходов, забранных стальными решетками, по три с каждой стороны. И за каждой из этих решеток сплошная тьма... Тьма?! Благодаря неизвестно как приобретенным способностям, я могу видеть в темноте не хуже, чем при ярком освещении. Но за пределами решеток я не вижу ниче-

го... Что скрывают эти решетки? Как открываются? Открываются ли вообще? Может, толстые металлические стержни просто вмурованы в гранитный монолит.

Почему-то я не испытываю ни малейшего желания подойти к этим решеткам.

Размышляя над всем этим, стою у висящей на цепях плиты и, не зная, что предпринять, дотрагиваюсь до шнурка, словно желая еще раз убедиться в его существовании.

Мои пальцы нащупывают амулет!!!

На плите, словно материализуясь из воздуха, появляется книга! На толстом кожаном переплете имеется небольшое углубление в виде человеческой ладони, словно кто-то с невероятной силой вдавил кожаную обложку, да след так и остался.

Продолжая держать в правой руке амулет, левую кладу на книгу, совместив ладонь с выемкой. В тот же миг сознание меркнет.

***

Я, один из семи, существовал вечно.

Я не знал или не помнил ни своего начала, ни своего создателя, если такой когда-либо существовал.

Я мог на века впасть в небытие, забывая, что было до того.

Я мог, выйдя из небытия, влиться в тело первого попавшегося смертного и овладеть им, заменив его сущность сво-

ей, либо, если его сущность окажется сильнее, затаиться в глубине человеческого сознания.

В первом случае сущность смертного умирала, а я приобретал тело в полное свое пользование, удивляя бывших его знакомцев вдруг открывшимися или приумножившимися талантами, появившимися неординарными способностями. Иногда, став обладателем новой оболочки, я продвигался в правители государств, приводя их к процветанию или, наоборот, к уничтожению. Иногда становился пророком, провозглашая новые религии. Иногда развлекался, становясь городским сумасшедшим. Один раз даже позволил сжечь себя на костре, находясь в образе деревенской колдуньи.

В случае, когда сущность смертного оказывалась достаточно сильна, чтобы не позволить мне овладеть ею, я затаился в глубине сознания смертного, постепенно растворяясь в нем, проникаясь его бытием и его идеями, позволяя ему овладеть моей Силой, способной пробудить скрытые человеческие возможности – те человеческие возможности, которые практически вытравлены глупым путем технической цивилизации. И этот второй случай вызывал во мне больший интерес, ибо всегда был полон неожиданных поворотов и решений. Однако и «присосаться» к такой сущности было непросто. В обычном состоянии сущность такого смертного была огорожена непроницаемым щитом. Проникнуть за этот щит можно было, лишь подведя смертного к грани небытия.

Очень часто, оказавшись на этой грани, душа проваливалась за нее, и тело умирало.

Когда все проходило удачно и мне удавалось проникнуть в сущность, не убив смертного, начиналось Течение Времени. Если для моей сущности Времени не существовало, то тело и душа смертного, частью которого я теперь становился, были ему подвластны. Именно Течение Времени и было то, чем так притягивали меня эти несовершенные смертные. Течение Времени рождало во мне то, что у смертных именуется азартом. Воплотившись в новом теле, я чувствовал себя подобно спринтеру, выходящему на дистанцию. И если в первом случае дистанцию выбирал я сам, то во втором непредсказуемость дистанции усиливала азарт. И именно благодаря Азарту я начинал Жить, а не просто существовать.

Чтобы хоть как-то продлить дистанцию, отмеренную смертному Временем, при этом не замедляя движения, необходимо было усовершенствовать его тело. Обращаться со своими телами смертные не умеют, вследствие чего они изнашиваются значительно быстрее отпущенного им времени. Исправить это было легко. Достаточно лишь пробудить в тканях способности к регенерации, и тело восстанавливалось довольно быстро. Смертный же принимал изменения в себе как дар богов. Глупый.

Сложнее было заставить смертного овладеть Силой. Если, вливаясь в поработанные души, я наделял тела собственной силой, то во втором случае я мог быть лишь сторонним на-

блюдателем. Поэтому и были созданы артефакты силы. Иногда уходило несколько месяцев, а то и лет, драгоценного времени, прежде чем удавалось подвести смертного к артефактам и, овладев на короткое время его разумом, заставить принять их. Сами артефакты представляли из себя сгустки энергии, воспринимаемые смертными как некие материальные предметы. Соединяясь с этой энергией, человек приобретал Силу. Однако пользоваться ей ему еще предстояло научиться. Бывало, смертный проходил свой путь, не подозревая о приобретенном даре.

Еще реже происходили случаи, когда я, вселившись в очередное тело, встречал на своем пути подобного мне, другого из семи. Тогда игра становилась интересней.

***

–Э-эй, Оле-ег, ты чего это? А? Что с тобой?!

Мое сознание как будто вынырнуло из глубокого омута. Я по-прежнему стоял в подземном зале, положив одну руку на плиту, а другой тянул шнурок с такой силой, что на шее наверняка надолго останется след.

– Э-й! Да что с тобой?! – тряс меня за плечо Игорь.

– Задумался малость, – отбросил я его руку. – Чего трясешь как яблоню? Один хрен ничего не посыплется, не надейся.

– Фигасе задумался! Да я тебя минут пять уже из задумчивости вывести не могу. Уже и не знал, что делать.

– Ты как тут оказался?

– Как-как. По ступеням спустился. Договаривались же вчера с утра подвальчик осмотреть. Я вот фонарик прихватил, – луч мощного фонаря перемещался по стенам зала, пока не наткнулся на одну из решеток. – Ого! Смотри, решетка! И проход куда-то. – сообщил Игорь.

– Да видел я. Ты с Пашкой?

– Не. Один приехал. Но Пашка тоже должен щас подкатить. Слушай, Олег, а что с тобой было-то? А?

– Сказал же – задумался. Глубоко задумался. Знаешь, Игорек, давай наверх поднимемся, пока кто еще не нагрянул. Там и обсудим все, – я решительно направился к выходу. И уже шагнув из зала в каменный коридор, оглянулся. Игорь стоял, тупо глядя в мою сторону, опустив луч фонаря в пол.

– Ты чего там застыл? Тоже, что ли, задумался глубоко?

– А... – Игорь сглотнул, пошлепал губами. – А-а, а как ты без фонаря... ну-у без света... в темноте?

– На ощупь, – оборвал я. – Двигай наверх!

Мы молча поднялись из подполья в подвал. Я пропустил вперед Игоря, толкнул нужный кирпич. Плита с тихим шорохом задвинулась. Навстречу нам метнулся луч еще одного фонаря.

– Чего меня не подождали? – с укором произнес Павел. – Что там? Еще комната? – спросил он. Недоумевая проследил за тем, как мы молча прошли мимо, направился за нами.

Игорь описал Пашке увиденное, а я тем временем пытался

вспомнить, что со мною произошло. Помнил только, что мне опять почудились книга и амулет. И все...

После введения Павла в курс дела мы провели небольшое совещание, на котором решили, что до более подробного исследования обнаруженного подземелья будем держать его в секрете. В крайнем случае, можно будет открыть тайну Василичу. А пока нужно ускорить строительство крыльца, дабы не ходить в кабинет через цех. Дверь из цеха держать постоянно запертой и не открывать при непосвященных.

***

Крыльцо общими усилиями замастрячили за пару дней. Василич приступил к настилу пола, с потайным люком и лестницей. Он был посвящен в существование только двух первых помещений, но идею оставить их в секрете поддержал. Помогать старику вызвался я сам. Павел взялся провести освещение в подвале. Игорю пришлось временно руководить двумя бригадами отделочников, замещая друга.

Исследование подземелья отложили на воскресенье.

***

Еще издали заметил, как во двор мастерских заезжает «нива» Игоря. Павел закрыл за машиной ворота. Когда подошел, ребята уже сидели на крыльце, держа в руках по большому фонарю. Оба одеты в ветровки защитного цвета, подпоясаны армейскими ремнями, к которым прикреплены чехлы с саперными лопатками, и где только взяли.

– Вы что там, окопы рыть собрались? – спросил, пожимая протянутые ладони.

– Взяли на всякий случай. Кто знает, что там, за этими решетками, – деловито парировал Игорь.

– С чего ты взял, что мы попадем за эти решетки? Надо сперва разобраться, как они открываются, – я открыл дверь, и мы ввалились в кабинет.

– Ра-азберемся, – уверенно хмыкнул Игорь. – Ух ты-ы. Пол уже готов! Лихо вы.

– А ты думал, мы тут спали неделю? – хлопнул друга по плечу Пашка.

***

Ярко освещенный, благодаря Пашкиным стараниям, подвал уже не казался таким таинственным. Разве что потолок несколько высоковат для подвального помещения. Не было в нем никаких достопримечательностей, типа настенных рисунков и тому подобного. Поэтому разглядывать здесь было нечего, и мы сразу направились в кладовку, в которой открывался люк в подземелье.

– Олег, ты опять без фонаря, – не спросил, а как бы констатировал факт Игорь. Я глянул на него, но ничего не ответил. По Пашкиному взгляду было понятно, что сей феномен ребята уже обсуждали. Интересно, к какому выводу пришли? Ну да ладно, что я мог им объяснить, если сам нифига не понимал.

Молча проследили за отъезжающей плитой и гуськом дви-

нулись вниз.

Лучи фонарей шарили по порожкам, стенам, потолку галереи. Друзья восхищались, удивлялись и строили версии по поводу тех, кто вырубал все это в граните.

Вышли в зал. Игорь сразу направился к подвешенной столешнице, подпрыгнув, уселся на нее и принялся раскачиваться как на качелях. Я грубо сдернул его на пол.

– Давайте договоримся, – сказал я громко. – Ни к чему не прикасаться, никуда не лезть и ни на что не запрыгивать до тех пор, пока мы все здесь как следует не изучим!

– Да ладно. Я больше не буду, – ехидно улыбнулся Игорь

– Мужики! Мужики! – Пашкин голос звучал испуганно и одновременно крайне удивленно. – Смотрите, что это?! Не пойму...

Мы обернулись к нему. Он освещал фонарем одну из решеток. И удивительно было то, что луч не пробивал тьму, стусившуюся за решеткой, а скользил по ней, как по стене. Еще первый раз я заметил, что, несмотря на свое феноменальное зрение, не вижу ничего за решеткой. Теперь оказалось, что и луч фонаря тоже беспомощен перед этой тьмой.

Поочередно обошли все зарешеченные проемы. В каждом непроницаемая тьма.

Игорь вынул лопатку и сунул за прутья. Лопата свободно вошла во тьму, растворившись в ней полностью, и так же свободно вернулась назад.

– Мистика... – выразил общее мнение экспериментатор. –

Руку я, пожалуй, туда совать не буду.

– А я, когда к первой подошел, за решетку брался, пальцы на той стороне в ... это наверняка погружались, но ничего не почувствовал, – сказал Пашка.

– Ну сунь еще, а мы посмотрим, – подначил Игорь.

– Неа. Не хочу. Сам суй.

– Головы туда суньте, – буркнул я, пытаюсь обнаружить хоть одну умную мысль, но безрезультатно.

– Не пролезут. Решетка слишком частая. Кстати, что будем с ней делать? Может, тупо срежем болгаркой? – Игорь вопросительно уставился на меня.

– А зачем? – я в свою очередь глянул на энтузиаста.

– Как зачем?

– Ну, спилим мы ее. Хотя что-то мне подсказывает, что не такое это простое дело. Но, допустим, спилим. И что? Кто-то из вас пойдет в эту темень? А если и пойдет, что толку? Если сквозь нее даже свет не проникает, значит, там нифига не видно. А если эти решетки как-то сдерживают темень? Мы их спилим или откроем, если разберемся как, а это темное нечто вывалится и пожрет нас. А?

– В натуре. Я и не подумал.

– Типа, ты когда-нибудь думал. – Пашка слегка шлепнул друга по затылку.

– Да пошел ты, – незлобливо огрызнулся тот. И, засовывая лопатку в чехол, обратился ко мне: – Что делать-то будем?

– Будем не спешить. Для начала осмотрим здесь все как

следует. А там видно будет.

В течение получаса ребята исследовали пол, стены и потолок подземного зала. Безрезультатно. Никаких предметов или тайных знаков, никакой настенной живописи.

Я же сразу заметил на стене справа от каждой решетки очерченные микроскопическими трещинами квадраты. Почти уверен, что с их помощью открывались проходы. И теперь, бродя от одной стены к другой, думал, стоит ли говорить ребятам. Вообще-то стоило пока промолчать, а то еще полезут без спросу экспериментировать. Но, с другой стороны, вдруг сами обнаружат или случайно облокоотятся да нажмут? Мало ли как эти квадратики действуют, или что приводят в действие? В конце концов, просто еще раз предупредил ребят, чтобы сами никуда не лезли, а если что обнаружат, то сперва тщательно и сообща обследовали визуально. Возражений не последовало, и, осмотревшись еще раз, решили на сегодня с подземельем расстаться.

Ребята подвезли меня домой.

—И все таки, ты в темноте без фонаря... — начал было Игорь, но я захлопнул дверцу «нивы» и зашагал в подъезд.

***

Все-таки хорошо, что я мог спать. При новых возможностях организма сон не был мне необходим. По крайней мере, я свободно мог бодрствовать неделю, не замечая усталости, не испытывая сонливости. Не раз проверял. Но все ж были моменты, когда ни делать ничего не хотелось, ни думать ни о

чем. И если бы не сон... Правда, теперь сон не приходил как обычно постепенно, а я просто ложился с решением заснуть, и в организме что-то отключалось на нужный промежуток времени. И я даже не думал о том, во сколько мне нужно проснуться, просто просыпался в нужное время и все.

Вчера Володька пригласил попариться в баньке. Баню он построил просторную и всегда был рад позвать друзей. Иной раз собиралось человек по десять. И как водится, делились новостями, вспоминали былое, спорили о чем-либо до хрипоты. Вот и вчера собралась такая компания. В итоге домой я вернулся ближе к полуночи совершенно отвлекшийся от утренних исследований, и сразу бухнулся спать.

Наутро планов не было, поэтому вставать не спешил. Проснувшись с первыми заглянувшими в окно солнечными лучами, долго лежал в полудреме. Встал только когда в голове, окончательно прогнав сон, начали роиться беспорядочные мысли.

Холодный душ. Яичница. Кофе.

Загудел виброзвонком мобильник. Высветилось «Н.В.» – Николай Васильевич.

– Да, Василич. Какие проблемы с утра пораньше?

– Дык тут это... Инспектор пожарный пришел... пришла... В общем, приезжай сам разбирайся.

– Так пришел или пришла? Баба, что ли?

– Спрашивают, когда будешь?

Я понял, что тот, кто пришел, находится рядом с Васили-

чем, и поэтому старик не может подробно объяснить суть проблемы.

– Скажи, через двадцать минут буду.

***

Во дворе мастерских сразу бросилась в глаза ядовито-желтым цветом малолитражная хюндайка. Ясно, что принадлежит женщине. Мужик не сядет за руль такого... А если сядет, то не мужик.

– Вот и хозяин подошел, – указал на меня Василич, стоявший у дверей мастерских рядом с русоволосой женщиной. Осматриваю гостью. Довольно симпатичная блондинка, лет около тридцати. Зеленые глаза оценивающе стрельнули, взгляд пробежал по моей фигуре и, не найдя, на чем зацепиться, стал деловито-скучающим. Серый деловой костюм придавал ее фигуре какую-то особенную офисную сексуальность.

И это пожарный инспектор?! Да никогда не поверю! Пожарный инспектор должен быть маленьким, лысым, вечно потеющим мужичком, с маленькими бегающими глазками. Передо мною же стояла как минимум секретарь какого-нибудь крупного босса. Или нет. Скорее, я бы принял ее за директрису мелкой фирмочки, что-то типа турагенства и т.п. Я бы назвал ее красавицей, но мешало то ли усталое, то ли смертельно скучающее выражение зеленых глаз.

– Старший инспектор Никитина. – Представилась зеленоглазка. Держа на локте левой руки папку, она сделала ка-

кие-то пометки на листке бумаги и протянула его мне. – Вот акт о нарушении правил пожарной безопасности. Ваш сторож, – взгляд в сторону хмурого Василича, – не позволил мне осмотреть все помещения, но и того, что я видела, достаточно, чтобы опечатать здание.

– Погодите, погодите. Как опечатать? Ведь все было принято и подписано вашим инспектором еще зимой. Нет ну, сейчас здесь, конечно, небольшой бардак, но только потому, что идет ремонт. Вот после ремонта милости просим – приходите, принимайте.

– Знаем мы, как вы сдаете объекты. Сейчас новые, более жесткие, требования. И состояние вашего здания им не отвечает. Поэтому я вынуждена его опечатать.

– Девушка, милая, но вы же старший инспектор, а значит, не простой бездумный исполнитель. Скажите, как я смогу исправить несоответствия, если вы опечатаете мастерские?

– Обращайтесь с этим вопросом к вышестоящему начальству. Я лишь выполняю распоряжение...

Опа! Какое еще распоряжение? Значит, все якобы нарушения – туфта? Есть какое-то распоряжение? Чье? Почему?

Инспекторша, поняв, что ляпнула лишнее, теребила в руках папку, вероятно, соображая, как скорее разобраться с делом, опечатать, наконец, эти долбаные мастерские и покинуть этот пыльный двор на своей гламурной машинке.

Ну уж нет. Надо выяснить у нее как можно больше.

– Извините, о каком распоряжении вы говорите? Кто-то

распорядился прикрыть мастерские? Я кому-то перешел дорогу?

Предательский румянец выступил на нежном личике. Зеленые глазки сделались злыми.

– Я имела в виду новое постановление об ужесточении противопожарных мер. Вы дадите мне опечатать, или к вам необходимо являться только в сопровождении милицейского наряда?

Та-ак. Видать, распоряжение конкретное.

– У вас наверняка есть с собой копия этого постановления? Разрешите ознакомиться?

– Я не ношу с собой все постановления. С вас достаточно ознакомиться с актом о нарушениях.

– Нет. Еще раз прошу меня извинить, но так дело не пойдет. Не могу позволить вам опечатывать свое имущество, не разобравшись в чем дело. Давайте начистоту. Кто-то что-то от меня хочет? Скажите кто? Скажите, к кому мне следует обратиться? Я же не совсем идиот. Понимаю, что так, с наскока, не опечатывается ни одно здание.

Злое выражение на ее лице сменилось отчаянной усталостью. Глаза помутнели от выступившей влаги.

– О боже! Ну почему он поручил это именно мне? Почему нельзя было послать какого-нибудь мужика? Почему всегда такие вопросы должна решать я?

Женщина устало опустила на лавочку. Я с интересом ждал продолжения. Напрасно. Присев лишь на полминуты,

она вдруг решительно встала и, высоко задрав носик, направилась к машине.

– Все! Пусть шеф сам с вами разбирается! И вы со своими вопросами можете прямо к нему... – Продолжая что-то говорить, с силой захлопнула дверцу хюндайки.

Через минуту о симпатичной инспекторше напоминала только бумажка, именуемая актом о нарушениях. Какое-то время я тупо разглядывал этот листок.

– Слушай, Олег, – вывел меня из ступора голос Василича. – Тут такое дело... Ко мне вчера какие-то быки приходили. Сказали, из администрации. Неушто в нашей администрации такие рожи уголовные сидят? Предлагали дом продать. Мол, строить чтось здесь будут и все равно всех выселят. Дали неделю на раздумье. Потом, сказали, снова придут. От меня к соседу пошли. Я вот думаю, не одного ли поля ягоды вчерашние быки из... хм... администрации и сегодняшняя фифочка?

– Интересно, интересно... Денег-то хоть сколько предлагали?

– За дом, что ли? Дык, нисколько не предлагали пока. Пришли, оттараторили как стишок заученный и ушли. Послушаю, что через неделю скажут. Ты то сам чего делать думаешь?

– А что делать... Бум разбираться. Нет мне резона мастерские терять, – в этот момент я думал о подземелье. – Ты вот что, Василич. Застели временно чем-нибудь полы в кабине-

те, чтобы люк прикрыть. И никого туда не впускай, держи дверь постоянно запертой. Если что срочное, ну, если явится кто опять, сразу звони. А я, заодно, постараюсь узнать, кто это на твой дом позарился. Значит, из администрации, говоришь, хм...

Тяжелый вздох, отчаянный взмах руки, и старик скрылся в дверях мастерских.

Собственную машину я продал, еще когда начались проблемы со зрением. С тех пор так и не приобрел. Не то чтобы привык обходиться, а просто понял, что никакой свободы автомобиль не дает. Наоборот – одна сплошная зависимость. Более того – обуза. Нет, ну, автомобиль, конечно же, нужен тем, кого, как говорится, колеса кормят. Например, тем, кто занимается грузоперевозками и т.п. Я же прекрасно обходился услугами такси и не забивал голову стоянками, гаишниками, техосмотрами, ремонтами и прочей лабудой, непрестанно сопровождающей владельцев авто.

Но сегодня был тот редкий случай, когда лучше было иметь под задницей личные колеса. Потому я и позвонил Игорю. По дороге в офис пожарной инспекции ввел его в курс дела. Не забыл упомянуть и о гостях Василича. Игорь только возмущенно хмыкал и сосредоточенно крутил баранку.

У крыльца пожарки в ряду других автомобилей стояла уже знакомая желтая хюндайка. Я с ехидцей мысленно отметил свежую птичью кляксу на лобовом стекле – бог шельму

метит, так гласит народная мудрость. Хотя та же мудрость сообщает, что дерьмо к деньгам...

Узнаю у шествующей по темному коридору престарелой шатенки, где находится кабинет начальника. У дверей приемной сталкиваюсь с хозяйкой обиженной неизвестной птичкой машины. Она вылетела из приемной шефа как ошпаренная. На меня даже не взглянула, мало ли посетителей ходит по коридорам, какое-то время не могла попасть ключом в замок соседней двери. Наконец дверь отворилась и, громко хлопнув, скрыла за собой женщину. Табличка на двери гласила: «старший инспектор НИКИТИНА ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА». М-да, Юлия Федоровна, день у вас, похоже, не задался. И машину опять же птичка обгадила... Тьфу ты, далась же мне эта машина. Шагаю в открытую дверь приемной.

Говорят, что по внешнему виду секретарши можно многое сказать о ее шефе. Интересно, что бы сказали специалисты по подобным определениям, увидев огромную во всех трех измерениях блондинку с густыми черными бровями, с ярко-красно на помаженными губами и с неожиданно нежным почти ангельским голоском?

– Вы по какому вопросу?

– Я к ... – нахожу взглядом табличку на дверях кабинета начальника, нифига себе имечко! «Бельц Терем Яковлевич». – Я к Терему Яковлевичу по поводу вот этого акта.

Она берет у меня листок. Боже мой! Ее ладонь в два раза

больше моей! Каков же ее шеф?!

Великанша бегло изучает документ и вновь удивляет меня нежным голоском.

– Присядьте, пожалуйста.

С неожиданной для ее массивного тела легкостью поднялась и прошествовала к дверям шефа. В походке сквозит некая фундаментальная грация существа, знающего цену каждому своему движению. Если бы этот Терем-теремок догадался посылать ее в качестве инспектора, то... Я пытаюсь представить, что утром в мастерские явилась эта... кх-м ... женщина, и спешно гоню от себя эту мысль. За первой дверью оказался небольшой тамбур. Секретарша стукнула троекратно во вторую дверь, затем закрыла за собой первую. Не зря начальники устраивают перед кабинетами такие тамбуры – звукоизоляция стопроцентная, можно даже и не стараться напрягать слух, хоть ухо к дверям приложи, все равно ничего не услышишь. Ладно. Подождем-с.

А пока можно обмозговать ситуацию. Судя по гостям из администрации, если, конечно, из администрации, которые посещали хозяев домов, расположенных рядом с мастерской, кому-то понадобилась земля в том районе. Скорее всего, под какое-то строительство.

Почему же тогда ко мне никто не явился с предложением купить мастерские? Да ясно же почему! Решили сперва задавить разными инспекциями – сегодня пожарная, завтра какая-нибудь санэпидемстанция, послезавтра еще кто-нибудь.

И когда меня достанут так, что я сам захочу избавиться, купят за три копейки. Возможно, такой вариант и прошел бы неделю раньше, когда еще не было обнаружено подземелье. Но сейчас... По крайней мере, пока не разгадана тайна...

Прерывая мои размышления, двери кабинета распахнулись и выплюнули маленького лысого толстячка в помятом сером костюме. Он шагал так широко, словно каждый раз намеревался сесть на шпагат. Застегивая на ходу пухлый портфель, он крикнул себе за спину:

– Зинаида, не забудь подготовить письмо в область! И всех к Никитиной...

Его шаги быстро затихли вдали коридора. Выпорхнувшая следом великанша прокричала в коридор:

– Все сделаю, Терем Яковлевич!

Ее взгляд нацелился на меня, и выражение лица из заискивающего переменилось на снисходительно-доброжелательное.

– Извините. К сожалению, Терем Яковлевич срочно отбыл в мэрию. Он сможет принять вас в следующий раз, когда будет свободен. Но так как ваше дело в ведении Никитиной, то вы можете обратиться к ней прямо сейчас. Ее кабинет находится рядом. Еще раз извините.

Так вот ты каков, Терем Яковлевич...

Я молча вышел из приемной. А нужна ли мне Никитина? Все ж, постучав, толкаю дверь ее кабинета.

– Можно к вам, Юлия Федоровна?

Она еще несколько секунд продолжает задумчиво смотреть в окно. Поворачивается. Во взгляде вспыхивает негодование.

– Вы?!

– Я. А что вас так удивило? Разве я не могу нанести ответный визит? Да не волнуйтесь. Я вовсе не собираюсь опечатавать ваш кабинет. И вообще, я могу немедленно удалиться, как только вы ответите мне на один вопрос.

– О боже! Да что ж за день-то сегодня такой?! – она устало опустила в кресло. – Я же вам сказала утром – все вопросы и претензии к начальнику. Его приемная рядом.

– Был я там. Меня к вам отфутболили. Да я вас понимаю. Работа нервная. А тут еще птичка эта, не могла в другом месте пролететь.

– Какая птичка?

– Да летает тут одна, гадит... Да я, собственно, по другому поводу. С птичкой вы сами разбирайтесь, – не дожидаясь приглашения, да и не дождался бы, сажусь на ближайший стул. – Единственное, что меня интересует – кто натравил на меня ваше ведомство? Мне это необходимо узнать как можно скорее.

– Знаете что?!

– Что?

– А то, что мое терпение лопнуло, – зеленые глаза яростно сверкали. Она вскочила, вышла из-за стола и, остановившись передо мной, указала рукой на дверь. – Идите к началь-

нику и там проявляйте свою наглость!

Я закинул ногу на ногу, откинулся на спинку стула.

– Во-первых, ваш шеф куда-то срочно убежал. Во-вторых, я боюсь его секретарши.

Никитина какое-то время стояла, молча сверля меня взглядом.

– А меня вы, значит, не боитесь? И потому решили поиздеваться?

– Юлия Федоровна, поймите, я лишь хочу защитить свою собственность...

– От меня?

Демонстративно окидываю ее взглядом.

– Нет. Вас я всегда буду рад видеть.

– А я вас видеть не хочу!

– Вы знаете способ, как от меня избавиться. Кто?

Она молча вернулась в свое кресло. Какое-то время что-то сосредоточенно изучала на мониторе, периодически щелкая клавиатурой. Снова взглянула на меня, старательно изображая равнодушие.

– Вы еще здесь?

Ну что ж. Поднимаюсь и направляюсь к двери.

– Шефу кто-то звонил из мэрии. Больше я ничего не знаю, – раздается мне в спину.

Оборачиваюсь. Юлия снова с умным видом стучит по клавишам.

– Скажите, Юля, если я куплю себе крутую тачку, то смогу

пригласить вас в ресторан? – наши взгляды встречаются, и я поспешно закрываю за собой дверь.

***

– Есть результат? – встретил вопросом Игорь.

– Практически нулевой. Лишь подтвердилось, что инициатива исходит из мэрии.

– И что делать?

– А что делать? Будем ждать, пока не выяснится точно, кому и что от нас нужно. Заводи. Поедем куда-нибудь пообедаем.

Ждать долго не пришлось. После обеда вновь позвонил Василич и сообщил о гостях.

Нам не удалось проехать во двор мастерских, ибо проезд загоразивал огромный черный джип, взирающий свысока на игореву «ниву» непроницаемо-темными тонированными стеклами. Пришлось «спешиться» перед воротами. Протискиваясь мимо джипа, глянул в его окна и... зрение каким-то образом перестроилось, я увидел развалившихся в салоне четырех мордovorотов, лениво разглядывающих меня. Не эти ли приходили к Василичу с предложением, а вернее, с предупреждением, что ему придется продать дом.

Во дворе стояли два одинаковых белоснежных круглофарных мерса. Рядом вышагивали, заложив руки за спину и похозяйски осматриваясь, два пузана, чьи дородные физиономии я не раз замечал в местных новостных каналах ТВ. Однако кто они такие, вспомнить не мог. Никогда не обращал

особого внимания на местных тузов.

– Олег Юрьич? – Спрашивает один, заметив мое приближение. Его маленькие серые глазки ощупывают меня с неприязненной снисходительностью. Мол, до общения с какой только шушерой не приходится опускаться небожителям.

– Он самый, – отвечаю и чувствую, что тревога пропала, а ее место занял не свойственный мне, а потому непонятный азарт. – Если вы ко мне, то подождите минуточку. Сейчас отдам кое-какие распоряжения и выйду к вам, – я быстро прошествовал мимо оторопевших чиновников, привыкших, что ждать могут только их. Ну да ждали же, пока подъеду, подождут и еще. Глядишь, выйдут из равновесия и сболтнут чего лишнего. В мастерских встречаю Василича.

– Видал, какие гости высокие? Не к добру это.

– Видал. Кто это, кстати? А то рожи по телеку видел мельком, а кто такие, не знаю.

– Да это ж два братца родных, Сараевы. Они раньше директорами совхозов были. А как поразваливали хозяйства напрочь, так в мэрию перебрались. Кем они там числятся, не знаю, но вот уже третий мэрин меняется, а они все остаются. Крепко засели, однако.

– Ладно. Разберемся. Ты люк замаскировал?

– Застелил пол ДСП. Сейчас Темка прикручивает саморезами.

Василич хотел сказать еще что-то, но, взглянув мне за

спину, замолчал. Я обернулся. В мастерские входит, пригнувшись в дверях, один из тех громил, что сидели в джипе, и, тяжело топая, направляется к нам. Каждое его движение наполнено уверенностью сильного зверя, готового порвать любого, вставшего на пути. Тяжелый взгляд опускается на меня.

– Послушай, мужик, к тебе люди пришли. Уважаемые люди! – уточняет он. – Не надо заставлять их ждать. Ты меня понял?

Я поворачиваюсь к Василичу.

– Этот приходил к тебе насчет продажи дома? – спрашиваю, демонстративно игнорируя громилу. Старик молча кивает. По нему видно, что он чувствует себя весьма неуютно. – Ладно, иди. Я тут сам разберусь, – отпускаю я Василича. Тот с явным облегчением удаляется.

– Так что ты говоришь про своих хозяев? – наконец соизволяю заметить бычару.

Сохраняя во внешнем виде абсолютное спокойствие, он наклоняется и тихо, но внятно, произносит прямо мне в лицо:

– Когда ты станешь им не нужен, – громилка кивает в сторону выхода, – я порву тебя на британский флаг. А сейчас, если не пойдешь сам, я тебя отнесу... нежно, – его губы растягиваются, изображая улыбку.

Странно, но я не испытываю никакого страха перед этой горой мускулов. Даже секретарша Терема Яковлевича вызы-

вала во мне больше уважения. И потому, направившись к выходу, я совершенно искренне улыбаюсь в лицо холуя.

– Послушай, Олег Юрьич, мы занятые люди...

– Мне уже объяснили, – обрываю кинувшегося ко мне чиновника. – Извините, в помещении ремонт, поэтому не могу вас пригласить внутрь. Вы не будете возражать, если я выслушаю вас здесь? И без предисловий. Кому и что от меня нужно?

Братья обменялись взглядами.

– Ну что ж. Хочешь напрямую? Тем проще. Только давай без лишних ушей, – говоривший кивает в сторону приближающегося Игоря.

– Олег, мне дадут машину во двор загнать, или я так и буду торчать перед воротами?

Я вопросительно взглянул на братцев, молча переадресовывая им вопрос. Один из них кивнул громиле, стоявшему у меня за спиной. Тот направился к джипу.

– Сейчас пропустят, – сообщаю Игорю. – Загонишь машину, помоги Василичу.

Парень понимающе кивает и шагает вслед за быком.

– Слушай внимательно, – заговорил один из Сараевых, когда мы остались втроем. – На этом самом месте, где стоит твой сарай, будет строиться... Неважно, что будет строиться. Для тебя неважно, – уточняет он.

– За землю ты получишь компенсацию, – перехватывает инициативу второй братец. – Но! Платить за это ... ветхое

сооружение тебе никто не станет. И не делай круглые глаза. Ты сам хотел разговора напрямую. Хотел? Получи.

– Но позвольте, – возмущаюсь я. – А с чего вы так уверены, что я вообще соглашусь продавать этот участок?

– Нет, ты не врубился, – констатирует факт один из толстяков. – Ты вообще в курсе, кто мы такие?

– Ну, видел раз по телевизору, – я решаю тупить. – Председатели колхозов вроде. Или не?

– Ты когда последний раз телевизор смотрел? – взбеленился толстяк.

– Наверное, когда еще телеки черно-белые были? – подхватывает второй, довольно прихрюкнув над своей шуткой. И тут же переходит на внушительный шепот: – Мы серые кардиналы этого города. Мы можем просто переехать тебя, не заметив. Но мы добрые. И поэтому, Олег Юрьич, мы обращаемся к тебе по-хорошему. И даже по имени-отчеству.

– Администрация выплатит тебе компенсацию за землю, – продолжает внушение первый братец. – Но за сарай, еще раз повторяю, платить никто не будет. Ибо он все равно пойдет под снос. Можешь делать с ним, что хочешь. Можешь разобрать по кирпичику и вывезти. Можешь застраховать от пожара и сжечь. Но на все тебе дается месяц. Все. На этом откровенный разговор закончен. Если возникнут какие-либо вопросы, милости просим, записывайся на прием, и мы тебя выслушаем в порядке очереди.

И подтверждая, что разговор окончен, он разворачивается

и решительно шагает к одному из мерсов.

– Все бумажные вопросы будешь решать с Владом, – кивает на джип другой толстяк и семенит следом за братом.

Вот и прояснилась ситуация. Теперь ясно – кто. Ясно, что приемлемых для меня вариантов нет. И не ясно, что делать...

***

Лежа на старом диване, честно пытаюсь думать о решении возникшей проблемы. Солнце, уставшее наблюдать за моими попытками думать, давно скрылось за крышами домов. Через открытое окно, вместе с весенней прохладой, доносится шум ночного города. Стараюсь, но никак не могу сосредоточиться на проблеме. Думаю о симпатичной старшем инспекторе Юлии. О том, что надо приобрести собственный автомобиль. О том, что в квартире много лет не делался ремонт.

Так! Все. Надо сосредоточиться на проблеме. Встаю и иду на кухню заваривать чай. Интересно, когда я в последний раз включал в квартире свет? Да и зачем это мне, если я прекрасно вижу в темноте... Е-мое, опять не о том...

Итак, что я могу противопоставить Сараевым? Да нифига. Кто я по сравнению с ними? Да никто. Если все же придется расстаться с мастерскими, что я теряю кроме вложенных средств и затраченного времени? Подземелье. И связанную с ним тайну. Не понимаю почему, но уверен, что мне необходимо проникнуть в эту тайну. А значит, необходимо иметь

доступ к подземелью. Если бы не странная тьма, обитающая в зарешеченных проходах, можно было бы исследовать их. Возможно, нашелся бы другой вход, выходят же они куда-то. Тогда замуровать вход из мастерских и засыпать подпол КамАЗом земли – дело одного-двух дней. Но тьма... Что, если попробовать открыть одну из решеток? Только сделать это надо одному. Незачем ребятам рисковать. В любом случае, у меня есть месяц времени, отведенный толстяками. А значит, не надо делать поспешных шагов. За месяц может что-нибудь измениться. Но и расслабляться не стоит.

Мысли вновь съехали к автомобилю. Чего вдруг загорелось приобрести? Чтобы был? И если брать, то какой? Как-то видел в инете фотографии шестиколесного «Трэкола», выпускаемого, кажется, на УАЗе. И вот запал в душу этот вездеход. Приобрести бы такой, с виду круче импортных джипов будет.

Новый скачок мысли. Интересно, зеленоглазая злодейка замужем? Почему-то уверен, что нет. Но не может же такая красotka быть одна? Или может? Или не может? Да и что мне до нее? И что ей до меня? Чем могу ее заинтересовать? Пешеход, проживающий в однокомнатной квартире. В квартире с выцветшими старыми обоями, с вылезшим из-под плинтусов линолеумом... Нет, это действительно непорядок. Имея под рукой две большие бригады строителей-отделочников, не могу организовать ремонт в собственной квартире. Стыдно будет кого в гости пригласить.

Завтра же займусь этим вопросом. Обязательно. Вернее, уже сегодня, судя по начинающему светлеть небу.

Чай остыл. Нажимаю на клавишу чайника...

М-да. Как же все-таки может все измениться за один только день. Почти год дела шли как по маслу, и на тебе... Откуда только взялись эти Сараевы? Серые кардиналы, мля. Надо бы побольше разузнать про них, на всякий случай. У Володьки, кажется, есть какой-то знакомый в мэрии. Надо заскочить к нему, переговорить – пусть ненавязчиво спрашивает знакомого.

Блин, заварка кончилась. Уже почти два года, как развелся с женой, а все никак не могу привыкнуть, что нужно самостоятельно заботиться о наличии продуктов. Ладно, обойдусь кофе. Ого! Время-то уже сколько! Можно и позавтракать. Хорошо, хоть яйца в холодильнике есть.

В начале девятого запиликал телефон.

– Доброго утра, шеф, – приветствовал из трубки жизне-радостный голос Игоря. – Какие планы на сегодня?

– Планы грандиозные. Подъезжай ко мне, ознакомлю.

Через четверть часа Игорь уже вникал в предстоящий ремонт моего жилища.

– Ничего грандиозного не надо, – объяснял я. – Все должно быть быстро, но качественно. Сам понимаешь, квартира однокомнатная.

– Да все понятно, Олег. Сегодня пришло Катерину, чтобы подсчитала чего и сколько. А завтра начнем. Думаю, через

неделю все будет чики-пики.

Я отдал Игорю запасные ключи от квартиры, чтобы ремонт не зависел от моего присутствия, и мы спустились во двор. Утро выдалось не по-весеннему хмурое. Морозящая с неба сырость, которую и дождем то нельзя назвать, напоминала скорее об осени. И лишь проклюнувшаяся из почек яркая зелень молодых листочков говорила о настоящем времени года.

– Такая погодка стояла солнечная, и на тебе, – сетовал Игорь. – Только вечером машину помыл.

Почему-то все водители перед дождем моют машины. Видать, у них это вроде инстинкта. У ревматиков перед дождем кости ломит, а водителей тянет машину мыть.

***

До обеда решал кое-какие вопросы с новым клиентом, потому мысли о свалившихся проблемах были отодвинуты подальше. И только озабоченное лицо Василича, встретившего меня в мастерских, напомнило о неприятностях. По осунувшемуся лицу понятно, что гложут старика нехорошие думки. Оно и понятно. На старости лет хотят выселить из дома, в котором прожил всю жизнь. Уроды. И хапают, и хапают... И все им мало, и мало. Хрен с ним, с подземельем, но если тронут Василича... А что я смогу сделать?... Не знаю, но уверен, что сделаю все, чтобы мало им не показалось.

Поговорили о текущих делах, связанных с ремонтом. Помолчали. Я спросил:

– Что соседи-то говорят?

Василич понимает о чем вопрос.

– Разное. В основном обсуждают сумму, хватит ли, чтобы квартиру купить. Семен предлагает требовать, чтобы не деньгами, а сразу квартирами отдали. Размечтался.

– Ну, а ты что думаешь?

– А я не думаю. Я в этом доме родился, в нем и помру, – в его лице отобразилось злое отчаянье. Старик подошел к циркулярке, включил ее и начал сосредоточенно нарезать какие-то брусочки.

Оставив Василича думать свою безрадостную думку, прохожу в кабинет и набираю на мобильнике Володькин номер.

– Привет, Вовчик. Как поживаешь?

– Нормально поживаю. Не жалуясь. А у тебя какие-то проблемы?

– С чего ты взял? – Удивляюсь я.

– Да голос у тебя дюже озабоченный.

– Да есть маленько, – приходится признаться. – Надо бы встретиться. Есть один вопросик к тебе.

– Не проблема. Подъезжай хоть сейчас.

– Щас буду, – и, не теряя времени, вызываю такси.

***

Офис Вовкиной фирмы «Пластиковые окна для Вас» находится в районе новостроек, на другом конце города. Место для подобного бизнеса весьма прибыльное.

Взбежав по порожкам, минуя, поздоровавшись, помеще-

ние с менеджерами, и застаю Володьку за изучением каталога новых строительных материалов. Без лишних предисловий ввожу его в курс дела.

– Да-а. Круто ты попал на тиви, – протягивает Володька. – Есть у меня в администрации хороший знакомый. Но помочь он вряд ли сможет. Скорее всего, даже и не захочет. С этими Сараевыми связываться, себе дороже выйдет. И угораздило же тебя вложиться в эти мастерские...

Разглагольствовать он мог долго, поэтому я перебил:

– Погоди. Ты не понял. Единственная помощь, которая мне нужна – это информация. Хочу узнать все, что возможно, про этих толстунов. И не обязательно посвящать твоего знакомого в суть проблемы. Даже, желательно не посвящать. Просто надо выяснить все, что ему о них известно. Понимаешь?

Володька встал. Его губы смешно сложились в трубочку. Насвистывая что-то немелодичное, он принялся мерить кабинет шагами.

– И что тебе даст эта информация? – Наконец остановился он.

– Пока не знаю. Но что-то делать надо. Не сидеть же, как ожидающий своей участи кролик в клетке. Так ты поможешь?

Володькина нога зацепила за ножку стоявший у стены стул, перетащив его ближе ко мне.

– Слушай, – заговорил он, плюхнувшись на стул. – Мо-

жет, забьешь на эти свои мастерские? А? Ну, вывези все, что можно. Потом распродашь. Или новое здание приобретешь. Построишь, в конце концов. У тебя же есть основное дело. Не бедствуешь ведь. А?

Поднимаюсь и кладу руку ему на плечо.

– Ты сможешь добыть информацию?

– Да помогу я, – Володька отчаянно махнул рукой. – Куда от тебя денешься. Сегодня вечером приглашу его на нарды с пивом. Выпытаю, что смогу.

– Я знал, что ты настоящий друг!

***

Возвращаясь домой, замечаю у подъезда знакомую «ниву». Дверь в квартиру оказывается незапертой. Вхожу и слышу громкий голос Катерины:

– Ну, вроде все. Завтра сама займусь этой берлогой. Возьму кого-нибудь из девчонок, и с утра приступим.

Катерина, старшая среди женщин-отделочниц, работающих в бригаде Игоря. Игорь шутя называл ее своим замом. Лет ей на вид около тридцати. Ни лицом, ни фигурой бог ее не обидел, и даже как-то странно, что с такими внешними данными она трудилась на стройке.

– О! А вот и сам пожаловал. Здрасьти, – заметила меня Катерина. – Ладно, давай ключи от квартиры, да я пойду, – сказала она, обращаясь к показавшемуся из комнаты Игорю.

– И сантехников с утра пришлите, чтобы они нас не задерживали, – раздался ее крик из-за почти захлопнувшейся

входной двери.

Вот шустрая бабенка. Я даже ответить на приветствие не успел.

– Смотрю, дело движется, – киваю на грудку каких-то бабок, мешков, коробок.

– Завтра еще обои подвезу и сантехнику новую. Ну, а с мастерскими что-нибудь решилось? – Игорь вопросительно уставился на меня.

– Пока ничего. Слушай. Давай-ка соберем кое-какие вещи да переберусь я туда на время ремонта. А что? Я рыбка неприхотливая. Было бы, где переночевать.

Собрался в считанные минуты. Из кладовки извлеклась старая раскладушка. К ней прибавились пакет с туалетными принадлежностями и сумка с бельем постельным и нательным. Достал из холодильника коробку с остатком сырых яиц. Вроде все. Хотя нет. Без телевизора обойдусь, а вот ноутбук прихватить надо. Теперь точно все.

Василич встретил нас удивленным взглядом.

– Чего это вы раскладушку привезли? Али кто жить сюда перебирается?

Узнав, что не ошибся, предложил мне обосноваться у него. Мол, места у него достаточно, и нечего тут бичевать.

– Спасибо, Василич. Но мне, может, хочется побичевать, экзотики, может, захотелось, – усмехнулся я в ответ. – Да и надо же кабинет обживать. Ну и что, что там кроме полов, ничего нет. Вот раскладушка теперь будет.

– Хозяин – барин, – пожал плечами Василич. – Приходи тогда хоть харчеваться, если что.

– Если что, приду, – пообещал я.

Игорь, попрощавшись, уехал. Василич тоже отправился домой. Я растянулся на раскладушке и, наблюдая за прыгающим по оконному отливу воробьем, незаметно провалился в сон.

– Дядь Олег, дядь Олег, – открываю глаза и вижу стоящего надо мной Артема. – Дед ужинать зовет.

Эх! Давно я не едал такой знатной снеди. Жареная на сальце картошечка, квашеная капуста, хрустящие маринованные огурчики... Мммм... И стаканчик домашнего вина, для аппетита.

– Ой, спасибо, Василич! Вот это я налопался! – поглаживаю себя по животу

– Лишь бы на здоровье, – отвечает старик. – Может, все-таки здесь переночуешь?

– Не, – поднимаюсь из-за стола. – Еще раз спасибо, но меня там ждет раскладушка и ноутбук.

Я понимаю, что он хочет поговорить о свалившейся проблеме, но что я могу ему сказать?

– Все будет в порядке, Василич, не переживай, – говорю, пожимая на прощанье руку.

– Дай то бог...

***

Сытость никогда не располагала к каким-либо действи-

ям. Вот и сейчас, после обильного ужина, я бросил тело на раскладушку и отдался во власть ленивой дремы. Вывел из этого сладостного состояния ветер, бьющий в окно усилившимся дождем. Реальность вернула беспокойство. Встаю и, не включая свет, брожу по мастерским. Почти все было готово к запуску мастерских. Немало вложено средств и сил. Неужели придется все свернуть?

Подхожу к тому месту, где под листом ДСП скрыт люк. Некоторое время обдумываю родившуюся вдруг идею о том, как провести ночь. Наконец, решившись, отправляюсь на поиски шуруповерта. Спустя четверть часа выкручен последний саморез. Отдвигаю ДСП, освобождая люк.

Подземелье встречает привычной тишиной. Подвешенная на цепях плита пуста.

Зарешеченные проемы равнодушно смотрят непроницаемо-черными глазницами, не желая выдавать своей тайны. Подхожу к одному из них и решительно вдавливаю ладонь в слабо выделенный квадрат на стене... И ничего. Решетка не реагирует. А я-то был уверен, что этот квадрат является ключом. Снова пытаюсь нажимать на него. Давлю в центр, потом отдельно на каждый угол, на каждую сторону – безрезультатно. Обследую стену вокруг решетки, пытаюсь найти еще какой-нибудь секретный знак. Тоже напрасно, кругом сплошной монолит, за исключением уже обнаруженного квадрата. Перехожу к следующей решетке. Результат тот же. В задумчивости машинально берусь за решетку. Пальцы

с той стороны металлического прута погружаются во тьму. Осознав это, не спешу отдернуть руку, пытаюсь понять ощущения. А ощущения таковы, будто пальцы пригревает солнечными лучами. Отпускаю решетку и медленно погружаю во тьму кисть целиком. Тепло обволакивает руку. В голове возникает мысль, более похожая на постороннее внушение, что мне пока нет нужды прикасаться к этой приятной тьме. Да, именно так – нет нужды... Интересно, что за нужда сможет мне узнать скрываемую во тьме тайну?

***

Утром просыпаюсь от веселого чирикания. День начинается с безоблачным небом и обещает быть по-летнему жарким. О вчерашней непогоде напоминают лишь лужи, в которых весело купаются суетливые воробьи. Открываю окно, вспугнув воробьев. Они опускаются серым облачком на ближайшую березку и что-то мне сердито чирикают, стараясь перекричать друг друга. Грудь наполняет не по-городскому чистый воздух. Хорошо-то как!

Из-за дверей, выходящих в цех, доносится свист дрели. Василич уже трудится.

– Ну и здоров ты спать, я погляжу, – встречает меня с улыбкой старик. – Завтрак остыл уже, – и он указывает на верстак, на котором находится нечто, накрытое полотенцем, а рядом стоит электрический чайник.

Улыбка Василича еще больше поднимает мне настроение, укрепляя веру в благоприятный исход решения проблем.

– Вот спасибо, Василич! Ты мне прям как мать родная. Я так привыкну и останусь тут насовсем.

Старик хитро хмыкает, а я отправляюсь в санузел мыться-бриться.

День проходит в обычной суете. Лишь ближе к вечеру звонит Володька, сетует на то, что из-за меня вчера накушался изрядно, выведывая у своего знакомого из администрации сведения о наехавших на меня толстяках.

– Короче, – подытожил он, – с тебя лекарство в виде пары баклажек пива. К шести я разберусь с делами и жду тебя в офисе.

Ровно в шесть две большие стеклянные кружки, извлеченные из Вовкиного стола, были наполнены пивом и с глухим стуком столкнулись друг с другом.

– Ну, шоб тебе полегчало, – говорю я импровизированный тост. Делаю глоток, наблюдая, как приятель жадно ополовинивает свой бокал, и требую: – Ну, не томи. Рассказывай.

– Собсна, немного я и узнал, – Володька отхлебывает еще пива и блаженно откидывается на спинку кресла. – Серый сперва вообще про них ничего говорить не хотел. Пришлось к пиву присовокупить водочку, будь она неладна. В общем, слушай, что удалось узнать.

Эти братцы, через подставных лиц, уже завладели половиной города. В том числе и всеми тремя рынками. Помнишь, когда Центральный рынок выгорел почти весь? Так вот, перед этим они обратились к его владельцу с предложе-

нием продать рынок им. Продать за смехотворную сумму. Тот, естественно, послал их куда подальше. А через несколько дней случился пожар. Несколько человек погибло. Как и что было дальше, не знаю, но только рынок теперь принадлежит Сараевым, а бывший хозяин мотает срок за преступную халатность, или что-то вроде этого. Вот такие, брат, у них методы.

– Так вроде говорили, что рынок черные спалили?

– А в этом еще одна их особенность. Какие делишки ни обстряпывают эти хапуги, по городу обязательно распространяется слух, что это дело рук черномазых. Вот такие вот дела. И еще вроде как у них много на кого компромат имеется. Потому и сидят они в администрации надежно.

Помолчали. Я размышлял над тем, что дала мне эта информация. А что дала? Да только уверенность в том, что обоюдовыгодно проблема не решится.

– Да, – встрепенулся Володька. – А помнишь, осенью какая-то пьянь на мерине въехала в толпу на остановке? Так вот, это был сынок одного из Сараевых. И как ты думаешь, что ему за это было? А нифига! Папа отправил сынулю учиться в Англию, а дело то ли замяли, то ли затормозили, в связи с недостаточностью улик. Прикинь, три человека погибли на месте, еще несколько попали в больницу. Кто-то из них наверняка останется инвалидом. А им улик недостаточно! Твари!

Снова молча пьем пиво

– Вот я и говорю, – опять начинает Володька. – В нашем городе затевать какое-то серьезное предприятие опасно. Проглотят и не подавятся.

– Не знаю, не знаю. Не хочу чувствовать себя в родном городе торчком бесправным, – употребляю я армейский сленг. – А потому сделаю все, чтобы подавились.

– Ну-ну...

***

Попрощавшись с приятелем, брожу по городу. В голове начинает созревать кое-какой план. План сумасшедший. Ну а что делать? Оно и вся моя жизнь последний год не совсем нормальная.

Когда на город опускаются сумерки, ловлю такси и еду в район элитных коттеджей, называемый Березовой Рощей. Не раз приходилось выполнять заказы по отделке в тех краях, а потому я знаю, где находятся дома некоторых городских шишек. Сейчас моя цель – дом прокурора города. Сопровождаемый лаем собак, прохожу по улице мимо его дома. Высокий трехметровый забор из красного кирпича сверху обрамлен частоколом из кованых пик. Из-за огромных черных ворот, скалящихся львиными мордами, доносится басовито-хриплый лай какой-то здоровой псины. Здание, которое высится за забором, назвать коттеджем можно, лишь обладая чувством юмора извращенного сатирика, способного назвать карьерный самосвал «Запорожцем». И вообще, оглядывая соседние постройки, кто придумал назвать это скоп-

ление замков коттеджным поселком?

Улица упирается в лесок, который окружает весь этот район. Углубляюсь в него и, обойдя дома с другой стороны, подхожу к нужному мне строению. С этой стороны такой же забор, увенчанный пиками. Деревья вырублены на расстоянии трех метров от забора.

Выхожу из леса около полуночи. Вызываю по мобильнику такси и, уже расплачиваясь, понимаю, что приехал не в мастерские, а на квартиру. Наверное, задумавшись, машинально назвал этот адрес. Ну и ладно, надо же зайти посмотреть, что сделали за день.

Открыв дверь, сразу ощущаю чье-то присутствие. Судя по доносящемуся из комнаты ровному дыханию, там кто-то спит. А стоящие в коридоре туфли говорят, что этот кто-то женщина. Интересно-интересно. Не включая свет, бесшумно пробираюсь в комнату. На диване, подложив руки под голову, спит Катерина. Интересно, интересно. До чего же ангельское выражение на лице спящей женщины. Что же заставило ее заночевать в моей берлоге? Катерина глубоко вздыхает, причмокивает, розовый язычок облизывает чувственные губы. Подавляя возникшее желание, тихонько разворачиваюсь и возвращаюсь в коридор. Аккуратно замыкаю за собой дверь и, набирая номер такси, спускаюсь вниз.

На следующий день образ спящей Катерины не дает мне покоя. Поэтому, разобравшись с вопросами на объектах, на-

правляюсь якобы посмотреть, как идут дела с ремонтом в собственной квартире. Выйдя из лифта, достаю ключ, но подумав, нажимаю кнопку звонка. Дверь открывает Катерина.

– Здравсти, – девушка отступает в сторону, давая мне пройти.

– Привет. Как движется работа? Есть какие проблемы?

Осматриваюсь. Две девушки раскладывают на полу комнаты обои, подбирая узор. Заметив меня, смущенно здороваются.

– Никаких проблем, Олег Юрьич, – поправляя выбившуюся из-под бейсболки рыжую прядь, отвечает Катерина. – Потолок в комнате уже покрасили. Если успеем поклеить обои, то завтра займемся кухней.

Проходим на кухню, и она начинает объяснять, как и что планируется здесь сделать. Слушаю рассеянно, больше разглядывая ее, чем вникая в суть излагаемого ею. Почему я раньше не обращал на нее внимания? Замужем ли она? Если замужем, то почему ночевала здесь? Может, у нее какие проблемы? Надо узнать.

– Олег Юрьич! Вы слушаете меня? И что вы так на меня смотрите? – возвращает меня к реальности голос Катерины.

– А мне приятно смотреть на красивую женщину. Сразу настроение лучше становится.

Замечаю, как нежные щечки заливают румянец. Девушка сердито хмурит брови, пытаюсь скрыть смущение.

– Да ну вас. Всем бы вам только смотреть...

Интересно, что она хочет этим сказать? Ну да ладно. Беру ее за руку.

– Катерина, я полностью вам доверяю и полагаюсь на ваш вкус. И торжественно обещаю, что по окончании ремонта в этой берлоге приглашу вас на ужин в ресторан.

Вижу, что моя речь окончательно сбила ее с толку. Она смотрит на меня, хлопая ресницами, явно соображая, что ответить.

– Да. И еще... В общем, если будут какие-нибудь проблемы... – тут уже начинаю смущаться я. – Ну, не только по работе, а вообще... Короче, если что, обращайтесь.

Удаляюсь, провожаемый недоумевающим взглядом.

У подъезда сталкиваюсь с Игорем.

– О! Олег! А я вот решил заехать, проконтролировать.

– А что, Катерине не доверяешь?

– Доверяю, как самому себе. Но, думаю, вдруг позвонишь, спросишь, как дела движутся, а я не в курсе.

– Слушай, – опускаюсь на лавочку и жестом приглашаю присесть Игоря. – Что если Катерине сделать отдельную женскую бригаду? Как считаешь, потянет?

– Да я давно хотел предложить разделиться. Девки и так слушаются только ее. Мне только головная боль с ними.

– Ну, вот и хорошо. Ты тогда с ней это дело обговори. О результатах мне сообщите. Да, кстати, – начинаю подводить разговор к интересующей меня теме, – а она замужем?

– А чего это ты интересуешься? – хитро прищуривает-

ся Игорь. Но, замечая выражение моего лица, тут же снимает свой вопрос. – Да ладно-ладно. Развелась она недавно. Обычная история. Муж алкоголик, нигде не работает и все такое. Соседи они мои. Но Катька уже месяца два как переехала к матери в какой-то пригородный поселок. Катька, кстати, раньше в институте преподавала, в аспирантуре училась. Но потом нужда заставила поменять профессию.

– Ясно.

***

Вечер провел в подготовке к осуществлению родившегося вчера авантюрного плана. Из десятимиллиметровой арматуры согнул что-то вроде небольшого якоря. Якорь прикрепил к тонкому капроновому буксировочному тросу, позаимствованному у Игоря. Одна снасть готова. Хорошо, что Василич где-то отсутствует – не будет лишних вопросов. Далее отпиливаю кусок толстой фанеры, примерно полметра на двадцать сантиметров, прикрепляю вдоль два бруска, так, чтобы между ними осталась щель миллиметров в двадцать. Приделываю к получившемуся изделию ремешок, чтобы удобно было носить за спиной. Вот и все готово. Осталось дожидаться назначенного часа.

Пужинал, как уже повелось, у заботливого Василича. Оставшееся время просидел за ноутбуком, исследуя просторы Интернета.

Ровно в час ночи позвонил Игорь. Закидываю фанерную площадку за спину, беру пакет с тросом и выхожу. За ворота-

ми, подсвечивая габаритами, ожидает «нива». Игорь молча наблюдает, как я усаживаюсь, и, повернув ключ зажигания, выворачивает руль в сторону дороги. Едем молча. Днем я попросил его помочь, но предупредил, чтобы он ни о чем не спрашивал. Парень согласился, но было видно, что его буквально раздирает любопытство. Когда доезжаем до места, он не выдерживает.

– Может, все-таки нужна помощь? А?

– Нет, Игореха, это мое дело, – и прежде, чем покинуть салон, уточняю: – Возвращайся в город и жди. Как позволю, так через двадцать минут подъезжай к этому месту. Если планы изменятся, тогда перезвоню еще раз. Все.

Углубляюсь в лес. Прошлогодняя листва, кое-где проткнутая свежей порослью, мягко прогибается под ногами. На открытых полянках зеленеют в лунном свете целые островки молодой травки. Полная луна, наблюдающая за мной сквозь ветви, придает моей авантюре оттенок мистицизма.

Голова уже привычно переполняется вопросами. Что толкнуло меня на этот безумный шаг? Почему нельзя было записаться к нему на прием и попробовать решить вопрос более цивилизованно? И тут же отметаю все сомнения. Ясно же, что с людьми, отгородившимися такими заборами, похорошему договориться не получится. А значит, нужно отбросить дипломатию и действовать их же методами.

Вот и нужный мне заборчик. У соседей, похоже, вечеринка – звучит музыка, доносятся громкие голоса. Мне это толь-

ко на руку, если что, никто не обратит внимания на случайный шум.

Ну что, пора вспомнить армейские навыки. Самодельный якорь, звякнув, надежно цепляется за пики. Трос слишком тонкий, а навязать узлов я не догадался, поэтому, чтобы не скользил, приходится обматывать вокруг ладони, прежде чем подтянуться. Но забор не так уж и высок. Вот уже цепляюсь руками за пики, подтягиваюсь. Правой рукой снимаю из-за спины фанерную приспособу и насаживаю ее промежутком между брусками на острия пик. Перевалочная площадка готова. Усаживаюсь на получившийся насест и, оглядываясь, перебрасываю трос во двор. А где, интересно, собачка? Ведь гавкал же кто-то из-за ворот в прошлую мою экскурсию. Ага, вот она несется. Здоровый азиат, злобно рыча, приближается огромными прыжками с той стороны, где из-за забора доносится шум соседской вечеринки. Ну что ж, песик, познакомимся. А заодно оценим приобретенные мною неизвестно как таланты. Я рыкнул, чувствуя пробуждающуюся во мне силу, и скользнул вниз.

– Ну, здравствуй, мой маленький, – с кровожадной ухмылкой шагаю навстречу азиату.

Если бы у него вместо лап были колеса, то сейчас наверняка послышалось бы душераздирающее визжание тормозов. Пес засеменил, жалобно скуля и пытаясь поджать хвост. Но так как хвост ему купировали еще в раннем возрасте, то за отсутствием оного бедняга ухитрился поджимать весь зад,

скрутившись при этом, как улитка. Мне почему-то даже стало его жалко.

– Ладно, успокойся. Не буду я тебя убивать, – протягиваю руку и треплю азиата за короткие, тоже купированные уши. Пес, задирая голову, лижет мне запястье и, судя по намокающей под ним траве, писается.

Прокурорский дом погружен в сон. Во всяком случае, ни одно окно не светится. Обхожу вокруг и замечаю открытую балконную дверь на втором этаже. Попасть в дом через парадный вход вряд ли удастся, ибо двери наверняка заперты. Поэтому открытая дверь на балкон как нельзя кстати. Остается только попать на сам балкон. Сопровождаемый пытающимся всячески выказать свою преданность псом, обследую двор. Под навесом, рядом с поленницей дубовых дров для бани, нахожу то, что искал – алюминиевую лестницу. Во всех частных дворах, где мне приходилось бывать, обязательно за каким-нибудь сараем или под забором лежит либо деревянная, либо металлическая лестница. Прокурорский двор не был исключением.

В комнате, в которую попадаю через балкон, спит, пуская слюни на подушку, юная толстуха. Наверняка прокурорская дочка. Очень аккуратно – еще не хватало разбудить эту жертву благополучной жизни – пробираюсь мимо кровати и, протиснувшись в приоткрытую дверь, оказываюсь в просторном коридоре. Стены без всякого вкуса увешаны различными картинами, чеканками, масками и всякой прочей

ерундой, никак не гармонирующей друг с другом. Справа коридор оканчивается лестничным маршем, ведущим вниз. Слева выход в зимний сад, уставленный кадками с экзотическими растениями. Из-за дверей напротив доносится басовитый храп. Думаю, этот ночной певец мне и нужен.

Вдруг замечаю, как начинает опускаться дверная ручка, и спешу вновь скрыться в дочуркиной комнате. Вот те на! В коридор, на ходу запахивая халат, выходит глава местной прокуратуры Геннадий Дмитриевич Скобин собственной персоной. А кто же тогда продолжает храпеть?! Фигура прокурора бесшумно – толстый ворс ковролина скрадывает звук шагов – удаляется в сторону зимнего сада и скрывается за последней дверью. Оттуда доносится характерное журчание. Любопытство толкает меня в открытую дверь спальни напротив. Опа! Оказывается, храпит полная женщина, разметавшаяся в позе морской звезды по кровати. Несмотря на то, что кровать довольно большая, места для муженька практически не остается. Доносится урчание смываемого унитаза. Выскальзываю из спальни и спешу на встречу с хозяином.

Сполоснув руки, прокурор вытирает их о висящее рядом с умывальником полотенце. Увидев меня, его полузакрытые сонные глаза вмиг расширяются, пытаюсь вылезти из орбит от удивления.

– Т-ты кто?

– Я солнечный лучик, заблудившийся в ночи. Не подскажите, как пройти в библиотеку? – Произнеся этот неори-

гинальный экспромт, резким ударом под ребра выбиваю из блюстителя закона дыхание.

Оглядываю уборную. Обстановка явно не располагает к задушевной беседе. Да и мало ли кому еще приспичит посетить это место. Отстегиваю от пояса бобину с упаковочным скотчем. Несколько секунд, и прокурорский рот залеплен, а руки надежно смотаны за спиной. Похоже, дыхание у него восстанавливается, и он начинает что-то мычать. Шлепаю его по затылку и показываю кулак. Приняв аргументы, Геннадий Дмитрич замолкает. Беру его за шкурку и проталкиваю в зимний сад. Здесь обнаруживается лестница, ведущая на верхний, мансардный этаж. Поднимаемся по ней и оказываемся в просторном зале, посередине которого расположен бильярдный стол. Оглядываю обстановку. Красиво живут блюстители закона, однако. Толкаю прокурора в плетеное кресло, сдираю скотч с его рта, усаживаюсь напротив.

– Ну, здравствуй, Геннадий Дмитрич, – произношу, глядя в его глаза, выражающие полное недоумение, смешанное со страхом. – Значит, как пройти в библиотеку, ты не знаешь?

– Что тебе нужно? – наконец совладал с собой мой пленник.

– Ну что ж. Если ты не желаешь предложить мне что-нибудь выпить, можно перейти прямо к делу. Нужно мне всего лишь, чтобы прокуратура начала наконец заниматься своими непосредственными обязанностями. А именно, привлекала преступников к ответственности.

– Мне бы хотелось услышать более конкретные требования, – прокурор, похоже, окончательно пришел в себя и начинал проявлять похвальную выдержку.

– Нам, – я сделал ударение на слово «нам», чтобы у собеседника создалось впечатление, что за мной стоит некая группа людей, – нам необходимо, чтобы твое ведомство как следует поджарило задницы братьям Сараевым. И чтобы долго тебя не уговаривать, я уполномочен заявить, что на кон выставлены жизни всего твоего семейства.

Минуту прокурор переваривал услышанное, потом задал вполне резонный вопрос:

– Кого вы представляете?

Его обращение ко мне на «вы», говорило о том, что мой спектакль удался, и прокурор поверил в реальность некой силы, стоявшей за мной.

– Неважно, – встаю из кресла и, склоняясь над ним, тихо, но внушительно, продолжаю. – Для тебя, Гена, важно поверить, что от тех, кого я представляю, зависит твоя жизнь.

– Что я должен предъявить Сараевым?

– Ха! Да все, что у прокуратуры на них есть. Ты же не будешь утверждать, что не имеешь никакой информации о проделках этих толстунов? Раскрути дело о пожаре на центральном рынке. Выдай ордер на арест сынули, угробившего по пьяни невинных людей. Да что я тебя учу? В конце концов, кто из нас прокурор, ты или я?

Прохожу к большому аквариуму у противоположной сте-

ны, давая Геннадию Дмитричу время на раздумье. Всегда мечтал о таком огромном аквариуме. Но, к сожалению, в моей однушке маловато места. Да и стоит такое удовольствие наверняка недешево.

– Это нереально, – наконец произносит прокурор. – С их связями я лишусь своего кресла в тот же день, как заварю эту кашу.

– Не надо паниковать раньше времени, – я поворачиваюсь к прокурору. – Если бы ты не умел строить хитроумные комбинации, то не жил бы в таком особняке. Вот и пораскинь мозгами, как и рыбку съесть, и... Ну, ты понял. В любом случае, лучше лишиться кресла, чем головы.

– Что будет, если откажусь?

Наши взгляды встретились.

– Ну что ж. Тогда я убью все твоё семейство и отправлюсь к тому, кого поставят вместо тебя.

Смог бы я сделать это на самом деле? Ну, уж ему-то голову свернул бы.

– Смогу ли я рассчитывать на поддержку, в случае чего? – Прокурор заерзал в кресле. Связанные за спиной руки мешали усесться удобно, да и затекли уже наверняка.

– Все будет зависеть от твоего усердия, – снова беру бобину со скотчем и подхожу к нему. – Разговор окончен. Теперь ты должен сказать только «да» или «нет». Ну?

– Да! Вы не оставили мне выбора, – и торопливо добавил: – Руки теперь можно освободить? Затекли уже совсем.

– Извини, дорогой, – с этими словами я снова заклеил ему рот. – Я бы тебя освободил, но не могу нарушить инструкцию.

Сказав про загадочную инструкцию, направляюсь к лестнице. Уже спускаясь, снова обращаюсь к прокурору.

– Полчаса сиди на месте. Потом можешь обратиться к супруге, чтобы развязала.

Как только я, провожаемый преданным скулежом азиата, перемахнул забор в обратном направлении, в воздухе загрохотало, и окрестности озарились сиянием огней фейерверка. У прокурорских соседей веселье было в самом разгаре.

Сматываю трос и набираю номер Игоря. Далее следует неспешная прогулка по ночному лесу. Попутно забрасываю фанерную площадку на одно из деревьев. Она застревает в развилке ветвей. Если кто и найдет, то ни за что не догадается о назначении этого приспособления.

Интересно, Катерина сегодня снова ночует в моей квартире?

***

Середина мая погрузила город в по-настоящему летнюю жару. Народ переделся в шорты и мини-юбки и ринулся на пляжи. Кто-то уже успел загореть до шоколадного оттенка и теперь выгодно контрастировал на фоне бледнокожих тел.

Я сижу на лавочке в своем любимом скверике и наслаждаюсь созерцанием стройных девичьих фигурок, снующих по тротуарам. Жду, когда позвонит Игорь. Сегодня должен за-

кончиться ремонт в моей квартире. Можно, конечно, явиться и без звонка, но не хочу мешаться в последний момент. Да и приятно посидеть вот так, побездельничать под жаркими солнечными лучами.

После ночного визита к прокурору пока не последовало никакой реакции. Разве что никто не явился к Василичу и его соседям по поводу продажи домов. И то хорошо. Может, так и отстанут по-тихому. Но что-то слабо в это верится.

Час назад мы с Василичем закончили сборку шкафа для верхней одежды на месте люка, ведущего из моего кабинета в подвал. Это была идея Василича. Теперь, чтобы попасть вниз, нужно было открыть шкаф и откинуть его пол, служивший крышкой люка.

Фу ты, черт! Напугал мобильник, задребезжав виброрезонком в нагрудном кармане рубашки.

– Можешь принимать работу, шеф! – весело сообщил из трубки голос Игоря.

– Через пять минут буду, подшефный.

Захожу в арку, ведущую в мой двор, и слышу, как следом въезжает какая-то машина. В душе рождается беспокойство. За спиной скрипят тормоза. Оглядываюсь. Зверь пытается вырваться наружу, но поздно. Получаю удар резиновой дубинкой по голове.

Прихожу в себя оттого, что кто-то выливает на меня холодную воду. Не открывая глаза, пытаюсь вспомнить, что произошло. Вспоминаю то, что из затормозившего рядом со

мной джипа выскочил один из сараевских громил и врезал мне по голове дубинкой. А я-то радовался, что все тихо. Вот и получи реакцию.

– Эй, ты, урод, – кто-то пнул меня в бок, – просыпайся! На том свете выспишься.

Знакомый голос. Ну точно, открыв глаза, вижу над собой ухмыляющегося Влада. Того, с которым мне довелось познакомиться во время визита Сараевых в мастерские. Рядом с ним тот жлоб, что огрел меня дубинкой. Сам я, связанный, валяюсь на земляном полу. Находимся мы, судя по отсутствию окон, в подвале. Ага, узкая металлическая лестница спускается из небольшого проема в потолке.

– Очнулся, клоун, – Влад снова пинает меня. – Помнишь, что я обещал с тобой сделать?

Он ухватил меня за шкурку и посадил, уперев спиной о холодную стену. Гул в голове стих, и сразу пришло ощущение холодной уверенности и осознание силы. Наверное, благодаря удару по голове я понял, что зверь во мне есть часть меня. И его не надо сдерживать или выпускать. Надо просто быть им, быть самим собой...

Влад что-то говорит, тыча в меня пальцем. Но я его не слышу. Отталкиваясь от пола и, опираясь спиной о стену, поднимаюсь на ноги. Сараевский холуй с интересом наблюдает за моими движениями и, сказав что-то своему коллеге, резко бьет меня в живот. Но... его кулак врезается в бетонную стену. Зрачки бедолаги расширяются от боли, рот

раскрывается в беззвучном крике. Оставив Влада наедине с искалеченной рукою, шагаю к его оторопевшему другу и наношу удар ногой в пах. М-да... Похоже, перестарался. Парнишка подлетает на полметра и падает замертво. Надо впредь бить поаккуратнее, а то мало ли, может, кто живой пригодится. Ух ты! Когда это я успел порвать связывающие меня веревочки?

Поворачиваюсь к дважды оторопевшему, от боли и от произошедшего, Владу.

– Так что там ты обещал со мной сделать? – снисходительно хлопаю его по щеке, постепенно увеличивая силу шлепков, пока последняя оплеуха не отбрасывает его на какой-то стеллаж.

Сверху доносится звук подъехавшего автомобиля. Дважды хлопнули дверцы. Пара человек, переговариваясь и гулко топая, начали спускаться по металлической лестнице, ведущей в наш подвальчик.

– Эй, инквизиторы, встречай пивко! – Первый действительно держит перед собой ящик бутылочного пива. – Налетай, пока холодненькое... еп...

Доставщик пива сослепу, ибо глаза еще не привыкли к подвальному полумраку после яркого солнца, спотыкается о тело своего приятеля, вырубленного мною минуту назад. Пивные бутылки с веселым звоном крошатся друг об друга. Рухнувший сверху браток решает участь уцелевших сосудов, с хрустом давя пластмассовый ящик. Шагаю к нему и бью

кулаком по затылку. Его тело безвольно затихает, накрыв то, что осталось от ящика. Запах разлившегося пива, смешавшись с затхлыми ароматами подвала, вызывает ассоциации, связанные с запахами общественного туалета.

– Чудило! Ты чо наделал?! – спешит по ступеням следующий товарищ и затихает, осев на порожек, нарвавшись грудью на мой кулак.

На всякий случай добавляю ему по макушке и возвращаюсь к Владу. Что-то тот затих, не переборщил ли я с оплеухой? Ага, живой гаденыш. Только щека опухла, и глаз заплыл. Правая кисть тоже сильно опухла, видать, неслабо хотел меня приложить. Баюкает ее теперь, как грудного младенца. Пинаю его в живот и, пока он восстанавливает дыхание, взлетаю наверх по порожкам. Так и думал, мы находимся в гараже обычного гаражного кооператива. Перед воротами шелестит не заглушенным двигателем уже знакомый джип. Загоняю машину в гараж, хватаю свой мобильник, валяющийся на заднем сиденье, и, закрыв ворота, сбегая в подвал. Здесь за время моего отсутствия ничего не случилось. Все лежат там же, где и лежали. Можно спокойно оценить ситуацию. Трое быков вырублены. Причем один, вероятно, навсегда. И что интересно, этот факт не вызывает у меня никаких эмоций. Самый главный громила, растеряв свою былую самоуверенность, затравленно жметесь в углу. Ну что ж, у меня к нему есть немало интересных вопросов.

– Ну, давай, инквизитор, рассказывай, – обращаюсь к Вла-

ду и, заметив на стене у лестницы выключатель, гашу свет. Мне и так прекрасно видно, а на моего похитителя темнота произведет лишнее психологическое давление. Ну, или, по крайней мере, в темноте он воздержится от необдуманных телодвижений, если вдруг захочет погеройствовать.

– Тебе капец, сука, – шипит Владик и начинает орать от боли. Это я пинаю его по отбитой кисти. Он не видит в темноте и потому не знает, откуда ждать удар. Беру его за ухо и резко дергаю вверх.

– Если ты, сучонок, не скажешь, где в этом гараже лежат пассатижи, я оторву тебе ухо. Ну!

– А-а! – кричит незадачливый инквизитор от нового рывка и, совершенно сбитый с толку моим требованием, стонет. – Зачем тебе пассатижи, гад?

– Экий ты недогадливый. За что только Сараевы такому тугодуму деньги платят? – новый рывок уха, сопровождаемый новым вскриком. – А пассатижи мне нужны для того, чтобы выдергивать у тебя ногти, дорогой. Ведь иначе ты не расскажешь все, что меня интересует? Не так ли?

Отпускаю ухо и вновь пинаю по кисти. Снова вопль боли. Какой же я, однако, садист!

– Тварь! Урод! – уже плачет Влад, уткнувшись лбом в землю, прикрывая собой пострадавшую руку. – Что ты хочешь узнать? Спрашивай. Все равно тебе капец!

– Ну, капец так капец, – соглашаюсь я. – А узнать для начала хочу, почему и для чего я здесь оказался.

***

Покинул гараж в сумерках. Так как моя одежда была зверски испачкана, пришлось позаимствовать штаны и футболку у бычары, которого вырубил последним. Его шмотки оказались на несколько размеров больше, но выбора у меня не было. Около автобусной остановки уже стоит «нива», рядом прохаживается Игорь.

– Ну ты даешь, Олег! Ты куда пропал? – тут он замечает мой прикид. – Это чего это на тебе одето?

– Потом расскажу, поехали, – сажусь в машину, и тут где-то внутри гаражных рядов грохочет взрыв. Это огонь добрался до бензобака джипа, в котором сидят четыре тела. Хороший был автомобиль.

– Э-это что? – лопочет офигевший Игорь.

– Наверное, кто-то курил у бензобака. Садись, поехали, – подгоняю его. – У меня был трудный день.

– Так куда ты пропал? – уже в пути спрашивает Игорь.

– Случилась незапланированная встреча с Сараевскими братками. Помнишь тех, что заезжали на черном джипе?

– Помню. Это не они, случайно, курили у бензобака?

Молчу. Судя по взгляду, который бросил на меня Игорь, молчание было принято за утвердительный ответ. Ну что ж, думаю, пора рассказать парню о последних событиях. Тем более что мне уже надоело переваривать все в одиночку. Но сначала надо чем-нибудь набить желудок, а то что-то очень кушать хочется. Заскакиваем в магазин, набираем всяческой

снеди и катим ко мне.

Как бы я ни был голоден, но все же сперва залез под душ. И лишь смыв с себя подвальную грязь, уселся за стол. Игорь к этому времени уже подготовил купленные продукты к употреблению и заварил чай. На ремонт в квартире я как-то не обратил внимания, если честно, не до ремонта.

Итак, помылись, наелись, теперь можно и побеседовать.

– Ну что, Игорек, ты уверен, что хочешь все знать?

– Хочу-хочу. Давай рассказывай, а то я умру от любопытства.

– Так слушай, любопытный...

И я рассказал ему все. Умолчал только об обнаруженных в подземном зале предметах, но в их реальности я сам не был до конца уверен. Наконец добрался в своем повествовании до сегодняшних событий.

– Вот прокурор урод, – возмутился Игорь, – сдал скотина.

– Не спеши с выводами. Сдала прокурорша.

– Это как это?

– Так это...

Как оказалось из рассказа Влада, жена прокурора была любовницей младшего Сараева. Благодаря ей братцы подослали спеца, который установил жучки как в рабочем кабинете муженька, так и дома в бильярдной. А в аквариуме, который там стоит, еще была вмонтирована хитроумная видеокамера. И жучки, и видеокамера настроены на голосовое включение. Каждый раз, после того как прокурор встре-

чался в неофициальной обстановке с какими-либо людьми, супруга вынимала из цифрового записывающего устройства флешку и отправляла ее любовнику. Таким образом, местные серые кардиналы всегда были в курсе прокурорских дел. Вот и после той ночи, когда Скобин растолкал жену, мыча сквозь скотч и кивая ей на связанные тем же скотчем за спиной руки, она тоже сообразила отнести флешку на проверку. Так Сараевы и узнали о нашем ночном разговоре. И меня узнали, когда я подходил к аквариуму. Владу они тут же поручили слежку за мной, с целью выявления моих сообщников, а сами направились к Геннадию Дмитриевичу. Что они ему говорили, Влад знать не мог. Несколько дней слежки за мной не дали никаких результатов, и потому было принято решение о допросе с пристрастием. Со мной было приказано не церемониться, а после получения нужных сведений закопать в ближайшем лесу.

После того, что мне удалось выяснить у сараевского холуя, я понял, что войну можно считать объявленной. Ну что ж, война так война. Выбора мне не оставили.

– Да-а, – протянул Игорь после некоторого молчания. – Я про такое только в книжках читал. В тех, что печатают в мягких обложках и с кроваво-красными названиями на черном фоне. Что теперь делать думаешь?

– Для начала снова встретиться с прокурором. Хочется мне кое-что ему объяснить.

***

Увидев подъехавшую к прокуратуре служебную «Волгу» Скобина, выхожу из машины.

– Можешь пока ехать по своим делам, – обращаюсь к Игорю. – Нефиг здесь глаза мозолить. Как освобожусь – позволю.

– Ага, пропадешь, как вчера, – буркнул тот, но двигатель завел.

Догоняю прокурора уже на порожках крыльца.

– Геннадий Дмитрич!

Оп-па. Бедняга смотрит на меня так, как будто увидел привидение.

– Что, не чаяли уже увидеть? – улыбаюсь ему как можно доброжелательнее. – Нам необходимо кое-что выяснить. В обоюдных, так сказать, интересах.

Похоже, моя улыбка не произвела на него должного впечатления. Во всяком случае, ответной улыбки не последовало. Ну, в обморок не грохнулся, и то хорошо.

– Пройдемте ко мне, – буркнул Геннадий Дмитриевич с таким выражением, как будто у него резко заболели все зубы.

– Ваш кабинет, стараниями Сараевых, нашпигован жучками, – сообщаю я. – Впрочем, если вы все равно собираетесь донести им о нашем разговоре, то меня это не смущает.

Теперь в обращенном на меня прокурорском взгляде начинаю замечать интерес.

– Откуда информация про жучки? – тон становится деловым.

– От четырех обгоревших трупов, – решаю играть в открытую. Наверняка ему уже известно про взрыв в гаражном кооперативе. Показываю взглядом на лавочку в небольшой каштановой аллейке, белеющей пирамидками соцветий, Скобин слегка кивает, и мы спускаемся с крыльца.

– Я вас слушаю, – заявляет прокурор, вальяжно откинувшись на спинку лавочки.

– Нет уж. Для начала я выслушаю вас. Почему вы не выполняете обещанного?

Лицо прокурора вновь искажается, как от зубной боли. Он некоторое время молчит, теребя кончик галстука, хорошо, хоть не жует, как некий грузинский лидер. Наконец, глядя на меня так, как смотрят только на врагов, начинает говорить.

– Я той ночью нажрался, как скотина, и отключился. Ближе к полудню меня растолкали Сараевы. Им откуда-то было все известно. Они сказали, чтобы я забыл о ночном событии, как о дурном сне. Мол, сами все уладят. А уходя, намекнули, что в противном случае мне не поздоровится. Ну и что я должен был делать? Они – вот они. У них здесь все схвачено. Любого в порошок сотрут. Они и мэров-то сажают как марионеток, обвиняя предшественников во всех творимых ими же бедах. А вы появились всего один раз ... действительно, как страшный сон...

Скобин замолчал, уставившись куда-то себе под ноги. Ну что ж, дружок, держись. Сейчас ты узнаешь, кто снабжает информацией Сараевых. И я рассказал все услышанное в

подвале гаража.

– Тварь! – выдавил сквозь зубы Геннадий Дмитриевич, и я сразу понял, кто имелся в виду. Затем он позвонил кому-то и распорядился немедленно проверить его автомобиль на предмет нахождения в нем жучков.

– Вы извините, я должен решить кое-какие личные вопросы, после чего немедленно займусь нашим делом, – он сделал ударение на слово «нашим», давая понять, что теперь на моей стороне.

– Здесь мой телефон, – я протянул ему визитку. В ответ он достал свою, после чего решительно встал и направился к машине. У «Волги» уже суетился какой-то парень в наушниках и с непонятной штуковиной в руках.

Игорь так и не уехал. Только отогнал «ниву» от здания прокуратуры и остановился на обочине.

– Катерина звонила, – сообщает он, когда я сажусь в машину, – интересовалась, доволен ли шеф ремонтом. Я сказал, что доволен. Или нет?

– Е-мое! – вырывается у меня. – Я же обещал Катерине ужин в ресторане по окончании ремонта...

М-да, я, кажется, сказал это вслух и тем самым вызвал заинтересованный взгляд Игоря.

– Только Катерине? – ехидно спрашивает он. – Ремонт, между прочим, я руководил.

Ну что сказать этому обормоту?

– Предпочитаю ходить в ресторан в женской компании.

Кстати, где у нас в городе можно прилично посидеть? А то я уже лет десять не посещал подобные заведения.

– Тут, понимаешь, все зависит от того, как именно ты хочешь посидеть, – далее следует словесный экскурс по тем местам, с которыми Игорь был знаком лично. Слушая его вполуха, соображаю, под каким предлогом мне случайно встретиться с Катериной, чтобы, опять же случайно, вспомнить об обещании пригласить ее в ресторан.

– Так, ладно, – прерываю знатока значных мест, – ты говорил с Катериной насчет того, чтобы она возглавила отдельную женскую бригаду?

– Говорил. Она не против. Да по сути, ее бригада и так давно уже отдельная, ибо слушаются девки только ее.

– Ну и хорошо. Вот только тебе все равно придется шефствовать над ними. К примеру, доставку материала организовывать, и все такое прочее.

– А это уже если буду успевать, шеф.

– Будешь, – хлопаю его по плечу, – если все будет нормально, то придется тебе успевать на три бригады. Так что, бригадир, подыскивай себе замену. Будем из тебя начальника делать.

– Не понял...

– Потом поймешь. Заводи, поехали в мастерские.

Честно говоря, идея поставить Игоря руководить всеми бригадами возникла только что. Что-то охладел я последнее время к этому делу. Скучно как-то стало заниматься ремон-

тами. Вот и решил свалить все на парня. Думаю, справится. Смотрю на его физиономию. Сосредоточенная. Видно, как мозги шевелятся, перемалывают только что услышанное.

– Игорь, – прерываю его раздумья вновь родившейся идеей, – я вот что думаю. Надо бы бытовку и кабинет в мастерских в божеский вид привести. А потому поручаю тебе, как появится окно в работе, приобщить к этому делу Катерину с девушками. Считай это экзаменом на начальника. Понял?

– На начальника чего? – прищуривает глаз Игорь.

– На начальника чего хочешь. Управления, например. Выбери сам.

– Может, ты просто ищешь повод увидеть Катерину?

– Да пошел ты...

***

На этот раз Геннадий Дмитриевич Скобин сдержал свое слово. Сделал даже больше, чем я ожидал. Он собрал пресс-конференцию и выступил с обвинениями против братьев Сараевых, предоставив массу доказательств. Естественно, большинство местных СМИ не решилось сходу обнародовать эту информацию. Но после того, как выступление прокурора было показано по одному из каналов ТВ, местные радиостанции также стали вставлять в ежечасные выпуски новостей сперва краткие упоминания, а потом и более подробные отчеты об этом событии. А в субботу информация появилась даже в некоторых местных многотиражках. Хоть и говорили, что все городские СМИ кормятся из рук админи-

страции, но хитроумные редакторы старались держаться на острие событий, преподнося их чисто как информацию, без предпочтения той или иной стороны. Мол, вот прокурор города выдвинул обвинение в коррупции заместителю главы администрации по социальным вопросам и т.д. Сообщалось также, что дела переданы в областную прокуратуру. Ну, да и бог с ними. Я следил за всеми этими событиями краем глаза. Меня оставили в покое, и ладно. Своих дел полно.

Единственное, что меня заинтересовало в последней чехарде новостей, это сообщение о гибели в автомобильной катастрофе супруги прокурора... Хм, не справилась, видите ли, с управлением. И удачно так не справилась, сразу на следующий день после прокурорского заявления. И всем сразу ясно, что ее смерть – месть за наезд на Сараевых. Ох, и не прост же ты, Геннадий Дмитриевич...

Ни Игорь, ни Павел после последнего посещения подземелья ни разу не завели о нем разговор. Не до него было ребятам. Один постоянно мотался со мной, другому приходилось взваливать на себя обязанности друга, пока тот не подыскал себе замену. Я натаскивал Игоря в общении с клиентами, окончательно решив свалить на его молодые плечи ремонтно-отделочные заботы.

В мастерских ремонт был практически закончен. Василич уговорил вернуться одного из бывших столяров, и теперь они вдвоем трудились над первым заказом по реставрации старинного буфета.

Мне же в голову пришла новая идея фикс – захотелось облагородить двор мастерских. Прошел утром через ворота, и сразу как-то серо стало после уличной зелени. Не радовал глаз пыльный щебень, которым был засыпан двор. Лишь жалкие островки запыленной травки жались к стволам нескольких березок, растущих вокруг здания. Недолго думая, заказал по найденному в газете объявлению машину чернозема. К разбивке газонов привлек Артема. Пока занимались с ним разметкой, во двор въехала «нива».

– Доброе утро, Олег Юрьич! – слышу голос Катерины.

– Вот, привез оценить объем работ, – Игорек хитро улыбается, стоя позади нее.

– Здравствуйте, – отвечаю на приветствие. – Наконец-то я вас дождался. Надо бы навести марафет в моем скромном кабинете, а то с клиентами негде общаться.

– Показывайте. Посмотрим, – улыбается Катерина.

С трудом отрываю взгляд от ее чувственных губ.

– Вот еще что, – не спешу переходить к делу. – Мы тут решили газончики разбить, чтобы цветочки глаз радовали. Может, подскажите, как это лучше сделать? Все-таки женский взгляд для этого дела более практичный будет.

– Ну-у, не знаю. Давайте сперва посмотрим, что с кабинетом делать. Потом, может, что и подскажу.

Провожая ее в помещение. Игорь остается во дворе, беседуя с Артемом. Несколько минут Катерина измеряет стены, записывает что-то в блокнот, иногда задает вопросы от-

носителем материалов или желаемого цвета. Наконец она убирает блокнот в сумочку.

– Вроде все.

– Нет не все, – подхожу и беру ее за плечи. – Я обещал после ремонта в квартире вечер в ресторане. Ремонт давно закончен, так что мне пора выполнять обещание. Приглашаю вас в эту пятницу на ужин и надеюсь не услышать отказа.

Молча смотрим в глаза друг другу. Вижу, что она не может найти, что сказать. Румянец играет на ее щеках. Мое лицо тоже начинает краснеть. Молчание затягивается и уже напрягает.

– Этот ужин не будет вас ни к чему обязывать, – первым нарушаю молчание. – Хотя, признаюсь честно, вы, Катерина, мне нравитесь.

Чувствую, что краснею еще больше.

– И вообще, предлагаю перейти на ты, – произношу после небольшой паузы, чтобы хоть как-то сбить неловкость.

Катерина освобождается из моих рук, молча разворачивается и идет к выходу. У дверей останавливается, поворачивается ко мне. На ее лице сияет улыбка, в глазах озорные огоньки. Снова подходит и берет под руку.

– Пойдем посмотрим, как лучше твои газончики устроить.

***

Все уже разошлись по домам. Окидываю взглядом двор, чернеющий свежее испеченными клумбами. Уф, давно я так

не работал. Как только приехавший грузовик высыпал во дворе кучу чернозема, Василич показал на темнеющее у линии горизонта небо.

– Гроза идет, не иначе. Размоет эту землю по двору, будем потом ходить по уши в грязи.

Проникнувшись сказанным, я объявил аврал. Вдвоем с Артемом развозили землю на тачках по уже подготовленным клумбам. Василич с напарником сколачивали щиты, чтобы огородить ими оставшуюся кучу. Правда, вскоре стало ясно, что туча проходит мимо, но лучше перестраховаться, ибо грязь нам ни к чему.

Пора уходить. Но какое-то чувство неясной тревоги заставляет медлить. За воротами нарастает треск мотоциклетных двигателей. Во двор влетают два мотоцикла и резко тормозят в пяти метрах передо мной. Тонированные стекла шлемов не могут скрыть от меня лица мотоциклистов, но они мне незнакомы. Оба направляют в мою сторону стволы укороченных калашей. Когда-то читал фэнтезийную книжку, в которой главный герой, впадая в боевой транс, начинал видеть все как в замедленном действии. Со мной сейчас происходило нечто подобное. Уже позже, анализируя ситуацию, я понял, что вполне мог достигнуть каждого из мотоциклистов и свернуть им поочередно шеи, прежде чем они подняли бы руки с оружием. Но сейчас я просто тупо смотрел на то, как стволы автоматов расцветают алыми цветами выстрелов, выплевывая в меня свинцовые пули. И все же тело, неза-

висимо от впавшего в ступор мозга, среагировало, отвернувшись от первой очереди. Пули просвистели мимо. Вернее, не просвистели, а плавно проплыли, ибо именно так воспринималась мною их скорость. Второй стрелок выпустил очередь веером, как бы перечеркивая мое существование. Несколько тупых ударов в грудь отбросили меня в небытие...

Сознание начинает выплывать из мрака и устремляется к далекому, еле заметному источнику света. По мере приближения свет становится все более ярким, от него исходит тепло и исцеление. Я стремлюсь к нему всей своей сущностью. Наконец свет полностью поглощает тьму, и я осознаю, что является его источником. Свет исходит от Книги. Вокруг Книги расположены семь врат. В одни проникаю я. Остальные шесть остаются наполненными тьмой. Но вот в тех, что по левую руку от меня, тьма подернулась рябью и перестала быть абсолютной. В меня проникает чей-то зов. Он исходит из этих врат, тьма в которых превратилась в серую мглу...

Сознание окончательно проясняется. Я в подземелье, стою перед книгой, положив на нее обе руки. На левом запястье надет браслет. На безымянном пальце правой руки – перстень. И на браслете, и на перстне изображен уже знакомый мне странный зверь. Под рубашкой чувствуется тяжесть ремня, на массивной бляхе которого изображен тот же зверь.

Опускаю взгляд на грудь, чтобы убедиться в наличии амулета, и, видя простреленную ткань рубахи и запекшуюся на ней кровь, вспоминаю, что со мной произошло. Снимаю ру-

баху. М-да, судя по вырванным клочьям ткани на спине, три пули прошли меня насквозь. Но на теле нет даже шрамов. Только кое-где уже высохшая кровь.

Отбрасываю рубаху и, чувствуя какие-то изменения в окружающем, оглядываю подземный зал. Сразу замечаю – тьма за решеткой, что слева от входа, исчезла. Теперь там виден точно такой же каменный коридор, как и тот, что ведет сюда. Подхожу и нажимаю на квадрат. Тот сперва легко подается вовнутрь, затем выдвигается на несколько сантиметров наружу. Прутья решетки с легким шелестом вдвигаются в потолок и стены. Ну что ж, раз путь открыт, значит, надо идти. Делаю шаг под свод коридора, ведущего, возможно, к разгадке тайны этого подземелья.

Коридор заканчивается ведущими вверх ступенями. Все точно так, как и на том пути, который ведет в подземный зал из подвала мастерской. Поднимаюсь по ступеням и оказываюсь в винном погребе... Да, именно в винном погребе. С расположенных вдоль стен стеллажей, словно установленные на лафетах диковинные орудия, на меня нацелены запечатанными горлышками бутылки различных форм. Интересно, кому принадлежит этот погребок? Сзади слышится тихое шуршание. Обернувшись, вижу, как каменная плита закрывает спуск в подземелье. Прохожу вдоль стеллажей, скользя взглядом по их содержимому. Никогда не был знатоком и ценителем вин, поэтому этикетки не цепляют мой взгляд. Я попросту равнодушен к тому, что на них написано. Подойдя

к дубовой двери, толкаю ее и оказываюсь в помещении, из которого поднимается еще одна лестница, на этот раз деревянная, сделанная, как и дверь, из дуба. Рядом еще несколько дверей, но что-то мне подсказывает, что нужно подняться наверх. Как только ставлю ногу на первую ступеньку, появившийся вверху в дверном проеме человек громко говорит:

– Приветствую тебя, один из нас! Надеюсь, ты прихватил из моих запасов напитков, достойный для того, чтобы отпраздновать нашу встречу?

Вот те раз. Это из кого это я один из них? Наверняка меня с кем-то путают. Молча поднимаюсь к нему навстречу. Что-то в нем очень знакомое. Определенно не раз видел это холерное лицо. Он отступает в сторону, давая мне пройти. Е-мое, я узнал его – это же губернатор собственной персоной. По крайней мере, стоявший передо мной человек очень похож на того, чье лицо я видел по ТВ и в прессе. Наши взгляды встречаются. Кажется, будто он смотрит куда-то в меня, и то, что он там видит, его удивляет.

– О-о! А я не верил в то, что среди нас есть любитель наделять своей силой смертных. Но что дает тебе это? И зачем ты провел его через мои ворота? Неужели ты думаешь, что я снизойду до общения с ним?

Он говорил, продолжая смотреть в меня, и я понимал, что обращается губернатор не ко мне. Кто-то из нас сошел с ума. Скорее всего, я. А если так, то человек, стоявший передо

мною, не что иное, как глюк. Ну что ж, буду считать его сумасшедшим глюком и обращаться с ним соответственно.

– Евгений Савелич, вы не будете против, если я с вами сфотографируюсь?

Ага. Теперь он смотрит на меня. Смотрит несколько оторопело.

– Желательно сфотографироваться в какой-нибудь непринужденной обстановке, – продолжаю я. – Давайте я щас сгоняю в погребок, прихвачу пару бутылочек из вашей коллекции. А вы пока закусочку организуйте.

– Ты идиот? – не выдерживает губернатор.

– Мне тоже пришла в голову эта мысль. Но, судя по той ахинее, которую вы только что несли, я не единственный идиот в этом помещении, – и я улыбаюсь как можно более идиотски.

Взгляд его вновь вперивается в меня так, будто пытается что-то вырвать и вытянуть наружу. Вот лицо изменяется в гримасе сожаления, он отворачивается и, заложа руки за спину, подходит к высокому окну.

Судя по обувным полкам и шкафам для одежды, мы находимся в просторной прихожей. Если это действительно особняк губернатора, то получается, что подземный тоннель перенес меня за двести километров...

– Зачем ты пришел? – не поворачиваясь, спрашивает губернатор.

– Разве не ты меня позвал, – решаю тоже перейти на ты.

– Я не звал тебя, смертный. Вернее будет сказать, я звал не тебя.

– Но пришел я. И надеюсь получить ответы на накопившиеся вопросы.

– Ты получил дар, которого недостоеин. А я не добрая фея, чтобы снисходить до общения с тобой. Тебя не было в моих планах, и то, что ты до сих пор не стерт в порошок, чистая случайность.

Это гундосое высокомерие начало меня раздражать. Никогда не любил общаться с людьми, присваивающими себе статус бога, будь они хоть семи пядей во лбу. В детстве при таком общении я предпочитал хорошей оплеухой спустить зарвавшегося собеседника на землю. В более зрелом возрасте научился просто уходить, если была такая возможность. Сейчас просто так уходить не собирался, ибо, придя за ответами, получил лишь новые вопросы. К тому же я не был уверен, что смогу воспользоваться тем же путем, которым попал сюда. И неважно, что этот напыщенный индюк бормочет про возможность стереть меня в порошок. Кое-кто уже пытался расстрелять меня в упор из автоматов, а я вот он, живой и здоровый, и без единого шрамика. Рубашку только испортили. Кстати, у губернатора подходящий размерчик... Мало ли что, вдруг придется возвращаться людными местами, не шастать же мне с голым торсом.

Словно прочитав мои мысли, губернатор перестал разглядывать жирную муху, ползающую по стеклу с наружной сто-

роны окна, повернулся, обращаясь ко мне.

– Можешь удалиться тем же путем, – и, вновь отвернувшись, добавил: – И не открывай его впредь.

Прежде чем я сообразил, что ответить, он опять повернулся, но на этот раз взгляд пронзил меня так же, как в начале разговора.

– Когда тебе надоест прятаться в этой оболочке, я буду рад встретиться.

– У доктора давно был? – прервал я его. – Если хочешь, могу поспрашивать у знакомых, может, кто знает хорошего психиатра?

И снова его взгляд будто бы пытается вывернуть что-то из меня. Ощущение жуткое и непередаваемое. очередной раз выразив на лице разочарование в неудачной попытке, губернатор словно вынимает взгляд из меня и останавливает его на моем лице. Расположения ко мне в этом взгляде было гораздо меньше, чем к той мухе, что за стеклом.

– Не испытывай моего терпения, смертный.

– А то что? – интересуюсь вполне искренне..

– Ты хотя бы приблизительно представляешь, с кем разговариваешь?

– Ну-у, судя по внешности, ты губернатор области, Евгений Савелич Шалинский. Или ошибаюсь?

Он ухмыльнулся, выразив этой ухмылкой даже не презрение, а скорее, жалость к ничтожеству, которое даже представить не может всю степень своего ничтожества.

– Вот именно, что по внешности. Вы, смертные, не в состоянии ничего видеть кроме оболочки...

– Слушай, бессмертный, мне надоело твое нытье. Ты хочешь, чтобы я ушел? Тогда ответь на мои вопросы, – странно, кажется я совсем недавно кому-то это уже говорил. – И, отвечая, постарайся делать это так, чтобы у меня не появилось желания проверить версию о твоём бессмертии.

Прерванный моим заявлением претендующий на бессмертие, несколько опешив, помолчал. В его взгляде мелькнула тень заинтересованности.

– Экий ты наглый, – и, вновь погрузив в меня взгляд, добавил: – Ну что ж, возможно, и в таком существовании есть интерес.

Губернатор обошел вокруг меня, оглядывая как манекен.

– Так это, значит, об тебя обломали зубы колхозники?

– А они их обломали? – я сразу понял, что речь идет о Сараевых.

– Обломали, – подтвердил он. – После поднявшейся шумихи они мне не нужны.

– Значит ли это, что меня больше не будут расстреливать из автоматов?

– Это значит, что они больше не будут пользоваться моим расположением. Ваша же возня меня не интересует, как и не интересовала.

Губернатор снова подошел к окну. Снаружи заметно потемнело.

– Ты говоришь, что пришел за ответами? Так знай, некто наделил тебя силой, постичь которую ты никогда не сможешь, ибо слишком коротка для этого твоя жизнь.

– А ты, естественно, помочь мне не захочешь?

Он удивленно поворачивается ко мне.

– Захочу ли я помочь тебе овладеть силой? Зачем мне это? К тому же это не легче, чем научить таракана пользоваться компьютером.

Ну-ну, так, значит, ты оцениваешь мои способности, господин Шалинский. А не переоцениваешь ли ты свои? Ладно, попробуем пока поискать ответ на другой вопрос.

– Куда ведут остальные пять арок? – спрашиваю без всякого предисловия.

– К остальным пятерым, естественно. Но сомневаюсь, что кто-то еще находится в материальном мире, – его ноздри раздулись и задергались, будто пытались уловить чей-то запах. Затем взгляд вновь обратился на меня.

– Ты утомил меня, смертный. Уходи. Возможно, я и захочу еще раз увидеть тебя. Но сейчас уходи.

Пожалуй, он утомил меня тоже. Мне и самому уже хотелось вернуться в мастерские, узнать, как там обстоят дела после моего расстрела.

– Хорошо, я уйду. Пока уйду. Провожать не обязательно. До встречи, – и я направляюсь в обратный путь. Открыв дверь на лестницу, ведущую в подвал, не удерживаюсь от последнего вопроса.

– Слушай, Йода, если уж я обладаю Силой, то, может, мне и фонарик положен, из которого выскакивает световой меч?

– Что?

– Шутка, – закрываю за собой дверь.

Каменная плита отодвигается сама при моем приближении. Попутно беру со стеллажа парочку первых попавшихся бутылок. Хотя я и не ценитель вин, но почему бы и не угощаться из погребка самого губернатора. Да и потом, может, я и не ценитель только потому, что никогда не пробовал настоящих ценных напитков.

Оказавшись в собственном подвале, ощущаю в кабинете чье-то присутствие. Аккуратно поднимаюсь по порожкам, прислушиваюсь. Так и есть, доносится мерное сопение, будто кто-то спит. Бесшумно проникаю в помещение и обнаруживаю спящего на раскладушке Игоря.

– Э-эй, – толкаю его в плечо. – Тебя что, из дома выгнали?

– А? Что? – трет с просони глаза. – Олег? Живой?

– А почему я должен быть неживой? – включаю свет, чтобы он смог лучше убедиться в моей реальности. – Ты давай просыпайся. Щас чаек заварим, и расскажешь, что случилось и почему ты тут спишь.

Через пять минут я уже слушал рассказ Игоря. Оказывается, он проезжал мимо и, увидев распахнутые ворота, решил заехать. В этот момент из ворот вылетели два мотоцикла с седоками в черных шлемах с тонированными стеклами и на полном газу умчались вдоль по улице. Игорь сразу по-

чуял неладное, а когда въехал во двор, увидел меня, изрешеченного пулями и валяющегося на свеженасыпанном газоне. Армейский опыт позволил ему определить, что ранения не совместимы с жизнью, одна из пуль явно пробила сердце. Поэтому первым делом он хотел позвонить в милицию. Но, достав мобильный телефон, замер от изумления, увидев, что я начал подниматься.

– Ты двигался, как зомби, – рассказывал Игорь, держа стакан с чаем двумя ладонями, как будто пытаюсь согреться. – Поднялся и, не замечая меня, двинулся к крыльцу. Идешь, а с тебя кровь течет... бр-р-р... А я стою, не знаю, что делать. Потом пошел за тобой. Ты в подвал, я следом. Я свет включил, ты даже не отреагировал. А когда ты вход в подzemелье открыл, то повернулся ко мне и сказал, чтобы я не ходил за тобой, и еще назвал меня смертным. Я чуть не обделался, когда ты заговорил. Ты говоришь, а изо рта пузыри кровавые лопаются, и голос такой загробный...

Игорь отхлебнул чай.

– Не хо-оди за мной, сме-ертный, – прохрипел он глухим голосом, якобы подражая мне. – Я как ломанулся наверх. Запрыгнул в машину, сижу, думаю, что делать. Потом ворота закрыл. Пашке позвонил, у него телефон вне зоны. Как стемнело, прилег на раскладушку и вот, прикемарил малость. Вот и все. Теперь твоя очередь рассказывать. И что это за шнурок у тебя на шее?

Я только сейчас обратил внимание на то, что все прибам-

басы с изображением странного зверя снова исчезли.

– Просто простой шнурок. Понравился он мне, вот и одел на шею, – на всякий случай все же потрогал его, талисмана не было. – Хорошо, что ты до Пашки не дозвонился. Не надо его пока посвящать во все подробности. Ему же спокойней.

– Возможно. Ну, рассказывай, что случилось-то, – Игорь нетерпеливо буравил меня взглядом.

– Ну что тебе рассказать? Я уже собирался уходить, когда влетели эти мотоциклисты и расстреляли меня из автоматов. Кстати, надо будет с утра пораньше прибраться, чтобы ни гильз, ни крови не осталось. Нам лишние вопросы ни к чему, – пояснил я и продолжил. – Очнулся в подземелье. Стою перед висячей плитой, на мне лохмотья окровавленные. Содрал их, а на груди ни шрамика. Осмотрелся вокруг и заметил, что за первой решеткой чернота пропала и ясно виден кирпич, которым решетка открывается. В общем, прогулялся я немного. Там такая же каменная галерея, как и та, что ведет из нашего подвала в подземелье. Только выходит она в винный погребок. Видишь эти бутылки? Оттуда.

Игорь взял бутылки в руки, покрутил, разглядывая. Судя по его взгляду, он был такой же знаток вин, как и я.

– Ни за что не угадаешь, кому принадлежит этот погребок, – продолжаю, отобрав бутылки. – Губернатору области.

Делаю театральную паузу, наблюдая за Игоревой реакцией. Но, похоже, увиденное им этим вечером напрочь отбило умение удивляться. Не дождавшись удивления, продолжаю:

– Выйдя из погребка, встретился с губернатором. Он объяснил мне, что является великим магом, а я, в сравнении с ним, простой засранец. В общем, прогнал он меня. Правда, пообещал, что предаст Сараевых анафеме. Ну, или, по крайней мере, не будет им покровительствовать.

***

Как только небо начало светлеть, мы тщательно скрыли все следы моего расстрела, и Игорь отвез меня домой. Дома первым делом забираюсь под душ и стою под струями минут двадцать. Выйдя из ванной, набираю номер прокурора.

– Я вас слушаю, Олег Юрьич.

Ишь ты, узнал по звонку, а значит, занес мой номер в телефон.

– Доброе утро, Геннадий Дмитрич. Звоню, чтобы сообщить, что у наших подопечных больше нет влиятельных покровителей. Думаю, что эта информация придаст вам уверенности.

– Насколько вы уверены в этой информации? – звучит в трубке после нескольких секунд молчания.

– Настолько, насколько можно верить самому покровителю. Я имел с ним беседу этой ночью. – Слышу сдержанное «кх-м» и спешу заверить: – Нет-нет, вы не о том подумали, господин прокурор. У нас была вполне мирная беседа.

Снова слышу недоверчивое «кх-м».

– Да, и еще, Геннадий Дмитрич, мне хотелось бы встретиться с вами по личному вопросу.

– Я приеду в прокуратуру к девяти.

– В таком случае, вы не будете против, если я буду ждать вас на той же скамейке?

– Договорились

Попрощавшись, кладу трубку. Сейчас только восемь утра, а значит, есть полчаса на размышления. Новых вопросов возникло больше, чем получено ответов. Что я узнал? То, что книга способна исцелять смертельные раны. Но в следующий раз лучше не рисковать. В подземелье на мне снова появлялись странные ... как бы их назвать одним словом... пусть будут артефакты. Для чего они нужны – остается загадкой. Туннель за одной из решеток каким-то образом соединяется с домом губернатора, который находится за двести километров. Губернатор считает себя чуть ли не богом. Надо было попросить его сотворить какое-нибудь чудо, а то вот думай теперь, действительно ли он таков или у него просто съехала крыша. Кстати, из его слов я понял, что один из его божественных собратьев одарил меня какой-то силой. Но мне эта сила, мол, что муравью учебник высшей математики. Ну, это он зря. Кое-какие способности у меня появились, иначе меня похоронили бы еще Влад с быками, не говоря уже о вчерашних мотоциклистах.

Ладно. Всю эту фантастику можно будет обдумать позже. А сейчас надо решать реальные проблемы. И в первую очередь следовало разобраться с киллерами на мотоциклах. Именно для этого я и хотел встретиться со Скобиным.

Ну и, в конце концов, сегодня пятница. А я еще даже не выбрал ресторан, в который поведу Катерину.

Когда подъехал к прокуратуре, машины Геннадия Дмитриевича еще не было. Расплатившись с таксистом, решаю прогуляться по каштановой аллее. На этой неделе рабочие меняли здесь тротуарную плитку, и теперь безупречные дорожки обкатывает резвая ребятня на роликовых коньках. Порыв ветерка вырывает у одного из детей фантик от конфеты и бросает на идеально стриженный газон. Эта одинокая бумажка как бельмо на фоне царящей вокруг чистоты. Почему так же тщательно не следят за чистотой в спальных районах?

Наконец подъехал Скобин. Здравуемся без рукопожатия и опускаемся на лавочку.

– Я слушаю вас, – обращается глава прокуратуры.

– Дело в том, Геннадий Дмитрич, что вчера на меня было совершено покушение. Меня пытались расстрелять из автоматов, и только благодаря случайности я остался жив.

– Вы вызывали милицию? Были ли свидетели? – в его взгляде появляется профессиональный интерес.

– Мне не нужна милиция. Пока милиция разберется что к чему, меня десять раз успеют убить. Тем более что я знаю, откуда ветер дует. Да и вы, думаю, тоже догадываетесь.

– Вы намекаете на Сараевых? Ну что ж, у них есть все основания желать вашей смерти. Но что вы хотите от меня, если не желаете давать делу официальный ход?

Вот, блин, жук. Можно подумать, его неверная женушка

в ходе официального дела не справилась с управлением автомобиля.

– Содействия. Неофициального. А если конкретнее, мне нужно поскорее найти тех, кто в меня стрелял, пока они не узнали о своем промахе и не повторили попытку. Уверен, их координаты можно узнать у Сараевых.

– Вы хотите, чтобы я у них спросил? – то ли съехидничал, то ли снаивничал прокурор.

– Спрошу я сам. Так будет быстрее и эффективней. Вас я прошу лишь организовать нашу встречу.

Скобин в задумчивости пытается достать верхней губой до кончика носа, подталкивая ее нижней губой. Я отворачиваюсь, ибо это зрелище сбивает меня с мысли.

– Так что скажете, Геннадий Дмитрич?

– После вашего утреннего звонка, я созвонился с Шувановым. Если он поверил в то, что Сараевы лишились покровительства сверху, то в данный момент они должны быть уже арестованы. Если это так, то не вижу проблемы в удовлетворении вашей просьбы.

Начальник ГУВД полковник Шуванов Иван Степанович встретил нас на пороге своего кабинета. Его цепкий взгляд мгновенно пробегает по моей фигуре.

– Проходите-проходите. Так вы, значит, и есть представитель...э-э...неких сил?

– Волин Олег Юрьевич. В миру – индивидуальный предприниматель, – представляет меня Скобин. Интересно, что

он имел в виду под уточнением «в миру»? Оцениваю крепкое полковничье рукопожатие.

– Итак, – начинает полковник, усевшись за стол и показав нам на стулья напротив. – Старший из братьев срочно слег в клинику, якобы с сердечным приступом. А вот младшенького Федора мы взяли. Он находится под охраной в одном из кабинетов. Сажать его в КПЗ я пока не решился, мало ли... Тебе-то, Дмитрич, после твоего спектакля теперь другого пути нет, как только вперед. А мне хотелось бы хоть каких-то гарантий... Ну, вы понимаете.

Оба выжидательно уставились на меня.

– Как вы себе представляете эти гарантии? Скажите, Геннадий Дмитрич, с тех пор, как вы начали действовать против Сараевых, хоть кто-то сверху пытался вам помешать?

– Нет, как ни странно. Я, честно говоря, ожидал немедленной отставки и, как минимум, обвинения в умопомрачении.

– Ну, так каких вам еще гарантий надо, Иван Степанович?

Шуванов, находясь в плену у противоречивых мыслей, задумчиво вертит в пальцах зажигалку. Зажигалка выскальзывает из пальцев и отлетает на край стола. Милиционер прослеживает взглядом ее полет, даже не сделав попытки остановить.

– Дмитрич говорил, что вам необходимо переговорить с Сараевым наедине? – наконец говорит он.

– Я буду вам очень признателен, если вы организуете та-

кую встречу.

– Нет проблем, – полковник поднимает трубку. – Марина, вызови Суровцева.

Через пару минут, проведенных нами в молчании, в кабинет заходит высокий блондин с капитанскими погонами на плечах.

– Вызывали, Иван Степаныч?

– Вызывал, – Шуванов выбивает пальцами дробь по деревянному подлокотнику своего кресла. – Проводи господина...э-э-э...Волина к своему подопечному. Сам покарауль снаружи. Когда...э-э-э, Олег Дмитрич закончит разговор, проводишь его обратно, и сам далеко не отлучайся.

– Но-о...

– Никаких но, – прерывает капитана хозяин кабинета. – Выполни!

Явно недовольный Суровцев жестом приглашает меня следовать за ним. По пути он рассматривает меня, явно прикидывая, что я за персона. Мы спускаемся на первый этаж, проходим в конец коридора. У последних дверей сидит вооруженный охранник. При нашем приближении он поднимается.

– Что он? – кивая на дверь, спрашивает у охранника капитан.

– Утихомирился, – хмыкает тот, – больше адвокатов не требует.

Мой проводник открывает дверь. В кабинете за столом си-

дит один из посещавших меня толстунов. Вид у него такой, как будто он является хозяином кабинета, так и кажется, сейчас повелительно кивнет на стулья, мол, присаживайтесь, и спросит о цели визита. Сараев приподнимается, явно желая высказать Суровцеву что-то протестующее, но, увидев меня, шлепается обратно в кресло. Его брови лезут вверх, собирая в складки кожу на лбу.

– Ты?

– Я, – подтверждаю его догадку. – Принес привет с того света. Не ожидал?

– Ну-у, я вас оставлю, – изрекает Суровцев, всем своим заинтересованным видом выражая желание остаться. Я киваю, и он с явным сожалением выходит, закрыв за собой дверь.

– Ну что, толстячок? – сходу принимаю решение не церемониться. Обхожу стол и за шкурку сдергиваю оцепеневшую тушку с кресла. – Хотел я забрать с собой вас обоих, но, видать, придется обойтись тобой одним.

– К-куда з-забрать? – вырванный из кресла толстяк тут же падает на стул, стоящий у стены, и вцепляется в сиденье руками.

– Как куда? Туда, куда вы меня отправили. На тот свет, естественно, – беру его, как нашкодившего пацана, за ухо и тяну вверх. Сараев привстает вместе со стулом, продолжая крепко прижимать его к заднице. Интересно, за кого он меня принимает, извращенец? Отпускаю ухо и, ударом в живот, отправляю его снова к стенке.

– Ну что, Феденька? – добродушно беру собеседника за пухлую розовую щечку. – Сразу расскажешь, как найти мотоциклистов, или подождешь, пока я тебе что-нибудь сломаю?

Его дыхание еще не восстановилось, и потому в ответ я слышу лишь какой-то придушенный писк. Наконец грудь Федора начинает набирать воздух, из горла вырывается тяжелое дыхание.

– Какие еще мотоциклисты? Ты ответишь...

Прерываю его новым ударом.

– Отвечай только по делу. Каждое лишнее слово будет жестоко караться. А чтобы ты не заморачивался ненужными мыслями, сообщаю: я получил добро от губернатора на эту экзекуцию. Я вижу, ты снова отдышался. Мне бить, или будешь отвечать? А?

– Я не знаю, это Стас, это его люди, – зачастил толстяк. – Я не занимался силовыми решениями, это Стас.

– Звони ему и узнай, где их найти. Скажи, что они нужны для решения какой-либо проблемы.

– Но,, Стас в больнице...

– Да хоть на том свете, – снова наношу удар. Я не садист, просто несколько часов назад меня расстреляли в упор из автоматов.

– У меня забрали телефон, – хрипит Сараев.

Собираюсь было протянуть ему свой мобильник, но решаю, что будет лучше, если он позвонит со своего номера.

Открываю дверь и спрашиваю у отскочившего капитана, где телефон задержанного.

– Вы собираетесь дать ему возможность позвонить?

– Слушай, капитан, у меня нет времени отвечать на твои вопросы, – говорю я, но видя, как он набычивается, пытаюсь смягчить ситуацию. Прикрываю дверь и, взяв Суровцева под локоть, говорю доверительным тоном: – Ну ты же видишь, капитан, что это за гусь. Если его не расколоть в течение ближайших минут, то заявится толпа адвокатов, раздастся куча звонков сверху, и все... Ну, ты понимаешь...

– Если он будет звонить, то только в моем присутствии, – встает в позу капитан.

– Договорились, – киваю в ответ, ибо нет желания спорить.

Суровцев удаляется за телефоном, а я, вернувшись в кабинет, снова бью толстяка. А чтобы не расслаблялся. Сараев вдруг начинает плакать. Плачет, как обиженный ребенок, размазывая слезы по щекам пухлыми ладонями. И это существо уверяло, что является серым кардиналом? Стою перед ним, не зная, что предпринять. Если в таком состоянии он будет звонить брату, то ничего путного не получится.

Вошедший капитан оторопело смотрит то на своего подопечного, то на меня. Беру у него телефон и протягиваю Сараеву.

– Успокойся, Феденька, поплакал и хватит. Слезами, как говорится, делу не поможешь. А поможешь делу информа-

цией, которую ты сейчас узнаешь у своего брата.

Федор, вытирая рукавом пиджака слезы, набирает на телефоне номер.

– И учти, – предупреждаю я. – Никаких ненужных разговоров. Будет задавать вопросы, говори, что нет времени, мол, потом все расскажешь. Понял?

Сараев кивнул. Я поймал на себе взгляд Суровцева, в котором появилось что-то похожее на уважение. А может, показалось.

– Стас! Стас, ты? – закричал в трубку Федор. – Да, да, Стас, я. Потом, Стас, недосуг мне. Мне нужны корейцы, как их найти. Мне срочно надо! Потом объясню. Срочно! Ага. Щас.

Сараев показал жестом, что нужно на чем-то записать. Суровцев тут же подsunул свой блокнот и ручку.

– Диктуй, пишу, – крикнул в трубку толстяк. – Что сказать? Понял. Все, Стас, давай. Некогда щас. Да, все, пока.

– Ну? – я с нетерпением наклонился над Сараевым. Тот вздрогнул, зажмурившись. Наверное, ожидая очередного удара. За моей спиной хмыкнул капитан.

– Вот их телефон, – наконец заговорил Сараев. – Стас сейчас позвонит им и предупредит, что мне нужны их услуги. Потом должен позвонить я и договориться о встрече. Стас всегда встречался с ними на даче в Дубровке...

– Адрес и ключи!

– Березовая, тринадцать. Ключи у них, – кивает на капи-

тана.

Встречаемся взглядами с Суровцевым, и тот молча идет за ключами.

– Звони, договаривайся, – снова обращаюсь к Сараеву. Он набирает номер, глядя в оставленный Суровцевым блокнот.

– Але. Это Федор Сараев. Вас должен был предупредить мой брат. Да. Да. Дело срочное. Хорошо. Через час там же, где вы обычно встречались со Стасом. – Федор опускает телефон и, глядя на вошедшего Суровцева, сообщает: – Через час они подъедут на дачу. Предупредили, что за срочность потребуют двойной гонорар.

– Хоть четверной. Мне для них ничего не жалко.

– Гонорар за что? – заинтересованно спрашивает капитан.

– Например, за мое убийство. Хотя за него они уже получили, – ухмыляюсь я и оборачиваюсь к Сараеву. – Сколько за меня отвалили-то? Немного, небось? Я фигура не великая.

– Я же говорил, что подобными вопросами занимался Стас, – начинает ныть тот. – В моей компетенции были чисто административные дела.

– Так мы шас что, киллеров едем брать? – в глазах капитана загорается охотничий азарт.

Вот уж никак этот опер не входит в мои планы. Тем более что брать я никого не собираюсь. Поэтому жестом приглашаю его выйти на пару слов.

– Слушай, капитан, – говорю ему в коридоре. – Это мое личное дело. Я вам

Сараевых на блюдечке преподнес? Вот и занимайтесь ими. А с этими корейцами у меня свои счета, кровные, в прямом смысле этого слова.

– Сараева, между прочим, я брал, – возмущается капитан.

– Да-а? А что ж ты его раньше-то не брал? Они вроде не скрывались, наоборот, всегда на виду были.

Вижу, что капитан что-то прокручивает в голове.

– А ты, вообще, из какой конторы, если не секрет? – вдруг спрашивает он. – Я вроде местных всех знаю, и из прокуратуры, и фээсбэшников.

– Я из области, – отвечаю уклончиво. Нет, ну а что мне ему сказать? Мол, я мелкий частный предприниматель, решил вот на досуге с городским криминалом разобраться?

Не знаю почему, но мне кажется, что капитан, в общем-то, парень неплохой. Может, не отказываться от его помощи? Да и что я собственно теряю?

– Тебя как зовут?

– Василий.

– Олег.

Крепкое у Василия рукопожатие. По-настоящему крепкое. Оно сразу бывает заметно, когда человек тужится, сдавливая твою ладонь, стараясь показаться круче, чем есть на самом деле.

– Понимаешь, Василий, я ведь не брать этих корейцев буду. Да и не за что их брать. Покушение на меня еще доказать надо. О других их делах мы ничего не знаем. Разве что стар-

ший Сараев расколется. И действую я в данном случае не от какой-то конторы, а от себя лично. Понимаешь?

Василий кивнул. Он все понял.

– А этого можешь в клетку отправить, – кивнул я на дверь. – Нечего с ним церемониться.

Мы возвращаемся в кабинет. Сараев сидит, оперев локти в колени и опустив на ладони голову.

– Где машина, на которой ты едешь? – спрашивает его Василий.

– Не знаю. В гараже, наверное, – мямлит тот, не поднимая головы. – Шофер по моему звонку подгоняет куда надо.

– Звони, пусть подгоняет сюда. И побыстрее!

С удивлением смотрю на Василия. Чего это он задумал?

После звонка Суровцев отбирает у толстяка телефон, и мы выходим.

– Ты уверен, что этого можно в КПЗ?

– Не, ну если хочешь, можешь ему номер люкс заказать, – хмыкаю в ответ.

– Толик, – Василий поворачивается к часовому и кивает на дверь. – Этого в КПЗ. Только пока в отдельную клетку.

– Сараевскую тачку, как я понял, ты для меня заказал, – уточняю я свою догадку.

– Думаю, твоим корейцам будет спокойнее, если у дачи будет стоять машина хозяина. А я шофера заменю, на всякий случай. Щас, только переоденусь, а то шофер в ментовской форме как-то не то, – и уже на ходу добавил: – Ты пока

отмажь меня у начальства. Я быстро.

Вот шустрый мент! Набираю номер Скобина и прошу его передать полковнику, что капитан Суровцев временно привлечен мною к оперативной работе, а Сараев отправлен в КПЗ, где ему и место. Не дожидаясь ответа, благодарю за помощь и, попрощавшись, отключаюсь.

***

Вот и Дубровка. Поселок строился еще в те времена, когда и простые, и состоятельные граждане получали участки одинаковой площади и на одной улице, поэтому улица напоминает рот ребенка, у которого идет смена молочных зубов на коренные. Нужный участок нашли сразу, по высокому забору из красного кирпича, увенчанному сверху ажурной ковкой. Внутри небольшой двухэтажный домик, еще лет десять назад показавшийся бы довольно приличным, но по нынешним временам не претендующий даже на минимальную степень солидности.

Открываю створки ворот, и Василий загоняет мерс во двор. Обстановка вокруг говорит о том, что дачей давно не пользовались по назначению. Под забором, на парочке клумб и даже у ворот небольшого гаража стоит засохший прошлогодний бурьян. Оконных стекол явно давно не касалась тряпка. Похоже, эта дача использовалась Сараевыми только для встреч определенного характера.

Капитан по обговоренному по дороге плану остается в машине, а я поднимаюсь на крыльцо. Отмыкаю дверь и захожу

внутри. Первый этаж состоит из одного просторного помещения с парой колонн посередине, поддерживающих балки, на которые опирается перекрытие. Справа от входа в проем в потолке уходила винтовая лестница.

Ага, вот, кажется, и гости пожаловали. Во двор врывается треск мотоциклетных двигателей. В окно вижу знакомые фигуры в шлемах с тонированными стеклами. В лицах еле заметные восточные черты. Если бы не знал, что их называют корейцами, то и не обратил бы на это внимание. Мотоциклы не глушат, шлемы не снимают. В дом идет только один, второй остается сидеть в седле. Ну что ж, ребята, к вам у меня вопросов нет, поэтому разговор, как говорится, будет коротким.

Встаю за дверь и, захлопнув ее за вошедшим, наношу удар в шею ниже шлема. Раздается хруст позвонков, тело безвольно падает на пол. Подбегаю к окну на противоположной стороне помещения и, открыв рамы, выпрыгиваю наружу. Миную заброшенный сад, преодолеваю забор и оказываюсь в березовой посадке. У соседей заборчик попроще – сетка-рабица, обрамленная металлическим уголком. Внимательно осматриваю соседский участок, не заметив присутствия на нем кого-либо, быстро пересекаю его и выхожу через незапертую калитку на улицу. Толкаю с разбега створку ворот сараевской дачи, чтобы закрылась. Вторую створку закрываю за собой и, задвинув засов, поворачиваюсь к оказавшемуся в ловушке мотоциклисту. Реакция у того оказа-

лась отменная. Он уже развернул мотоцикл в мою сторону и, подняв его на заднее колесо, ринулся вперед, намереваясь размазать меня по воротам. И ему бы это удалось, будь на моем месте кто другой. Но я уже слился со зверем, который отдал моему телу свою силу и свою скорость. Делаю шаг навстречу и слегка влево, хватаюсь за передний амортизатор и резко дергаю переднее колесо вниз. При этом заднее колесо отрывается, и мотоцикл, сделав сальто в воздухе, с грохотом врезается в землю, пригвоздив мотоциклиста. Двигатель глохнет. Судя по неестественно вывернутой голове, добивать корейца не придется. Подоспевший капитан глушит второй мотоцикл, и на нас опускается неестественная тишина. Интересно, сколько времени заняла вся эта карусель? В следующий раз надо засечь. Чур меня, чур меня от следующего раза!

– Ну ты, блин, Рембо, – офигевший Суровцев разглядывает композицию «кореец под мотоциклом». – Ты как на улице оказался, коперфильд?

– Может, хватит обзывать? Лучше подскажи, что с этими наездниками делать.

– А второй тоже готов?

– Не проверял, но думаю, что да.

– Ну-у, как мент я обязан вызвать...

– Э-эй, Вася! – обрываю мента. – Мы же договорились, что ты будешь участвовать как немент!

Трупы пристроили в небольшом погребке, обнаруженном

в гараже. Туда же загнали и мотоциклы. Василий протер ветошью все, до чего мы могли дотрагиваться.

– Ну, все, – изрек он удовлетворенно. – Слушай, терминатор, а этому трюку с мотоциклом в вашей конторе учат?

– В конторе, – киваю в ответ. – Поехали. Мне сегодня еще в ресторан с девушкой идти. Ты, кстати, не подскажешь какой-нибудь приличный, а то я уже забыл, когда последний раз навещал культурно-питейные заведения.

– О-о, дарагой, ты обратился по адресу...

***

Негромкая музыка наполняет зал приятной атмосферой. Мерцающие на столах свечи придают этой атмосфере легкий налет романтизма. Смотрю в глаза Катерины, светящиеся озорными искорками, и испытываю некоторую неловкость из-за своей неспособности вести разговоры ни о чем. У нас с ней пока нет общих тем для общения. Не вести же беседу о работе. Лучше уж молча смотреть друг другу в глаза, намного приятней.

Ресторан, который порекомендовал Василий, действительно оказался великолепным. Я не ожидал, что такой может быть в нашем городе. Самым главным достоинством этого места, на мой взгляд, было то, что музыка не оглушала, заставляя при общении орать во всю глотку. Музыканты обходились в основном инструментальными мелодиями, без надоевших попсовых песен.

Как я понял, владелец этого ресторана, высокий художник

вый армянин Гарик, был чем-то обязан Суровцеву. Когда мы заехали к нему днем, тот встретил Василия, а заодно и меня, как встречают дорогих гостей, выражая всем своим видом огромную любезность. Узнав, что я чуть ли не лучший друг Василия Петровича – так он называл опера – и желаю заказать столик на двоих на вечер, Гарик предложил на выбор несколько подходящих мест. Затрудняясь с выбором, так как, не будучи завсегдатаем, не знал достоинств и недостатков этих мест, объяснил хозяину, что я пригласил даму на первое свидание и хочу провести вечер в приятной беседе. Тогда Гарик указал на столик в алькове, находясь за которым можно было наблюдать за всем залом, самим при этом оставаясь в тени. К тому же, благодаря углублению, значительно скрадывались все звуки из зала.

Попрощавшись до вечера с доброжелательным армянином, заверившим, что я не пожалею о своем выборе, попросил Василия подвезти меня к мастерским. По пути признался ему, что не принадлежу ни к какой конторе, и рассказал всю историю, начиная с вторжения на мою территорию симпатичного пожарного инспектора. Естественно, о своих сверхъестественных возможностях умолчал. Василий принял информацию молча, то ли переваривал услышанное, то ли просто не поверил. Пожал на прощание руку, внимательно глядя в глаза, и укатил на сараевском «мерине».

Катерины в мастерских не оказалось. Девчата, шпаклюющие стены в кабинете, объяснили, что она отрядила их для

работы здесь, а сама осталась на другом объекте. Узнал у них номер ее телефона и, набирая, вышел во двор.

– Але.

– Привет, Катерина. Это Олег. Ты не забыла, что сегодня пятница?

– Здравьсти. Вообще-то, я думала, что это вы ... ты забыл.

– Я помню и с нетерпением жду вечера.

На мое предложение заехать за ней Катерина почему-то ответила отказом. Узнала, в какой ресторан я ее приглашаю, и пообещала, что прибудет сама к девятнадцати ноль-ноль. Я в свою очередь потребовал, чтобы она немедленно прекращала работу и отправлялась домой, ибо мне не нужна уставшая спутница.

– Через двадцать минут проверю, если ты еще будешь на работе, приеду сам и выгоню, – пообещал я.

– Хорошо-хорошо, – слышался ее смех. – Я и сама уже думала уйти по-тихому, но потом решила, что ты забыл о своем обещании.

– Не забыл, – начал было говорить я, но из трубки уже пикали короткие гудки.

Катерина подъехала к ресторану в начале восьмого. Я не сразу ее узнал. До сих пор мне доводилось видеть ее только в рабочем комбинезоне. Поэтому обратил внимание на стройную шатенку в бирюзовом вечернем платье, которую подвезла «волга» с шашечками, только тогда, когда почувствовал на себе ее пристальный взгляд. Все! Теперь я точно понял,

что влюблен! И еще я понял, что являюсь идиотом, ибо стою с пустыми руками. Ну почему я не догадался купить букет? Э-эх, сказывается отсутствие опыта в амурных делах.

Видимо, мысль о собственном идиотизме так крепко за-села в голове, что вместо приветствия выпалил:

– Я идиот!

– Почему? – засмеялась Катерина

– Я не догадался купить цветы, – честно признался я.

– Так это же хорошо, – продолжила хихикать Катерина, беря меня под руку.

– Почему? – настала моя очередь задать этот вопрос.

– Потому что тогда идиоткой выглядела бы я, вертя этот букет в руках и не зная, куда его деть.

Разговаривая, мы прошли в зал. По пути я замечал взгляды, которыми сопровождают Катерину. В них явно читались восхищение и желание. И мне это нравилось, ибо я воспринимал эти взгляды как оценку своему выбору. В зале нас встретил сам Гарик. Проводив к столику и выказав восхищение красотой Катерины, он пожелал нам приятно провести вечер. Через минуту после его ухода у стола материализовался официант.

Первый час нашей встречи прошел более-менее непринужденно. Мы осмотрели обстановку в ресторане и немного поговорили об этом, выделяя явное преимущество этого заведения перед другими. Затем, неспеша оценивая блюда, обсуждали их достоинства. Вино смаковали не чокаясь и без

тостов. Хотя я и не был ценителем вин, но такой, на мой вкус, чудесный напиток, который принес за наш стол Гарик лично, не годился для того, чтобы опрокидывать его залпом после лихого тоста. Правда, когда я поднял бокал первый раз, то пролепетал что-то типа того, что восхищен красотой сидящей напротив женщины. Но на этом мое красноречие закончилось.

– Может, ты, наконец, перестанешь меня гипнотизировать и пригласишь на танец, – прерывает мои мысли Катерина. Ее озорной взгляд стал слегка хмельным, и это придало ей дополнительную сексуальность.

– Е-мое, – хлопаю себя по лбу. – Я и забыл, что в ресторанах еще и танцуют.

Встаю и, обойдя столик, подаю Катерине руку. Пока мы следуем к танцевальной площадке, снова замечаю восхищенные взгляды, устремленные в нашу сторону. И, естественно, не я причина этого восхищения. Мне так и хочется посоветовать этим людям, чтобы искали красивых девушек не по кабакам и ресторанам, а на отечественных стройках. Но я молча иду, держа свою спутницу за руку и делая вид, что не замечаю этих взглядов. Музыканты только начали играть новую мелодию, и на площадку, кроме нас, выходит еще несколько пар. Мы останавливаемся на свободном пятачке. Я кладу правую ладонь Катерине на талию и с легким усилием привлекаю поближе. Ее левая рука ложится мне на плечо, а правая опускается ладошкой в мою левую ладонь. Если несколь-

ко секунд назад у меня мелькнула мысль, что я очень давно не танцевал, то сейчас неуверенность исчезла без следа, тело само вспомнило все движения. Мы полностью отдались чудесной мелодии, ведущей нас в неспешном танце. Близость наших тел порождает страсть, которая отражается в наших взглядах. Непроизвольно еще сильнее прижимаю Катерину. Ее левая ладонка скользит вверх по моему плечу, перемещаясь на шею. Чувствую даже сквозь материю, как напряглись соски на прикасающейся ко мне женской груди.

– Ты прекрасна! – шепчу в нежное ушко.

В этот момент музыка заканчивается, и я получаю в ответ лишь озорной взгляд.

После танца Катерина отлучилась в дамскую комнату. Я выхожу на открытую террасу, чтобы слегка охладиться на вечернем воздухе, и встречаю там Гарика.

– Вах, дарагой! – восхищенно цокает он. – Какая у тебя красивая женщина! Где можно найти такую, а?

– На стройках, – радуюсь возможности высказать свою мысль.

– Где-е? – не поняв, протягивает Гарик.

– На стройках, – повторяю я. – Видел девчонок в рабочих комбинезонах? Так вот, если снять с них эти комбинезоны и надеть вечерние платья, то как минимум половина из них окажется красавицами.

– Да ну, шутишь, наверное, да?

– А ты проверь, – подмигиваю ему. – Организуй в своем

ресторане конкурс «Мисс Строитель».

Вижу возвращающуюся Катерину и, оставив Гарика, спешу к ней. Пока нас не было, на столе появились вазочки с мороженым.

– М-м-м, какое вкусное, – восхищается Катерина, попробовав его, и, взглянув мне в глаза, вдруг хитро прищуривается. – Так что ты там говорил, когда мы танцевали?

Пойманный врасплох, я начинаю лихорадочно искать нужные слова, но меня выручает завибрировавший на поясе телефон.

– Извини, – говорю Катерине и подношу трубку к уху. – Ало.

– Олег, это Василий, – слышу голос нового знакомого. – Ты сейчас занят?

– А ты сам не догадываешься? – искренне возмущаюсь я.

– Тьфу ты, совсем забыл, – после нескольких секунд раздумий восклицает тот. – Извини. Как отдыхаете?

– Отлично. Чего позвонил-то? Случилось что?

– Да ладно, расскажу при встрече.

– Ну а в двух словах можно? А то я буду думать теперь...

– Ну-у, – тянет Василий. – В общем, посетил я сегодня старшего Сараева в больничке. Предупредил, что если не явится с повинной, то не доживет до конца недели. А что? Не одному тебе жуть на гадов нагонять. Ну ладно, не буду отвлекать. Приятно отдохнуть, терминатор.

В течение нескольких секунд продолжаю слушать гудки,

уоставившись в стол.

– Что-то серьезное? – спрашивает Катерина.

– Не очень. Это по работе.

– Если не очень, то почему у тебя сразу такой вид стал серьезный?

– Да просто с мысли сбили этим звонком. О чем мы говорили?

– Ага! – к Катерине сразу возвращается веселое настроение. – Мне повторить свой вопрос? Или сам вспомнишь?

Ну что ж, сам нарвался.

– Ты хочешь, чтобы я повторил то, что сказал во время танца?

Катерина кивает и замирает в ожидании, всем своим видом выказывая нетерпение.

– Я сказал, что ты прекрасна!

– И ты сможешь это повторить снова?

– Сколько угодно!

***

Лучик утреннего солнца проникает между неплотно задернутыми гардинами и нежно касается тела уснувшей Катерины, освещая бархатную кожу на аккуратном животике. Я люблю ее откровенной наготой. Красивая грудь вздымается и опускается в такт спокойного дыхания. Не удержавшись от соблазна, провожу ладонью по ее телу, начиная от груди и спустившись на бедро. Губы Катерины растягиваются в улыбке, но глаза остаются закрытыми. Она прижимает-

ся ко мне, обняв за шею, и через мгновение уже сопит мне в грудь, снова уснув. Долгое время лежу, стараясь не шевелиться, чтобы не беспокоить уставшую после бурной ночи девушку. Затем все же осторожно освобождаюсь из ее объятий и встаю с дивана. Одеяло валяется на полу. Вначале оно нам мешало, а потом не было сил его поднять. Да и не нуждались в одеяле наши разгоряченные тела. Поднимаю его и укрываю Катерину, все же через открытый балкон, несмотря на яркое утреннее солнце, проникает достаточно прохладный воздух. Теперь, когда соблазнительное тело укрыто и не притягивает мой взор, отправляюсь в ванную, прихватив с пола разбросанную впопыхах одежду.

Струи холодной воды приятно взбадривают. Растираюсь полотенцем, пока кожа не согревается после ледяного душа, и отправляюсь на кухню.

Давно на душе не было так светло и радостно. Неужели я влюбился? Или это лишь следствие долгого воздержания? Ладно, не буду забивать голову. Мне хорошо, и это главное.

Вспоминаю про вчерашний звонок Василия. Интересно было бы узнать подробности. Иду в прихожую за телефоном и, возвращаясь, закрываю за собой дверь. Несмотря на ранний час, Суровцев сразу берет трубку.

– Але. Олег, ты?

– Я, – отвечаю тихо.

– Чего шепчешь? А, понятно. Значит, вечер прошел удачно, – то ли спрашивает, то ли утверждает он.

Оставляю его реплику без ответа.

– Надо встретиться, – говорит Василий. – Ты когда сможешь?

– Вась, а ты женатый? – вдруг спрашиваю я.

– А при чем здесь это, – удивляется он и сообщает. – Скоро два года, как в разводе.

– Да просто спросил. Сам не знаю к чему. Подъезжай через час к мастерским. Это там, куда ты вчера меня отвозил.

– Хоккей, подъеду. Могу и за тобой заехать, если что. Я, кстати, все еще на сараевском «мерине» катаюсь, – сообщает он. – А что? Могу же я попользоваться буржуйским добром?

– Можешь, – смеюсь в ответ и соглашаюсь с предложением. – Давай подъезжай тогда за мной через час.

Сообщаю ему адрес и кладу трубку. За дверью слышится шлепанье босых ног по паркету, щелчок двери в ванную и шуршание водяных струй по пластиковой занавеске. Поспешно включаю чайник и начинаю проверять свои запасы съестного. Результат печальный. Кроме сырых яиц и упаковки печенья ничего нет. Хорошо хоть, вчера в ресторане догадался заказать с собой кроме вина еще фруктов и коробку конфет. Засыпаю в заварник зеленый чай – другого нет – заливаю его кипятком. В этот момент в кухню входит одетая в мой халат Катерина. Ее улыбка, подобная утреннему солнышку, тут же заставляет меня пожалеть о том, что поспешил договориться с Василием о встрече. Не говоря ни слова, она подходит, садится мне на колени и крепко обнимает,

обхватив руками мою шею.

– Доброе утро, – ее губы щекочут мне ухо.

– Оставайся у меня, – говорю вместо приветствия.

– Я не могу, мне надо ехать, – в ее голосе слышится искреннее сожаление. И тут же начинает хихикать. – Ну и смешно же я буду выглядеть с утра в вечернем платье. Сразу всем будет ясно, что заночевала не дома.

– Не волнуйся, – заверяю ее. – Через час за мной заедет один товарищ, и мы отвезем тебя, куда скажешь. Ты где живешь?

– Я живу за городом. Но отвезти меня надо будет к подружке, я там переоденусь. А домой доберусь сама.

– Как скажешь. Давай пить чай.

– Давай, – соглашается она, продолжая крепко обнимать мою шею.

– Ты, наверное, не выспалась?

– Выспалась. Даже сама удивляюсь. Спала не более двух часов, по идее должна быть как разбитое корыто. А чувствую себя так, будто полноценно подрыхла всю ночь.

– Слушай, может, у твоей подружки есть такая же красивая приятельница, которая будет не против знакомства с бедным ментом? – накинулся на меня Василий, когда я, проведив Катерину до подъезда, вернулся в машину. – А то мне что-то снова жениться захотелось.

– Не знаю. При случае поинтересуюсь, – ухмыляюсь в от-

вет. Я заверил Катерину, что позвоню после обеда, и теперь мои мысли были забиты тем, какой неоспоримый аргумент привести в пользу того, что нам вновь необходимо встретиться, и какое мероприятие придумать. Не приглашать же второй вечер подряд в ресторан.

– Э-эй! Ты слушаешь меня?! – орет в ухо Василий. – Или я с рулем разговариваю?

– Извини, задумался, – смущенно обращаю на него внимание. Оказывается, мы уже подъезжаем к мастерским. – Сейчас приедем, чаек заварим, и тогда расскажешь все по порядку.

В мастерских по случаю выходного дня никого не было. Включаю чайник и показываю оперу свое хозяйство. Судя по его равнодушному взгляду, столярное производство ему по барабану. Поэтому, как только вода вскипает, мы, кинув в кружки с кипятком по пакетик чаю и по две ложки сахара, выходим во двор. Здесь Василич уже соорудил небольшую беседку для обеденного отдыха. В ней мы и устраиваемся.

– Ну, рассказывай.

Василий несколько секунд молчит, как бы собираясь с мыслями.

– А ты точно ни в какой конторе не служишь? – вдруг спрашивает он.

– Вот те крест, – дурашливо осеняю себя крестом и указываю рукой вокруг. – Ты же видишь, чем я занимаюсь.

– Тогда где ты так научился мотоциклы на полном ходу

одной рукой останавливать? – подозрительно прищуривается Василий.

– Слушай, опер, – возмущаюсь я. – Ты мне допрос тут устраивать собираешься или рассказать о чем-то хочешь? Никто и ничему меня не учил! Само как-то получилось. Жить захочешь – паровоз остановишь.

– Ладно, – примирительно соглашается Суровцев, – будем считать, что не врешь. Может, у тебя это, ну, в критический момент высвободились скрытые резервы организма. Ученые и разные каратисты утверждают, что такое возможно. В общем, вчера, после твоего рассказа я подумал, если ты способен в одиночку местных тузов за жабры брать, то мне, менту, сам бог велел с ними не церемониться.

Василий вынул из кружки пакетик и поискал глазами, куда бы его пристроить.

– Оставь на столе, – сказал я и подумал, что надо сказать Василичу, чтобы соорудил у беседки какую-нибудь урну.

– Я, конечно, мент, и поэтому обязан действовать по закону, – продолжил Василий, помешивая ложкой чай. – Но какой смысл от закона, если настоящие преступники ему неподвластны? Какой смысл от правосудия, которое не на стороне правого, а на стороне денег и власти?! Да и после того, как стал соучастником твоего вчерашнего бенефиса на сараевской даче, корчить из себя законопослушную целку нет смысла. Также я понимаю, что, действуя подобными методами, уподобляюсь тем, против кого действую. Но, раз уж,

судя по всей человеческой истории, равенства и братства никогда не было и быть не может, то мне гораздо приятнее будет чувствовать себя сверху...

– Вась, – перебиваю новоявленного философа, – исповедоваться иди в церковь. И оправдываться передо мной тоже не надо. Ты мне помог, и за это тебе спасибо. Если тебе нужна помощь, обращайся, и я сделаю все, что в моих силах. Короче, завязывай с философией и переходи к делу.

– Хоккей, к делу, так к делу, – соглашается тот и, отхлебнув чай, продолжает: – Помнишь того сержанта, что вчера кабинет с младшим Сараевым караулил? Здоровый парнишка. Чемпион России по рукопашке. Прихватил я его вечером, и отправились мы навестить старшего Сараева в больничку. Как оказалось, не зря прихватил, у его палаты два бугая журнальчики читали. Толик их сходу в глубокий нокаут отправил, и пока он приводил в чувство проходившую мимо юную медсестричку, я проследовал в палату и провел там воспитательную беседу с больным. Объяснил ему, что, мол, «дни роковые настали, час искупленья пробил». Посему ему необходимо срочно сдаться в лапы правосудия, иначе его в течение недели в этой же палате и придушат. Для пущей убедительности прищемил ему пальцами нос. Он у него теперь синее, чем у самого синего алкаша.

Но фиг с ними, с этими Сараевыми. Я вот что хочу тебе сказать, Олег. Ты говорил, что взял на понт Скобина, заявив, что представляешь некую группу людей. Так вот учти, если

что, я и Толик тоже принадлежим к этой группе.

Василий замолкает и теперь ждет моей реакции. Что я мог ему ответить?

– Василий, – начинаю я, пытаюсь подобрать правильные слова. – Я, как говорится, уважаю твой выбор. Но не знаю, стоит ли тебе рассчитывать в этом деле на меня. Понимаешь, я ведь просто защищался. Меня к этому вынудили и только. Я по натуре не воин и тем более не мент. Понимаешь?

Я ждал увидеть на лице своего нового друга разочарование, но замечаю лишь хитрую усмешку.

– Я тебя в менты и не агитирую. А вот что касается твоего нежелания воевать, то у тебя теперь просто нет выбора, Олег.

– Как это, нет выбора? – спрашиваю настороженно.

– Неужели непонятно? – Василий отставляет кружку и с довольным видом откидывается на спинку лавочки. – Ты вывел из игры две первые фигуры в районе и после этого надеешься остаться в тени? Думаешь, тебе дадут спокойно жить? Нет, браток! Как только почуют, что на самом деле ты не представляешь никакой реальной силы, так тебя тут же и раздают. Просто так, на всякий случай.

– Нет, погоди, – перебиваю Василия. – Откуда кто узнает, что я причастен к этому делу? Я в городе вообще фигура крайне незначительная. Меня знают лишь мои клиенты.

– Об этом можешь не волноваться, – делает он успокаивающий жест рукой. – Ни Шуванов, ни Скобин не захотят брать ответственность на себя. Им лишнее геройство не

только ни к чему, но даже и вредно для репутации. Поэтому, думаю, твоей персоной уже интересуются все те, кого можно назвать хозяевами нашего города.

– И что ты предлагаешь? Перебить их всех? – пытаюсь шутить, все еще не воспринимая услышанного всерьез.

– Всех не перебьешь, – парирует Василий. – Нужно закреплять положение и репутацию. Иного пути нет. Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

– Да я, блин, даже не знаю, как его, это положение, закреплять. Мне что, прийти к каждому из них ночью, связать и настучать по пузу?

– Если потребуется, то и к каждому, – соглашается опер. – Только теперь уже втроем действовать будем.

– А давай все стрелки на тебя переведем, а? – предлагаю я. – А что? Ты рвешься в бой, тебе и флаг в руки. А я буду своими делами заниматься. Но и тебе, в случае нужды, помогать не откажусь.

– Не получится, – подумав, заверил Василий, – если бы я был способен таким делом заправлять, то давно бы уже все организовал. Но мозги у меня так устроены, что если кто покажет направление пальцем, я все сделаю как надо, а вот сам правильную цель выбрать не смогу.

– Нет, если хочешь, чтобы все шишки на меня сыпались, – после некоторого молчания продолжает он. – То я не против. Но руководить все равно тебе придется.

– Да чем руководить-то?

– Некой группой людей, о которой ты задвинул прокурору, – хитро подмигивает Василий. – А если серьезно, то думаю, что надо подождать их первого шага, а там ориентироваться по обстановке.

– А если эти самые они первого шага не сделают?

– Не могут не сделать. Вот увидишь, – снова заверяет тот. – Я, кстати, из ментовки уходить собираюсь. Давно мечтал частным сыском заняться, да все решимости не хватало. А вчера решил. И Толика с собой заберу, помощником будет. Документы оформить помогут. Сокурсник в столице этими делами занимается, думаю, не откажет.

– Если откажет, ночью к нему наведаемся, – толкаю в бок размечтавшегося мента, и мы вдруг начинаем хохотать.

***

Следующие две недели мои мысли были заняты только мастерской и развитием наших с Катериной отношений. Я пытался убедить Катерину, чтобы она переехала жить в мою квартиру, но она предлагала не спешить, мол, надо лучше узнать друг друга и все такое. Может, она и права, но я хотел, чтобы она была рядом постоянно.

Ремонт мастерской наконец-то был закончен. Я в своем новом кабинете, гордо именуемом офисом, принял заказ у первого клиента. Нужно было сделать кое-какую мебель под старину для одного vip-клуба. Работа оказалась интересной, и я погрузился в нее с головой, вместе с Василичем, его напарником и Артемом.

Забота о бригадах отделочников полностью легла на плечи Игоря, и он с трудом справлялся. Если в организации работы он был достаточно компетентен, то в общении с клиентами Игорю не хватало убедительности, а иногда и терпимости. Как-то, заехав в мастерские, он намекнул мне, что не плохо было бы передать контакты с клиентами в компетенцию Катерины. Игорь заверил, что ей всегда легко дается общение с людьми. Я поговорил на эту тему с Катериной, и та пообещала попробовать.

Сегодня, прибыв в мастерские, заметил, что на ограде соседнего участка висит табличка с надписью «ПРОДАЕТСЯ». Сначала не придал этому особого значения, лишь спросил у Василича, чего это сосед решил дом продать.

– Он давно хотел в квартиру переехать. С домом, мол, хлопот полно, а он человек старый и одинокий, – ответил тот.

И вот как-то постепенно начала зарождаться идея купить этот дом. А что? Жить в собственном доме рядом с мастерскими было бы неплохо. Вот только со средствами напряженка. Потратился основательно с приобретением и ремонтом мастерских. Но можно попробовать взять кредит.

– Дядь Олег, там к вам приехали, – выводит меня из задумчивости голос Артема.

Отряхиваю с комбинезона древесную пыль и иду к выходу. Во дворе стоит черная «бмв». Рядом с машиной прохаживается невысокий крепыш, одетый, несмотря на жару, в серый костюм. Скользя по мне взглядом, он продолжил

мерить шагами двор.

Глядя на гостя, вспоминаю слова Василия о том, что меня в покое не оставят. Похоже, он был прав. Ну что ж, сейчас узнаем, с чем пожаловал этот гость. Не хотелось бы опять начинать войну с какими-нибудь новоявленными сараевыми.

– Это вы меня спрашивали? – обращаюсь к незнакомцу.

– Э-э, – он снова окидывает меня взглядом и несколько удивленно произносит: – Вы Волин Олег Юрьевич?

– Он самый. Чем могу помочь?

Крепыш еще раз оглядывает меня, как бы оценивая мой пыльный прикид.

– Я по поручению администрации, – наконец произносит он и протягивает мне какой-то довольно крупный конверт. – Вы приглашены на открытие Дома Охотника.

Машинально беру из его рук конверт и в оцепенении разглядываю.

– Вы уверены, что передали приглашение по адресу? – выйдя из ступора, спрашиваю посыльного. – Я, вроде бы, никогда охотником не был.

– Если вы являетесь Волиным Олегом Юрьевичем, то уверен, – отвечает тот, хотя по его лицу было видно, что сомнения все-таки присутствуют.

– А где находится этот Дом Охотника?

– В приглашении указано место и время проведения мероприятия. Вот, возьмите мою визитку. Когда решите, куда присылать за вами машину, позвоните по любому указанно-

му там телефону.

Не глядя сую визитку в нагрудный карман. Гость прощается кивком головы и направляется к машине. Я, все еще прибывая в замешательстве, провожаю взглядом выезжающую со двора бээмвуху и направляюсь в кабинет для изучения содержимого конверта. Там меня ждет новое потрясение...

– Добрый день. Надеюсь, ты не будешь возражать против моего ответного визита?

За моим столом, ухмыляясь, сидит губернатор.

– Как вы здесь оказались? – ошарашено спрашиваю и тут же соображаю, что сморозил глупость. Дверки шкафа открыты, но крышка люка, служившая одновременно дном, опущена.

– Как я здесь оказался? – губернатор вальяжно откидывается на спинку кресла. – Разве тебе неизвестен путь, соединяющий наши сущности?

– А ничего, что ты занял мое место? – решаю не церемониться, вспомнив, как встретил меня этот напыщенный индюк.

– Не волнуйся, смертный, я ненадолго.

– Если ты пришел за своими бутылками, то они уже давно опорожнены, – сообщаю, решив немного поиздеваться над этим бессмертным.

– За какими бутылками? – губернатор непонимающе поднимает брови.

– Ну, за теми, что я спер из твоего погребка на обратном

пути.

Гость некоторое время молча смотрит на меня, как бы прикидывая, стоит ли продолжать разговор с этим придурком.

– Ты правда, бессмертен? – задаю первый вопрос, который пришел в голову.

– Если ты имеешь в виду тело, то оно смертно, хоть и проживет в несколько раз больше, чем у простых людишек. Твое, кстати, тоже, если, конечно, его не сгубит твоя безмерная наглость, – он барабанит пальцами по столу, пристально вглядываясь в меня, и продолжает: – Но наши сущности, моя и та, что затаилась в тебе, бессмертны.

– Не понял, – я действительно не понял. – Ты хочешь сказать, что во мне живет какой-то паразит?

– Паразит? – губернатор заливается гомерическим хохотом. – Собрат, ты слышишь, как тебя называет твоя оболочка?

Его взгляд вновь устремляется куда-то в меня. Каждый раз, когда он так смотрит, мне делается не по себе.

– Лучше будет называть это симбиозом, – отсмеявшись, продолжает он. – Не знаю, что получает от этого сущность, вселившаяся в тебя, но ты, я уверен, уже получил многое, неподвластное обычному смертному. Да ты и сам это заметил. После твоего визита я проанализировал события, развивающиеся вокруг тебя, и решил, что в твоём существовании может быть смысл. В любом случае, если этот смысл ви-

дит мой брат, то я не буду ему мешать. Но при условии, что ты не будешь мешать мне. А раз уж так вышло, что мы воплотились не только в одно время, но и практически в одном месте, нам, волей-неволей, придется переплестать свои планы, подстраивая их друг под друга. Посмотрим, что из этого выйдет.

– У меня нет больших амбиций, – спешу заверить его. – Спокойная работа в этой мастерской – все что мне надо. Ну разве что еще хотелось бы купить домик, что продается по соседству. Кстати, ты не сможешь с получением кредита?

– Думаю, что такие мелочи, как покупка жилья, скоро не будут тебя волновать. Если я не ошибаюсь, то ты держишь некое приглашение? – губернатор кивает на конверт, который я продолжаю мять в руках. – Я, собственно, и явился сказать, чтобы ты обязательно приехал на открытие. Можешь взять с собой свою рыжую красавицу.

Похоже, он действительно интересовался мной, если знает про Катерину. Интересно, как далеко распространяется его осведомленность?

– Удобное у тебя кресло, – Шалинский ерзает, как бы устраиваясь удобнее, затем встает и, оглядев кресло, спрашивает: – Оно сделано в твоей мастерской?

Киваю. Деревянное кресло, с обтянутыми кожей сиденьем и спинкой, сваял Василич. И именно демонстрация этого кресла помогла получить заказ, над которым мы сейчас работаем.

– Пожалуй, я закажу у тебя мебель для некоторых своих офисов. Завтра же пришлю представителя для составления договора, – губернатор запускает руку во внутренний карман и достает небольшой конверт. – Можешь считать это предоплатой.

Конверт летит на стол, а гость направляется к распахнутым дверцам шкафа. Я продолжаю стоять истуканом, не зная, как реагировать на услышанное.

– Надеюсь, в будущем ты сделаешь более удобный выход, – говорит он, поднимая люк. – Я все-таки не любовница, чтобы появляться из шкафа.

– А я на твои появления и не рассчитывал, – отвечаю, провозжая взглядом фигуру губернатора, скрывающуюся в полу моего шкафа. – Может, проводить?

– Не стоит. До встречи.

– До встречи, – прощаюсь, думая о том, как много вопросов еще хотелось бы задать этому человеку, называющему меня смертным.

И надо же было ему появиться! Ведь так спокойно прошли последние две недели. Теперь вот буду думать, что за паразит во мне поселился. И, помятуя о нашей первой встрече, напрашивается вопрос, чего это вдруг губернатор проникся ко мне таким расположением? В гости зашел, заказом пообещал облагодетельствовать. Приглашение в конверте тоже, наверняка, его инициатива. Хотя некоторые местные «тузы» могут тоже захотеть познакомиться со мной по-

ближе, если прав в своих прогнозах Василий.

И все же не спроста появился Шалинский. Как бы не стать пешкой в чужой игре...

Что-то давненько я в подземелье не спускался. Не пойти ли посмотреть – не изменилось ли чего?

Замкнув дверь, спускаюсь в подвал. Здесь по-прежнему пусто, так и не нашлось применения этим помещениям. Может, когда-нибудь, по примеру губернатора, тоже устрою здесь винный погреб, если, конечно, стану ценителем вин. В подземелье тоже ничего не изменилось. Все те же пять темных зарешеченных проемов и один губернаторский светлый. Однако, несмотря на то, что внешне все осталось в прежнем виде, все-таки чувствуется в подземном зале какое-то непонятное мне изменение. Еще раз внимательно осматриваюсь. Подхожу к каменной столешнице, кладу руку на то место, где обычно появляется книга. Ладонью ощущаю слабое тепло и, вроде бы, легкое покалывание. И все.

Постояв еще некоторое время и так ничего и не поняв, отправляюсь восвояси. Может, все эти ощущения мне только кажутся. А может, это присутствие недавнего гостя что-то изменило в атмосфере подземного зала.

Вернувшись в кабинет, приступаю к изучению полученных конвертов. Первым вскрываю конверт с приглашением. Текст приглашения гласит, что такого-то числа я, Волин Олег Юрьевич, приглашен на открытие Дома Охотника в местное лесничество. Подписано лично главой администра-

ции города и района Елкиным Павлом Сергеевичем. М-да, не слишком ли круто я взлетел? Губернаторы запросто в гости заходят, мэры приглашения на вечеринки присылают... Как бы больно не упасть...

Вскрываю конверт, полученный от губернатора. У-ух ты. Банковская пластиковая карточка и документы к ней на мое имя. Интересно, какая сумма на счету. Шалинский что-то говорил про предоплату за заказ на мебель. Изучив пин-коды и пароли, отправляюсь к ближайшему торговому центру. В нем, как и в любом другом, на первом этаже выстроился целый ряд различных банкоматов. Нахожу нужный мне, вставляю карточку, набираю нужную комбинацию и ... Еще раз – у-ух ты!

***

Катерина, узнав о приглашении, сразу принялась отнекиваться.

– Ты сам подумай, – говорит, глядя на меня широко открытыми глазами. – Что я там буду делать? Как буду общаться с женами местной элиты? Что отвечу, если спросят, чем я занимаюсь? Скажу, что работаю бригадиром штукатуров-маляров?

И тут в моей голове появляется идея.

– Зачем же врать? – обнимаю Катерину за плечи и привлекаю к себе. – Говори правду, что являешься совладелицей и руководителем небольшой, пока небольшой, строительной

фирмы.

Ее недоуменный взгляд заставляет меня улыбнуться.

– С каких это пор я стала совладелицей и руководителем?

– Да только что. Завтра же оформим на тебя документы.

А что? Мне сейчас не до фирмы. Игорь, сама знаешь, зашивается. Да и не тянет он на руководителя, сам недавно мне в этом признался. Тебя рекомендовал. Ну да мы ж с тобой на эту тему уже говорили.

– погоди, – Катерина освобождается из моих объятий. – Мы говорили о том, что я беру на себя общение с клиентами и только.

– Ну, а что еще должен делать руководитель? Найти хорошего клиента и грамотно организовать работу. С обеими задачами ты прекрасно справляешься. К тому же, если не ты, то кто?

– А ты?

– Что я? Я же сказал, что мне не до фирмы. У меня дела в мастерской. Скоро ожидается очень крупный заказ на эксклюзивную мебель, и я сомневаюсь, что у меня будет время даже на то, чтобы интересоваться, как идут дела в бригадах отделочников.

– Хочешь сказать, что и на меня у тебя времени не будет? – рыжая бестия притворно хмурится, уперев руки в бедра и топает ножкой.

– Для тебя я свободен в любое время дня и ночи... когда не занят на работе, – ловко уворачиваюсь от оплеухи и за-

хватываю разбушевавшуюся фурию в объятия.

***

Последующие дни действительно были загружены до предела. Для оформления фирмы я нанял агентство, промышленное подобными делами. Но все равно,, нам с Катериной приходилось постоянно что-то заполнять и подписывать. Если для бывшего частного предприятия не требовалось никакого офиса, то теперь в нем возникла необходимость. Временно было снято небольшое помещение в одном из офис-центров.

Вдобавок к этим заботам губернатор сдержал слово и прислал представителя для заключения контракта на изготовление мебели. Представителем оказалась пухленькая миловидная блондинка, страдающая бесконечным словесным недержанием. Она явилась с целой кипой эскизов, и мне пришлось полдня разбираться в них, выслушивая ее пояснения. Спасла меня от белобрысой тараторки Катерина, приняв на работу дизайнера и подсунув губернаторской представительнице его вместо меня. Та подмены даже и не заметила, по крайней мере, мне так показалось. Светлана, так звали блондинку, появившись следующим утром, увидела дизайнера, сидящего с ее эскизами, присела рядом и продолжила с того, на чем мы с ней прервались вчера. Дизайнер, мужчина лет тридцати, вначале недоуменно слушал, переводя взгляд то на бумаги, то на Светлану, потом, похоже, уловил какую-то ее мысль, зацепился за нее, вставил пару слов, и через несколько ми-

нут они уже вдвоем оживленно обсуждали эскизы так, как будто провели над ними совместно не один час. Я облегченно вздохнул, прервал их ненадолго, представив Василича и объяснив, что к нему следует обращаться по производственным вопросам, и удалился.

Пообщался я на этой неделе и со стариком, продающим соседний участок. Договорились обменять его халупу на однокомнатную квартиру в новой части города, как только он найдет подходящую. Благо, имея банковский счет, предоставленный мне губернатором, я мог позволить гораздо больше.

Доставивший нас автомобиль отъезжает, а мы с Катериной продолжаем стоять, разглядывая так называемый «Дом охотника». Перед нами двухэтажный особняк, рубленный из калиброванных бревен. Мне еще не приходилось видеть таких больших срубов. Но, несмотря на деревянность строения, никакой первобытной стариной от него не веет, слишком все идеально отшлифовано и подогнано. Неестественный блеск говорит о том, что бревна покрыты значительным слоем защитного лака. Сруб стоит на каменном фундаменте, почти двухметровой высоты. К высокому парадному крыльцу ведет березовая аллея. По обе стороны от крыльца располагаются фонтаны. Фантазия скульптора, поработавшего над этими фонтанами, явно не знала границ. По четырем сторонам каждого бассейна сидят чудо-звери – верхняя полови-

на туловища явно медвежья, но ниже плавно переходящая в русалочий хвост. Из страшно оскаленных пастей монстров бьют ввысь струи воды, перекрещивающиеся над центром фонтана.

Из расположенной рядом сторожки выскакивает и спешит к нам навстречу молодой человек в белой рубашке, с дурацкой зеленой бабочкой на шее.

– Здравствуйте. Разрешите взглянуть на ваше приглашение.

Молча протягиваю ему приглашение. Не нравятся мне такие субъекты, с явно холуйским выражением на лице. Нет, к профессиям официантов, горничных, швейцаров и прочих я отношусь нормально. Все мы на кого-то работаем, кому-то служим. Но есть люди с именно холуйской сущностью, независимо от того, кем они работают, слугой ли в хозяйском особняке или замом начальника на производстве.

– Добро пожаловать в «Дом охотника», – склоняется холуй перед нами, изучив приглашение, и делает пригласительный жест рукой в сторону парадного крыльца. – Прошу вас.

Следуем за ним. У крыльца он передает приглашение девушке, наряженной в такую же униформу.

– Дарья проводит вас в ваши апартаменты.

– Добро пожаловать, – улыбается девушка. – Прошу вас.

Поднимаемся вслед за ней по порожкам. Юбки у женского персонала здесь явно коротковаты. Получаю тычок в бок от Катерины и отвожу взгляд в сторону.

Отведенный нам номер находится на втором этаже. Дарья показывает просторную комнату с баром, большим телевизором и роскошными диванами. Затем, поочередно открывая двери, предоставляет нашим взорам спальную с большой французской кроватью, огромную ванную, балкон.

– Ключ от апартаментов в замке, – указывает на ключ, торчащий с внутренней стороны двери, и, сообщив, что мероприятие, посвященное открытию, начинается в двадцать ноль-ноль, удаляется.

– У нас еще два часа свободного времени, – сообщает Катерина, поворачивая ключ вслед за вышедшей девушкой.

– Ты предлагаешь испытать ту большую кровать в соседней комнате?

– Я всегда подозревала, что ты умеешь читать чужие мысли!

***

Полвосьмого вечера, выйдя из номера, замечаем оживление в коридоре. Какие-то люди снуют туда-сюда, заходят в апартаменты или покидают их, здороваются друг с другом, с любопытством посматривают на нас, мол, что это за новые лица в нашей песочнице?. Некоторые из встреченных лиц знакомы по фотографиям в прессе и по передачам местных ТВ-программ. Это директора предприятий, чиновники из администрации и прочая городская элита. Надо же, куда нас занесло.

– В какую сторону нам идти? – интересуется моя спутни-

ца.

– Наверное, туда, куда все, – пытаюсь сообразить я, но тут же понимаю, что сморозил глупость, ибо движение происходит в обоих направлениях.

– Пойдем к лестнице, по которой поднимались, а там разберемся, – берет на себя решение проблемы Катерина.

– Олег Юрьевич! Рад вас приветствовать!

Оборачиваюсь и вижу приближающегося главного милиционера города Шуванова Ивана Степановича. На его лице светится вполне искренняя улыбка. Со стороны, наверное, может показаться, что он встретил старого друга. Улыбаясь в ответ, пожимаю протянутую руку. Кстати, моя улыбка действительно искренняя, ибо я рад встретить хоть какого-то знакомого человека, надеюсь, что он поможет сориентироваться в обстановке.

– Я тоже рад вас видеть, Иван Степанович. Надеюсь, вы подскажете, в каком направлении нам следует двигаться? А то мы здесь первый раз.

– Шутите? – брови Шуванова взметнулись кверху. – Да здесь все первый раз. Сегодня же только открытие.

– Думаю, надо спуститься на первый этаж и там, если не сориентируемся сами, спросить у кого-либо из прислуги, – произносит подошедшая во время нашего приветствия женщина средних лет, одетая в ярко-красное вечернее платье.

– Твоя мудрость, дорогая, не знает границ, – то ли делает комплимент, то ли язвит полковник. – Кстати, знакомьтесь.

Зинаида – моя супруга. Олег Юрьич, э-э-э...

– Просто Олег, – прерываю его, избавляя от определения моего статуса. – А это Катерина, моя будущая супруга.

После того как все друг другу признались, что им якобы очень приятно познакомиться, наша небольшая компания двинулась на первый этаж.

– Олег Юрьич, позвольте поинтересоваться, – спускаясь по порожкам, обращается ко мне Шуванов, – не в ваше ли ведомство так скоропостижно сбежал от нас Суровцев?

Не знаю, какое такое ведомство он имел в виду, но по устремленному на меня Катерининому взгляду я понимаю, что, как только мы с ней останемся наедине, она вытрясет из меня все про это таинственное «ведомство». Однако решаю не разубеждать начальника ГУВД в моей принадлежности к некоему «ведомству».

– Насколько мне известно, Василий решил заняться частным сыском. И, честное слово, я к этому не имею никакого отношения.

– Ну да, ну да, он говорил. Просто как-то так совпало все. Вот я и подумал. Ну да ладно, – он машет рукой. – Не будем о делах. Будем отдыхать.

– Так я тебе и поверила, – вступает в разговор его супруга. – Твой любимый отдых – это разговоры о делах и о политике.

И тут же переключилась на меня.

– Олег, вы тоже служите в силовых структурах?

– Боже меня упаси! С чего вы взяли? Я всего лишь предприниматель и надеюсь, всегда им останусь.

Зинаида, кидая то на меня, то на супруга недоуменный взгляд, уже собралась, вероятно, уточнить, о каком же ведомстве говорил ее благоверный, но в этот момент мы, закончив спуск, входим в распахнутые двери обширного холла, и какая-то невероятно худая блондинка неопределенного возраста набрасывается на наших спутников, отвлекая их от нас.

– Зинаида! Иван! Наконец-то я вас встретила! Я так давно вас не видела...

Мы отходим в сторону и осматриваем помещение. Зал выполнен полностью в деревянном стиле. Пятиметровые деревянные колонны поддерживают деревянные же потолочные балки. С потолка свисают на цепях четыре огромные люстры, выполненные из бронзы. На стенах светильники, имитирующие факелы.

К нам подходит девушка в униформе и предлагает напитки с тележки, подобной той, которую катают перед собой стюардессы. Беру наугад два бокала со светлой жидкостью, передаю один Катерине.

– М-м, вкусно как! – восхищается та, сделав глоток. – Интересно, что это за вино?

В этот момент вдруг ощущаю на себе чей-то пристальный взгляд. Поворачиваю голову вправо и вижу ту, с появления которой в моей мастерской все и началось. На меня смотре-

ла старший пожарный инспектор Никитина Юлия Федоровна. Встретившись со мной взглядом, девушка резко отворачивается и делает вид, будто внимательно слушает своих собеседников. Она находится в компании солидных менов, о чем-то чинно беседующих. Лицо одного мне знакомо, ибо часто видел его по местному ТВ. Это профсоюзный глава металлургического комбината.

– Увидел знакомых? – толкает в бок Катерина.

– Просто видел кое-кого по телевизору.

– Да я тут каждого второго видела либо по телевизору, либо на фото в газетах. Пойдем присядем на тот диванчик, – она показала взглядом на кожаный диван, рядом с большим аквариумом. – Стоим тут, как два истукана.

– Пойдем, – соглашаюсь. – Хоть на рыбок посмотрим, а то, чую, эти холеные рожи нам сегодня еще надоедят.

– Я бы не стала называть этих монстров рыбками, – хихикает Катерина, усаживаясь.

Она права. Рыбешки не на всякую сковородку поместились бы. Да и внешним видом они больше похожи на фантастических кошмарных тварей, нежели на рыб.

– Ой, я, кажется, увидела одну свою хорошую знакомую. Мы не виделись с тех пор, как я ушла из института, – Катерина всматривается в одну из особ, расположившихся женской компанией в противоположном углу зала. – Да она ли это? Неужели она так располнела?

– Подойди поближе, – советую ей.

– Да ладно. Как-то неудобно вклиниваться в компанию. Думаю, еще будет случай. Кстати, – Катерина резко поворачивается и пристально вперивает в меня свой заинтересованный взгляд. – К каким это силовым структурам тебя приписывают?! А ну-ка, объясни подробнее.

– Какие еще нафиг силовые структуры? Просто эта дама думает, что если ее муж мент, значит, и все его знакомые тоже.

– А-а, – протягивает она. – А я уже подумала, что ты у меня какой-то секретный агент. Ой, кажется, Лора тоже меня заметила. Это точно она.

К нам приближается полноватая брюнетка, на лице которой читалось радостное изумление.

– Катенька, ты ли это, дорогая?!

– Лорик, как я рада тебя видеть!

Катерина поднялась навстречу подруге, и они, поприветствовав друг друга легкими поцелуями, отошли в сторонку, наперебой задавая вопросы. Я, судя по всему, надолго остался один. Ну что ж, поскучаем. Устраиваюсь на диване удобнее и, попивая вино, осматриваю помещение. Народ прибывает, собираясь вдоль стен небольшими группами. А вот появилась компания каких-то слишком молодых субъектов, явно не вписывающаяся в остальную публику. Судя по их громкому общению, ребяташки успели качественно принять на грудь.

– Олег Юрьевич.

О-па, не дали поскучать. Передо мной, появившийся невесть откуда, стоит незнакомый мужчина, одетый в строгий черный костюм. Руки его как-то неестественно прижаты к бедрам, будто он привык постоянно стоять по стойке «смирно». На лице не было абсолютно никакого выражения. Я всегда именно такими представлял андроидов, читая фантастические романы.

– Чем обязан? – интересуюсь я и сам удивляюсь несвойственной мне манере речи. «Чем обязан» – так в моем представлении мог сказать только какой-нибудь доисторический интеллигент. Хотя, судя по окружающей меня публике, как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься. То ли еще будет...

– Евгений Савельевич приглашает вас присоединиться к нему.

Надо же, и губернатор здесь. Шарю взглядом по залу, но нигде его не замечаю и вопросительно гляжу на посыльного.

– Я вас провожу, – правильно понимает тот мой взгляд.

– Хорошо, – говорю, поднимаясь и ставя бокал на стоящий рядом столик. – Я только предупрежу свою спутницу.

Предупредив Катерину и поймав на себе заинтересованный взгляд ее собеседницы, следуя за посыльным. Мы направляемся к неприметной двери, находящейся немного в стороне от главного входа, затем поднимаемся по лестнице в пару десятков ступенек и оказываемся перед дверью, по обе стороны которой стоят два дюжих молодца, чье предназна-

чение не вызывает сомнения. О нашем появлении они, судя по всему, предупреждены или просто хорошо знают моего провожатого, ибо молча отступили в стороны. Провожатый распахивает двери и, сделав пригласительный жест, остается стоять рядом с одним из охранников.

Войдя в просторный кабинет, замечаю губернатора, который стоит у панорамного во всю стену окна, открывающего вид в зал. Хм, что-то я не заметил ничего похожего на это окно, находясь в зале. Надо будет осмотреть стену после того, как выйду отсюда. Наверняка там либо огромное зеркало, либо картина.

– Доброго вечера, Олег Юрьич! Рад, что не пренебрег приглашением.

– И тебе добра, Евгений Савельич! Чем обязан персональному вниманию?

Губернатор несколько мгновений смотрит на меня, затем приглашает присесть и сам опускается в кресло перед низким столиком, заставленным различными яствами и напитками. Разливает в высокие бокалы какую-то янтарную жидкость, один ставит передо мной, другой берет в руки и, отхлебнув, снова вперивает в меня свой неприятный до озноба взгляд.

– Сам-то, Олег Юрьич, как думаешь?

– А что я могу думать? – недоуменно пожимаю плечами и тоже беру бокал. М-м, весьма приятная жидкость. – У меня, Евгений Савельевич, просто не хватает фантазии, чтобы

предположить, чем это обычный мелкий частный предприниматель вдруг так заинтересовал главу области. Ну не про заказ же на мебель вы пригласили меня поговорить?

Меж тем за окном в зале началось какое-то оживление. Народ задвигался, сбиваясь в плотную массу. Перед толпой вышел лысый толстячек и что-то заговорил, время от времени поводя вокруг руками. Стараюсь разглядеть в толпе Катерину, но безуспешно.

– Обычный, говоришь? – в голосе губернатора появилось легкое раздражение. – Может, перестанешь изображать ничего не понимающего идиота?

Глава области ставит бокал и, поднявшись, принимается прохаживаться перед стеклом, загрозявая мне обзор.

Ну что ж, перестаю пытаться найти взглядом Катерину и переключаю внимание на губернатора.

– А что вы хотите от меня?! – в моем голосе звучит искреннее возмущение. – Нет, я, конечно, вижу, что со мной, с моим телом что-то произошло. Я стал обладать некими возможностями и способностями, о которых раньше не подозревал и не мог даже представить. Я голову сломал, размышляя над тем, откуда эти возможности и какова будет цена за обладание ими? Затем появляешься ты и заверяешь, что всем этим я обязан какому-то паразиту, вселившемуся в меня. При этом вначале ты гонишь меня, не желая ничего объяснить, затем вдруг привечаешь, опять же нифига не объясняя.

Делаю изрядный глоток вина и продолжаю:

– Я понимаю, что стал вдруг зачем-то тебе нужен. Но сперва объясни подробно, что со мной произошло, затем – что тебе от меня надо.

Губернатор наконец-то сел, и я увидел, что рядом с толстяком уже толкает речь мэр города. Елкин вещает спокойно, с важным видом, сцепив руки на животе и покручивая большими пальцами.

– Ты прав, – после недолгого раздумья говорит Шалинский. – Возникли обстоятельства, требующие объединения наших сил.

– Чьих сил? – перебиваю я.

– Моих и твоих.

– Моих?

– Да! Твоих! О, Создатель! – он с отчаянием откинулся на спинку кресла. – Я разговариваю со смертным, как с равным! Разве мог я такое когда-либо предположить?!

– Ну? Ты продолжишь сетовать на своего создателя или наконец-то объяснишь мне, что происходит?

– Нас семеро, – голос Шалинского зазвучал глухо, располагая к длительному повествованию. – Мы существуем вечно. Во всяком случае, никто из нас не помнит тех времен, когда мы были сотворены Создателем. Один из нас, кстати, тот, который затворился в твоём теле, даже предполагал, что мы являемся частью самого Создателя. Но если мы и знали историю своего происхождения, то многие века, и даже ты-

сячелетия, стерли все подчистую. Поэтому остается довольствоваться пониманием того, что мы есть и что мы вечны. Мы не материальны и поэтому не способны на физические действия. Но мы можем вселяться в тела людей и использовать их возможности. Некоторые из нас даже полагают, что вы, люди, для этого и были созданы.

Губернатор усмехнулся и залпом опорожнил бокал.

– Ага, значит, бог создал людей вам, духам бесплотным, для забавы? А чего же он, такой всемогущий, не создал для вас персональные тела? А?

– Не все так просто... Все еще проще, – Шалинский хохотнул. – Если предположить, что мы и есть Создатель, то, значит, мы такие и появились изначально, и лишь потом создали материальный мир. Ну да ты наверняка в курсе всех этих мифологических историй о сотворении мира.

Во-вторых, все материальное не вечно. Поэтому, если предположить, что изначально у нас были тела, то со временем они изнашивались.

Ну а в-третьих, исходя из первого и из второго, нам естественно пришлось создавать, каким-то образом, новые тела, постоянно их совершенствуя. В конце концов, чтобы снять с себя эту заботу, вам позволено было, а позднее и завещано, воспроизводиться самостоятельно.

Но, повторяюсь, это всего лишь предположения. Которые, кстати, опять же подтверждает ваша мифология вкупе с религиозными учениями и теориями эволюции. Возможно,

кто-то из нас и знает точно, но мы так давно уже не собирались вместе... Я даже не помню, когда встречались хотя бы трое из нас. Ты не можешь даже представить, смертный, какую тоску порой навевает Вечность! Именно эта тоска заставляет впадать в спячку на века, а иногда и на тысячелетия. А когда, проснувшись, бродишь по миру и не находишь ни единого собрата, ибо все находится в том небытие, из которого ты только что вышел, то тобою вновь начинает овладевать тоска. И лишь в надежде, что кто-то еще проснется, ты остаешься в реальном мире, берешь себе материальное тело и развлекаешься примерно так же, как вы, играя в компьютерные игры.

Когда же, наконец, просыпается один из братьев, то оказывается, что ты уже устал или он пытается ввести в игру свои правила, неприемлемые твоими принципами. Наверное, мы постарели, ибо в одиночестве скучаем, а общество себе подобного все чаще раздражает. Иногда возникает противоборство, которое увлекает. Бывает, что в итоге преждевременно гибнут наши физические оболочки, а вселение в новую, достойную, может занять длительное время. Длительное время, конечно же, по вашим, человеческим меркам, но обитая в ваших телах и нам приходится подстраиваться под скоротечность их существования. И поэтому, пока один подбирает новую оболочку и вселяется в нее, второй может прожить человеческую жизнь и, устав, снова впасть в спячку.

– Почему же, – прерываю его повествование, – вы не все- ляетесь в каких-нибудь правителей, президентов или генсе- ков, например? Если ты утверждаешь, что в меня вселился один из твоих собратьев, то какой ему интерес в простом ра- ботяге?

– Возможно, ты не заметил, но хотя бы в рамках этого городишки ты уже не совсем простой работяга. Во всяком случае, те, кто с тобой имел дело последнее время, считают тебя совсем непростым.

Ну что ж, пожалуй, с этим фактом нельзя не согласиться. Хотя я не был уверен, нравится ли мне это. По крайней мере, осознавать то, что во мне поселился какой-то дух, было не совсем комфортно. Пусть этот паразит и не пытается завла- деть моим разумом, но кто знает, что у него на уме...

– Вселиться в готового лидера, – меж тем продолжает Ша- линский, – практически невозможно. Дух лидера так крепко связан с телесной оболочкой, что она погибает сразу же вме- сте с ним. Но не эта главная причина того, что мы не выби- раем лидеров. Гораздо интересней вселиться в тело ничтож- ного раба или бедного пастуха и пройти путь до властелина империи.

– Ага, значит, я ничтожный раб? Просто счастлив осо- знать сей факт. Нет, ну...

– Не торопись, – перебивает меня хозяин кабинета. – Кто ты такой и по какой причине в тебе замкнулся мой собрат, наделяя тебя своей силой, я и сам не могу понять.

Тем временем внизу, похоже, уже окончилась официальная часть, и народ вновь разделился на отдельные группы. Пропуская мимо ушей наскучившее повествование губернатора, я пытался отыскать глазами Катерину.

– Ладно, я вижу, ты не в состоянии воспринимать то, о чем я толкую, – соображает наконец Шалинский. – Давай тогда сразу перейдем к главному. К тому, что заставило меня, кх-м, буду говорить прямо, опуститься до беседы с тобой.

– Ну и? – стараюсь изобразить крайнее нетерпение.

– Ты уже знаешь, что нас семеро, – он вдруг замолкает и снова впивается в меня тем взглядом, которым пронзает при каждой нашей встрече, как бы пытаясь дотянуться и зацепить нечто во мне. И вновь, как обычно, взгляд его потух, в очередной раз осознав тщетность попытки. Губернатор продолжает: – Но иногда, очень редко, настолько редко, что я даже и не помню, когда это было в последний раз, появляется восьмой.

– Интересно, – и в самом деле заинтересовался я. – И откуда ж он появляется? И зачем?

– Не знаю я, откуда он появляется. Я уже говорил, что мы далеко не все знаем, а многое банально забыли. Попробуй проведи в забвенье века, а иногда и десятки веков, много ли вспомнишь, проснувшись. Но есть, скажем так, знания, которые заложены в памяти, как инстинкты у примитивных животных. Но не будем отвлекаться от сути. Не знаю, зачем появляется восьмой, но точно знаю, что нас должно

быть только семеро. И это знает каждый из нас. В том числе и вновь появившийся лишний.

– А иначе будет что?

– Иначе нарушится порядок, установленный Создателем. Чем это грозит, я не могу даже представить. Возможно, наступит то, что вы, люди, именуете Хаосом. Возможно, в этом хаосе сгинет ваш мир. А никто из нас не хочет допускать уничтожение человечества. Пусть ваши тела и далеко не совершенны, но кто знает, удастся ли нам когда-либо создать что-то лучшее.

– Ясно, вам дороги любимые игрушки...

– Можно и так сказать.

– И что нужно сделать, чтобы избежать этого?

– Один из нас должен поглотить другого.

– Не понял...

– Что тут непонятного? – губернатор усмехнулся и снова наполнил свой бокал. – Одна сущность поглощает другую.

– Прямо каннибализм какой-то. И как это происходит?

– Происходит все очень просто. Нет никаких фантастических сцен с героическими битвами на ментальном уровне. Внешне это могло бы выглядеть, как если бы два облака объединились в одно. Но представь, что у каждого облака есть свое сознание, свое я, своя сущность. И сосуществовать вместе они не могут. И потому одна сущность начинает поглощать другую...

– И пожравший приобретает силу сожранного, – предпо-

лагаю я. – Прямо какие-то горцы блин, Мак-Клауды...

– Нет, – поморщившись, прерывает меня Шалинский. – Не приплетай ваши голливудские сказки. К нам неприменимы ваши понятия о силе. Мы не являемся каким-то сгустком энергии, которые порой наделяют разумом фантасты. Мы есть сущность. Сущность мироздания.

– Но, Евгений Савелич, ты же сам сказал, что одна поглощает другую. Разве для того, чтобы сожрать другого, не надо быть сильнее?

– Да пойми ты, здесь имеет место совсем другое понятие силы. Есть сила мироздания. Она разделена на семь сущностей... Или ее составляют семь сущностей... О, Создатель! Как же тебе объяснить?

– А может, не надо пока мне ничего объяснять? А? Не, ну правда. У меня и так мозги уже кипят. Мне, конечно, интересно понять. Но я же понимаю, что не смогу сразу понять то, что, похоже, вы и сами за свою вечную жизнь не поняли. Или забыли. Давай наконец перейдем к делу. Зачем ты позвал меня?

И снова Шалинский буравит меня взглядом, будто пытается подцепить нечто в моих внутренностях.

– Я хочу понять, как ты ... как он, мой собрат, смог закрепиться в тебе. Как ему это удалось?

Опять двадцать пять! Снова он про этого паразита, который якобы сидит во мне.

– Евгений Савелич, но зачем тебе это вдруг понадооби-

лось? Ты же почти с презрением относился к подобной причуде твоего, кх-м, якобы собрата.

– Да потому, – губернатор вдруг наклоняется ко мне, в его глазах явная злость, лицо наливается кровью, вены на висках вспухают, как от натуги. – Потому что он в твоём теле недоступен! Его невозможно поглотить, пожрать, если тебе так более понятно! Я его чувствую, но дотянуться не могу!

– Эй-эй, не надо так нервничать! – я отстраняюсь от этого пышущего злобой существа, встаю и отхожу на пару шагов, прихватив на всякий случай хрустальный графинчик с каким-то напитком. – Я ведь могу не посмотреть, что ты дух бессмертный. Раскрою тебе черепушку вот этой стекляшкой и спишу на состояние аффекта. Ты зачем это хотел достать моего, гим, этого... ну, того, кто внутри? Сам хотел его сожрать? Так это для этого я был тебе нужен? А?

Шалинский тоже поднялся и некоторое время стоял, облокотившись о спинку кресла. Его взгляд по-прежнему сверлил меня. Однако краснота с губернаторского лица постепенно спала, вены сдулись, да и сам он как-то устало обмяк. Затем он снова сел, налил себе янтарной жидкости и залпом осушил бокал. Похоже, и бессмертным не чуждо ничто человеческое. Ему бы ещё нервно закурить, для полного соответствия образу.

– Да, – он заговорил тихим голосом, потерявшим былую властность. – Да. Хотел. Но не получилось. Против восьмого у меня шансов нет. Ни у кого шансов нет. Восьмой все-

гда сильнее. Единственный способ сохранить свою сущность – попытаться поглотить одного из прежних семерых. Здесь хотя бы шансы одинаковые.

– И что было бы, если бы ты пожрал меня... В смысле, того, кто во мне?

– Я остался бы самим собой. Тебя... Его не стало бы. Восьмой стал бы одним из семи.

Бр-р-р, совсем меня запутал этот бессмертный своим бредом. Неужели это все происходит в реале? Бред... Бред... Бред! Все, пора заканчивать! Меня там Катерина ждет, в конце концов.

– Послушай, Савелич. Ничего, что я к тебе так по-простому? В общем, я ничем не могу тебе помочь. Я даже не представляю, чем бы я смог тебе помочь. Ну, обратиться в милицию в конце концов, – и мысленно добавляю: «или в психушку». Но судя по его окаменевшей фигуре, никакой реакции не последовало бы, даже если я сказал бы про психушку вслух.

Стараясь не вывести его из оцепенения, тихонечко направляюсь к дверям.

***

В холле все так же людно, но народ уже предпочитает не стоять, сбившись в группы, а теми же группами расположиться на удобных диванах и креслах. От одной из групп отделяется и идет в моем направлении Катерина. Отмечаю, что сидела она на одном диване с каким-то бородатым типом.

– Тебе не стыдно, а? – негодуя шипит она, щипая меня

за бок. – Бросил бедную женщину одну и испарился невесть куда!

– Во-первых, не одну, ты же была с подругой. А во-вторых, я тебя предупредил, – оправдываюсь, пытаюсь изобразить на своем лице выражение ангельской невинности.

– Ага, предупредил. Ты же не сказал, что уходишь на целый час. Хорошо, что я встретила Лорика, а то торчала бы тут одна, как дура.

– Кстати, – перебиваю ее негодующий шепот и пытаюсь грозно надвинуть брови на глаза. – Когда это твоя Лорик успела отрастить бороду и сменить пол?

Катерина умолкает непонимающе, затем оборачивается в сторону компании, в которой только что находилась.

– А-а, – протягивает она понимающе, и в ее глазах загораются озорные огоньки. – А как ты хотел? Вот еще бы часик где-нибудь прошлялся и ... и ...

– И что? – подстегиваю ее фантазию. – Ну-ну? И что?

– И ничего, – Катерина надувает губки, хмурит брови, пытается изобразить обиженный вид. Но глаза, в которых пляшут озорные бесенята, выдают ее настроение. Наконец она улыбается, хватая меня за руку, прижимается ко мне и говорит с деланным укором в голосе. – Мне, чтобы ты знал, бородатые вообще никогда не нравились. Понял?!

– Понял, да понял я! Да не щипайся ты, а то отдам бородатому! Ой! Да я же пошутил! Ой! На нас уже смотрят!

– И пусть смотрят. Может, я напилась от скуки, пока те-

бя не было? Имеет право пьяная женщина ущипнуть разок своего мужчину? Имеет?!

За спиной слышу приближающийся цокот женских каблучков. Слегка повернув голову, вижу подошедшую Ларису, или как там ее, Лорика.

– А ты, оказывается, садистка, Катенька, – говорит подошедшая томным голосом.

– Ой! – вздрагивает Катерина. – Лорик, нельзя же так подкрадываться!

– Разве я подкрадывалась? – поднимает брови в искреннем удивлении Лорик. – Я тебе кто? Разведчица-диверсантичка какая, чтобы подкрадываться? Просто ты с таким маниакальным усердием щиплешь бедного мужчину, что совершенно не обращаешь внимание на все остальное.

– А может, он заслужил, – стараюсь придать лицу высокомерное выражение, заявляет моя спутница.

Я тем временем рассмотрел подошедшую женщину. Лорик была несколько полновата для того женского идеала, который обычно меня привлекал, однако в ее полноте не было обычной для толстушек рыхлости. И крупная грудь, призывно манящая из глубокого декольте, и приподнятый, как у молодой девчушки, зад скрадывали полноту и придавали фигуре некую вызывающую сексуальность. А гладкая, нетронутая загаром кожа лица, подчеркнутая ярко-красно напыженными губами и обрамленная иссиня-черным каре волос, искрящихся от лака в свете многочисленных светильни-

ков, придавала ей схожесть с персонажами фильмов о колдуньях и вампирах. Такую внешность, кажется, называют готической. Хотя я не видел в ней ничего мрачного или хотя бы несколько серьезного, что должно быть присуще готическому образу. Просто весьма приятная, несколько выпившая женщина, желающая, а скорее, даже требующая, веселых развлечений.

– Может, ты все-таки познакомишь меня со своим мужчиной?

Ага, похоже, и я подвергся тщательному внешнему обследованию.

– Олег. Лариса. – показала нам друг на друга Катерина.

– Очень приятно, – первой произнесла Лорик, протягивая мне руку.

– А как мне-то приятно, – отзываюсь ответным комплиментом, беру ее ладонь в свою и пытаюсь сообразить, что с ней делать, с ладонью, естественно. Поцеловать или просто пожать? После полусекундного раздумья просто накрываю ее своей второй ладонью и склоняю голову в якобы почти-тельном поклоне, сопровождая всю эту процедуру улыбкой. Улыбкой, кстати, искренней. Я всегда улыбаюсь приятным женщинам, улыбаюсь непроизвольно, а потому искренне.

– Эй-эй-эй! – заставляет нас прервать рукопожатие гневный крик Катерины. – И чего это вам обоим так приятно? А?! А я вам не мешаю? Нет, если вдруг мое присутствие вас смущает, то вы скажите, не стесняйтесь!

Вот, блин, женщины. И что ей сказать, чтобы успокоилась? Сказать, что все это простая формальность, обычный обмен любезностями при знакомстве. Так это значит обидеть Ларису. Какой же женщине будет приятно слышать такое?

– Успокойся, Катенька, – тем временем обнимает мою спутницу Лорик. – Ты же знаешь, что мужчины меня не интересуют в том плане, о котором ты тут намекаешь.

Оп-па... Да вы, мадам, оказывается, неправильно ориентированы. Или я что-то не так понял? Но на всякий случай пытаюсь не выражать лицом никаких эмоций.

– Лорик, дорогая, извини, – расслабляется в объятиях подруги Катерина. – Я так давно тебя не видела, что совсем забыла о твоих не совсем традиционных взглядах на жизнь.

В это время атмосфера в зале вдруг резко изменяется, сперва общий гомон резко усиливается, затем так же резко стихает почти до полного безмолвия. Оглядываюсь в поисках причины.

– Губернатор, – шепчет Лариса. – Боже, что это с ним? Похоже, он серьезно заболел.

Следуя ее взгляду, вижу Шалинского, который, судя по всему, вышел из уже знакомой мне двери. Евгений Савелич выглядел еще более бледно, чем в тот момент, когда я его покинул. В этой старчески согбенной фигуре не было ничего общего с тем надменным человеком, смотрящим свысока на всех окружающих, которым я привык его видеть. Сопровождающие его телохранители явно сильно ошарашены

такой переменной в боссе. Они суетятся вокруг него с растерянным видом. Вот с заискивающим видом подбегает, вынырнувший из толпы, мэр. Он что-то говорит, суетливо семеня рядом с Шалинским. Но тот как будто не замечает ничего вокруг, продолжает двигаться к выходу. В конце концов, один из телохранителей довольно бесцеремонно отодвигает назойливого Елкина. Процессия покидает зал, который тут же взрывается многоголосым гомоном. Всех интересует один вопрос – что с губернатором? И насколько это «что» серьезно. Вокруг возникает какая-то движуха – компании перемещаются, делятся, сливаются и вновь распадаются, обмениваясь членами. Все пытаются получить друг у друга хоть какую-то информацию. В зал возвращается Елкин, проходит к середине и поднимает руку, требуя внимания.

– Господа! – хлопает он в ладоши, привлекая внимание тех, кто еще его не заметил. – Господа! К сожалению, Евгений Савельич вынужден нас покинуть из-за, кх-м, из-за легкого недомогания. Уверяю вас, что ничего серьезного, угрожающего здоровью нашего губернатора нет. Ему уже оказывается необходимая медицинская помощь. А так как из-за этого, кх-м, недомогания выступление Евгения Савельича отменяется, то официальную часть можно считать закрытой. Развлекайтесь, господа!

М-да... Эти господа и не подозревают, что я здесь единственный, кто хоть что-то знает о настоящей причине губернаторского недомогания. Интересно, если бы я вдруг пове-

дал публике об этой причине, меня сразу отправили бы в психушку или оставили бы до конца мероприятия в качестве клоуна, на которого можно хохоча показывать пальцем?

***

– Олег Юрьич, – ко мне подходит невесть откуда появившийся Шуванов в компании с широко шагающим малорослым господином, чье лицо мне смутно знакомо. – Вы случайно не знаете, что за недуг подкосил нашего губернатора?

Шуванов секунду заинтересованно смотрит на меня, затем, как бы вспомнив о своем спутнике, говорит:

– Кстати, знакомтесь. Бельц Терем Яковлевич. Олег Юрьич Волин.

Я тут же вспоминаю главного пожарного и его массивную секретаршу. Мы вежливо киваем друг другу.

– Терем Яковлевич является главнокомандующим нашими районными силами МЧС, – шутливо отрекомендовал его полковник.

Обо мне никаких особых представлений не следуют. То ли Терем Яковлевич уже знает все, что ему мог поведать Шуванов. То ли просто полковник не знает, как меня представить поподробней, ибо действительно не знает, считая меня какой-то крупной фигурой.

Еще раз киваю Бельцу, слегка растянув губы в якобы улыбке, пытаюсь изобразить на лице признаки почтения. Вот, блин, какой однако круг знакомств у меня в последнее время. Прокурор города, главный мент, главный эмчэсо-

вещ... Хм, как-то не тянет эта пухленькая фигурка на главного спасателя, пусть и городского масштаба. Интересно, с кем из главных я познакомлюсь в следующий раз?

Чтобы хоть что-то сказать, возвращаюсь к вопросу, который Шуванов задал изначально:

– Позвольте, Иван Степанович, с чего вы взяли, будто я могу быть в курсе губернаторских проблем со здоровьем?

– Просто я случайно заметил, что вы общались с его секретарем, вот и подумал, что может... Значит, не знаете. Похоже, никто не знает.

– Даже удивительно, – подал голос Бельц. – Евгений Савелич всегда был образцом здоровья.

– Может, отравился чем, – вставляю для поддержания разговора.

– Боже упаси, – восклицает Лора. Они с Катериной временно притихли за моей спиной, не вмешиваясь в мужской разговор. Но мое предположение почему-то задело брюнетку.

Я отступаю в сторону, ибо неудобно стоять к дамам спиной, тем самым приглашая их в круг общения.

– Все продукты высшего качества и первой свежести, – заявляет Лариса, возмущенно подняв бровки.

Ага, значит, она имеет непосредственное отношение к снабжению продовольствием этого заведения. Или вообще, является хозяйкой этого охотничьего, кх-м, домика.

– Возможно, он отравился до прибытия сюда, – пытаюсь

неуклюже оправдать свою версию. – Да и вообще, я просто предположил. Мало ли.

– Так! – вмешивается, прервав мои оправдания, Катерина. – У нас здесь что, вечер, посвященный обсуждению здоровья губернатора?

– Очаровательная Катерина совершенно права, – поддерживает ее Шуванов. – Да и нам с Теремом Яковличем пора отыскать своих дам. Ты их не видишь, Яковлич? А то не миновать нам с тобой нагоняя.

Пообещав встретиться с нами на поляне, полковник с пожарным удаляются.

– О какой поляне он говорил? – переводит взгляд то на меня, то на Лору Катерина.

– Так вы еще не были во внутреннем дворе? – удивленно восклицает Лора. – Так пойдете же.

Жестом хозяйки она приглашает нас следовать за собой и направляется к большим стеклянным дверям в противоположной стене. Дверной проем настолько огромен, что в него свободно мог бы въехать приличный грузовик. Вместе с нами к этому выходу уже двигались большинство собравшихся.

Размеры так называемой поляны поражают воображение. Нам открывается ярко освещенное идеально ровное поле, покрытое аккуратно подстриженной зеленой травой, изрезанное тропинками из тротуарной плитки и запятнанное многочисленными островками из той же плитки, на которых

под различной формы навесами установлены тоже различных форм и дизайнов столы, кресла, шезлонги, скамейки. По краям площадок и вдоль тропинок расположены фонари причудливых форм, наверняка работы того же дизайнера, что и чудо-звери, изрыгающие фонтаны у парадного крыльца. Здесь тоже есть четыре небольших фонтана. Но они без всяких причуд – просто классические пирамиды водяных струй в центре небольших бассейнов. А вот в противоположном конце поля – язык не поворачивается назвать поляной – сияет голубыми бликами большой плавательный бассейн. Однако либо вечер прохладен, либо выпито недостаточно, но ни в бассейне, ни поблизости от него никого нет. Да, собственно, принимая во внимания те обезображенные сытой и беззаботной жизнью формы тел основной массы собравшихся здесь персон, видеть их в купальных прикидах нет никакого желания.

Народ растекается ручейками по тропинкам к столикам, на которых уже выставлены различные напитки и подносы с закусками. То тут, то там застыли неподвижными столбиками официанты с перекинутыми через локоть белоснежными полотенцами, готовые по первому зову сорваться с места.

– Здорово! – восхищается Катерина, обводя взглядом все это великолепие. – Ой, какая приятная травка! Так и хочется скинуть туфли и босиком.

– И что тебя сдерживает, подруга? – Лора, подавая пример, приподнимает одну ногу, снимает с нее туфельку. За-

тем, уперев запяточником в пальцы босой ноги, сдирает вторую. На лице женщины отображается то наслаждение, которое испытывают ее ноги, освободившись от высоких каблучков. Катерина, радостно пискнув, тут же следует ее примеру, и пока она с блаженным видом топчет траву, Лора дает какие-то указания служащему, оказавшемуся поблизости. Как только он удаляется, обращается к нам эдаким командирским тоном: – За мной!

Мы шагаем напрямик, игнорируя тропинки, обходим только фонтаны и беседки со столами. Нас обгоняет электро-мобиль, типа тех, на которых принято ездить по полю для гольфа, только с небольшим кузовком. Он останавливается под раскидистым дубом, единственным деревом на всей так называемой поляне. Двое служащих выгружают шезлонги, прямо на траву выбрасываются какие-то подушки, из отдельных долек собирают на траве большой пластиковый круг, в центр которого втыкают такой же большой раскладной зонт. Интересно, зачем ночью солнцезащитный зонт? Хотя догадываюсь, вероятно, для того, чтобы с ветвей дуба на головы не опорожнилась какая-нибудь птичка. Подъезжает еще один кар. Извлеченная из него круглая скатерть застилает пластиковую полянку. На скатерть тут же выставляются блюда со снедью и графины и кувшины с напитками. Все делается так оперативно, будто персонал оттачивал покрытие подобных полян годами, причем на время и даже ночью по тревоге. Когда мы подошли, под дубом уже не было ни одной

души из персонала. Лора тут же плюхнулась на одну из подушек, подложила под локоть другую и полулежа царственным жестом пригласила нас занимать понравившиеся места. Катерина сгребла сразу три подушки и некоторое время пыталась разместиться сразу на всех. В конце концов, поняла, что не может растянуться более чем на две, отпихнула третью в сторону.

Я уселся в шезлонг, но как-то неудобно было сидеть так высоко над столом и расположившимися рядом женщинами. Пришлось сползти на одну из подушек.

От вида столь разнообразного и аппетитно выглядящего стола рот наполняется слюной и желудок начинает тихонечко бурчать в сладостном предчувствии. Решив не заморачиваться этикетом, подвигаю поближе блюдо с какой-то румяно зажаренной птахой и с сочным хрустом отламываю от тушки булдыжку.

– Ой, и мне, и мне тоже, – громко шепчет Катерина, заморожено глядя на румяную булдыжку голодным взглядом. – Ой, нет, мне лучше крылышко! Ой, не надо, наверное, я же вся заляпаюсь...

Замечаю, что с булдыжки, которая застыла вместе с моей рукой, пока я пытаюсь разобраться в конечном желании Катерины, капают на скатерть жирные капли.

Лора достает из одной из корзин большое белоснежное полотенце и небрежно кидает его моей спутнице.

– Ой, Лорик, спасибо! – благодарит та и, повернувшись ко

мне: – Ну давай же мне крылышко!

– Чревоугодие – грех, – сообщаю, безжалостно отламывая крыло вместе с половиной грудки.

Некоторое время мы с Катериной, старательно работая челюстями, дегустируем все, до чего можем дотянуться не вставая с подушек. Лора с явным удовольствием наблюдает за нами, не спеша пощипывая крупный виноград.

Взяв с очередного блюда какой-то маленький зажаренный окорочок, напоминающий лягушачью лапку, смачно перекусываю его пополам, смакуя вытекший из раздробленной косточки нежный сок. Отяжелевшее от принятой пищи тело требует более комфортного положения, и я, придвинув еще одну подушку, тоже принимаю полулежачее положение. Прямо как древние римляне, блин, во время своих пиров. Надеюсь, оргии не предвидится. Кстати, а чем занимаются остальные? Оглядываюсь вокруг.

Веселье идет полным ходом. Подобных нашей «полян» больше нет, но практически под каждым навесом собралась довольно большая компания. То там, то здесь слышатся смех и громкие голоса, произносящие тосты. Ощущаю на себе чей-то уже знакомый взгляд. Резко поворачиваю голову влево. Ага, Юлия Федоровна Никитина так же резко отводит взгляд в сторону, заметно краснея. А где же ее шеф? Терема Яковлевича нахожу совершенно в другой стороне. Он пирует в компании Скобина, Шуванова, их супруг и еще нескольких столь же солидных особ, включая и ту худющую блондинку,

которая набросилась на пару Шувановых, когда мы в самом начале вечера спустились из номеров в зал. Она сидит рядом с Бельцем, что-то вещая ему на ухо, одновременно подкладывая в его тарелку нечто из большого блюда. Вероятно, это его жена. Какой поразительный контраст с секретаршей. Вспоминаю монументальную Зинаиду, и мои плечи невольно передергиваются.

– Олег, вам прохладно? – интересуется Лора, заметив движение моих плеч.

– Вот только не надо предлагать согреть, – шутя предупреждает Катерина, пока я, дожевывая то, что напоминало лягушачью лапку, соображаю, как объяснить ситуацию.

– Ништяк поляна! – вдруг слышу из-за спины чей-то пьяный голос и понимаю, что уже некоторое время сзади раздаётся приближающийся гомон, не вяжущийся с окружающей обстановкой.

– Уверен, господин не будет против, если мы поможем ему развлечь дам.

Хохоча, на разложенные вокруг подушки начинают падать пьяные субъекты. Узнаю ту компанию, которую заметил перед тем, как меня пригласили к губернатору. Холеный юнец, чем-то похожий внешностью на одну из наших низкорослых поп-звезд, подтолкнул ногой поближе к столу подушку, бросил на нее вторую и подпрыгнул, намереваясь приземлиться задом на мягкое ложе. Однако слишком уж близко ко мне он устроил свое сидение, чтобы я мог удержаться от соблазна.

Первой мыслью было подставить ему вместо подушек бутылочку вина... Но присутствие женщин, да и остальной приличной публики, удержало меня от этого шага, и парень избежал приземления на стеклянную клизму. Он приземлился просто на землю, смягченную лишь газонной травой, ибо подушки я все же сдвинул в сторону, как бы ненароком зацепив ногой. В следующую секунду я уже жалел о своем опрометчивом шаге. Ну откуда мне было знать, что удар задницей о землю может лишить человека сознания... Трое приятелей незадачливого прыгуна в растерянности молчали, не зная, как реагировать на произошедшее.

– Упс. Бедненький, промахнулся, – констатировала случившийся факт Катерина. – Наверное, ему нужна медицинская помощь?

Голос Катерины вывел из оцепенения друзей пострадавшего, и они хором загомонили.

– Чего это было?

– П-петрович, т-ты чего это?

– Зачем он так?

Эти короткие фразы полностью истощили риторические способности подвыпивших приятелей, и они вновь замолчали, вероятно, аккумулируя новые мыслеобразы, способные впоследствии воплотиться в звуковые колебания. Судя по всему, лидером этой четверки был этот самый Петрович, ставший жертвой своей наглости и моего неосторожного движения. Хотя моего-то участия в его каскадерском трю-

ке, похоже, никто не заметил. Ну и хорошо. Ведь я не хотел, чтобы вот так все получилось.

На вид спокойно лежащему Петровичу было лет восемнадцать-двадцать, явно недостаточно для того, чтобы называться по отчеству. Остальная троица больше напоминала быковатых прихлебаев, которых обычно таскают с собой для солидности молодые богатенькие буратины. Как позже подтвердила Лора, мое предположение оказалось верным. Двое из них, судя по абсолютной схожести, были близнецы-братья. Их низкие лбы, выпученные глаза и картофелеподобные носы придавали лицам схожесть с мультяшным Шреком. Фигурами они также напоминали этого героя. Если братьям для своей комплекции, скорее всего, пришлось изрядно потрудиться челюстями, перемалывая неизвестное, но наверняка немалое, количество калорийной пищи, то мускулистая фигура их третьего друга несомненно являлась результатом ежедневной многочасовой работы с тяжестями в спортзале.

Меж тем, единственным человеком, предпринимавшим какие-то действия, была Лора. Она отправила куда-то одного из obsługi, и теперь что-то говорила в телефонную трубку, с тревогой глядя на жертву алкогольной неводержанности.

Мускулистый член троицы наконец сообразил переместиться к пострадавшему. Он пару раз осторожно толкнул лопатообразной ладонью тщедушное тельце и изрек требовательно: – Эй! – после чего вновь замолчал, сосредоточив-

шись на какой-то мысли.

– Хо-о, Петровича срубил очередной стакан?

К нам подошли еще двое. Судя по их уверенному, даже несколько высокомерному, виду, не соответствующему физическому развитию тел, они были ровней Петровичу.

– А кричал, всех перепьет, перепел!

Один из близнецов попытался объяснить ситуацию:

– Да он это... ни это...

– Это не это, – передразнил его один из вновь прибывших, пухленький блондинчик с женоподобным личиком. Он плюхнулся на подушки, сыгравшие роковую шутку с его товарищем, и, махнув в сторону стола повелительным жестом, произнес требовательно, обращаясь неизвестно к кому. – Наливай!

И тут я совершил вторую за этот вечер глупость. Заметив, что Лора закончила разговаривать по телефону, я обратился к ней с вопросом.

– Это что за клоуны? – спрашиваю, не понижая голоса, надеясь, что незваные гости заняты своим общением и не услышат мой вопрос.

Но я ошибся. Все пятеро тут же повернули головы в мою сторону.

– Не по-онял?! – первым произнес качок. Надо же, как быстро работает его мозг в определенных случаях.

– Я извиняюсь, дядя, – подошел ко мне второй из вновь прибывших, так и не успевший присесть горбоносый очка-

рик, похожий на Дрона из отечественного мультфильма. (Да что ж у меня сегодня все с мультяшными героями ассоциируются?) – Как я понял, это вы о нас отозвались столь пренебрежительно?

– А?! – поддержал вопрос товарища блондинчик.

– Э-э... – в унисон многозначительно выдали близнецы-братья.

Пять пар пьяных глаз смотрели на меня в предвкушении развлечения, которое хоть как-то скрасит эту скучную вечеринку.

Не зная, как им ответить, решаю просто проигнорировать и вновь обращаюсь к Лоре.

– Так кто эти... кх-м... люди?

Та, видя назревающий конфликт, пытается перевести разговор в другое русло.

– Мальчики, мальчики, а не пора ли наполнить бокалы?

– Мину-уточку, – поднимает раскрытую ладонь в сторону Лоры горбоносый. – Лариса Сергеевна, кажется?

Он поправляет очки указательным пальцем, затем поднимает этот палец вверх и продолжает:

– Мы не для того почтили своим посещением вашу провинциальную дыру, чтобы нас здесь безнаказанно оскорбляли. Это ваше упущение, что вы не удосужились донести до человека, – следует небрежный кивок в мою сторону, – кто мы, и что мы. Посему настоятельно рекомендую вам и вашей очаровательной подруге отправиться погулять, пока мы по-

толкуем с дядечкой. А через некоторое время мы будем рады разделить с вами наш скромный стол.

И он по-хозяйски указал на накрытую для нас поляну. Затем обратился уже к своим товарищам:

– Я правильно изложил суть нашей коллективной мысли?!

Товарищи энергично закивали, замычали, задакали.

Вот, блин, чахлый очкарик дает! Потолковать он со мной собирается. Его ж, как говорится, соплей перешибить можно, а он прет так, будто представляет себя как минимум танком. Ну да, конечно же, надеется на своих здоровых дружков. Или еще на кого? На крутого папашу? Да кто они такие, в конце-то концов?

– Да кто это такие?! – в третий раз восклицаю я, отправляя в рот очередную мини-булдыжку, что так напоминает лягушачью лапку. Вкусная вещь, однако. Неужели и правда лягушка? Если так, то у французов губа не дура...

– Олежек, – Катерина крепко сжимает мне локоть. – Прекрати...

– Погодите, Олег, – не глядя на меня, отмахивается от моего вопроса Лора. Ее лицо покрывается красными пятнами, в глазах, гневно взирающих на наглого очкарика, холодная решимость.

– Молодой человек, – судя по дрожащему голосу, Лоре с трудом удастся говорить спокойно. – Вас в нашу, как вы выразились, дыру никто не приглашал. То, что ваш отец занимает какой-то пост в каком-то министерстве, не дает вам

здесь никаких привилегий. Возможно, в столице вы и позволяете себе подобные выходки, хотя я в этом очень сомневаюсь, но здесь вам придется вести себя прилично. В противном случае охрана непременно объяснит вам, кто вы есть на самом деле.

Все пятеро, офигев от услышанного, застыли с открытыми ртами. Я тоже перестал жевать и поудобнее устроился на подушках, с интересом наблюдая за Лорой. Катерина, продолжая сжимать мой локоть, тоже с удивлением смотрит на подругу. Безучастным оставался лишь горемыка Петрович, прикорнувший у моих ног.

– А сейчас, – меж тем продолжает разгневанная Лора, – вы встанете и удалитесь в поисках более достойного ваших персон места. Благо выбор большой. И я вас очень попрошу сделать это без промедлений!

Последнее слово прозвучало как команда. Братья-щреки и их мускулистый товарищ тут же подскочили, повинуясь властному голосу. Блондинчик же остался на подушках, вопросительно взирая на горбоносого. Тот несколько секунд переваривал услышанное, затем вдруг мило улыбнулся., прижав руки ладонями к впалой груди.

– Дорогая Лариса Сергеевна, – голос его звучал теперь заискивающе. – Умоляю, извините дурака. Перебрал малость спиртного, у вас такие замечательные коктейли, вот и не ведаю, что несу. Мы немедленно удалимся, только, еще раз умоляю, простите за бестактность.

Он махнул рукой товарищам, призывая следовать за ним. Близнецы остановились над все еще не пришедшим в себя Петровичем и, глядя на него, произнесли уже знакомое: – Э-э...

– О своем странном товарище можете не беспокоиться, – заверила их Лора. – Сейчас его осмотрит врач и, если будет необходимо, окажет ему медицинскую помощь.

– В таком случае мы удаляемся. Еще раз извините, – церемонно поклонился Лоре горбоносый. После чего он повернулся ко мне и, прищурив правый глаз, многообещающе покачал головой. А может, мне просто показалось.

– Кто это такие? – повторила мой вопрос Катерина, когда пьяная компания удалилась вслед за своим предводителем.

Но вопросу в очередной раз суждено было остаться без ответа, ибо в это время к нам подошел какой-то лысый господин с серебристым чемоданчиком в руках.

– Кому здесь понадобилась помощь? – обратился он к Лоре. – Надеюсь не вам, Лариса Сергеевна?

– Нет, Виталий Георгиевич, со мной пока все в порядке. Осмотрите, пожалуйста, вот этого молодого человека. Возможно, он просто пьян, но прежде чем потерять сознание, он... Как бы это объяснить-то... В общем, он упал задом об землю.

– Откуда упал? – изумленно произнес доктор и посмотрел на нависавшие над нами ветви могучего дуба.

– Нет-нет, что вы, – прочитала его мысли Лора. – Он про-

сто упал. Ниоткуда.

Пока доктор осматривал незадачливого прыгуна, я огляделся вокруг. Веселье в остальных местах гигантской поляны продолжалось. Никому не было дела до нас.

– Думаю, что у молодого человека легкое сотрясение мозга, – произнес доктор.

– Неужели у него там находится мозг? – не удержался я.

Женщины сдержанно хохотнули, а доктор глянул на меня непонимающе, но решил не заострять внимание на моей реплике. Подошедший дюжий молодец из obsługi погрузил начавшего приходить в себя и что-то бормочущего прыгуна в электрокар, и мы снова остались втроем.

– Ты наконец объяснишь, что здесь происходило? – вновь требовательно обратилась к подруге Катерина.

– Ой, – махнула рукой Лора. – Эти... не знаю, как их обозвать, с утра тут куролесят, москвичи недоделанные.

– Да кто они такие?

– Брат пригласил на открытие своего друга, замминистра из какого-то министерства. Тот приехать не смог, зато прислал вместо себя свое чадо со товарищами, мол, пусть посмотрит на жизнь провинции, в которой прошла молодость отца. Да ну их, – Лора снова махнула рукой.

– А кто твой брат? – не унималась Катерина.

– Как кто? – удивилась Лора. – Павел Елкин, наш мэр.

– Да ты что?! – встрепенулась на подушках Катерина. – Но ты же не Елкина?

– Милочка, если ты забыла, то, когда мы с тобой познакомились, я уже успела побывать замужем. После развода оставила фамилию мужа. Фамилия Прохорова мне как-то больше нравится, нежели Елкина. Слушай, ты не хочешь... – Лора что-то зашептала Катерине на ухо.

– Ага, – кивнула та согласно и поднялась, опершись о мое плечо, попутно шепнув, что они скоро придут и поцеловав в щеку.

Ну вот, только что вокруг было прямо излишне много суеты, а теперь я остался один. Как-то даже неуютно. Вокруг, кстати, тоже произошли какие-то изменения. Не слышно смеха и громких голосов. Доносится лишь какой-то тревожный и сдержанный говор. Через поляну в сторону здания стремительно шагает Елкин, на ходу разговаривая по телефону. Явно что-то произошло. Интересно что? Ищу глазами знакомых. Они почему-то вышли из-за стола и что-то обсуждают стоя. Шуванов, встретившись со мной взглядом, делает приглашающий жест рукой.

– Что-то произошло? – интересуюсь, подойдя к компании местных силовиков и законников, и пытаюсь придать лицу встревоженное выражение.

– Представляете, Олег, – прижимает руки к груди супруга Шуванова. – Машина губернатора попала в аварию.

– Надеюсь, с Евгением Савеличем все в порядке?

– К сожалению, нет, – отвечает вместо Зинаиды Бельц. –

Евгений Савельевич в тяжелом состоянии. В данный момент он находится в реанимационной машине.

– Уверен, с ним все будет хорошо, – искренне заверил я, ибо действительно был уверен в регенеративных способностях тела губернатора.

– Дай-то бог, – тихо произнесла худая блондинка, стоящая рядом с Бельцем.

– А почему вы покинули свой стол? – обращаюсь ко всем сразу. – Собираетесь уходить?

– Действительно, чего это мы? – пожимает плечами Скобин. Он единственный в компании не имеет пары. Так неожиданно овдовев, прокурор не спешит связывать судьбу с другой женщиной.

– Как-то так машинально получилось, – вставил слово Шуванов. – Пойдемте же за стол. Олег, присоединяйтесь к нам. Где, кстати, ваша очаровательная спутница?

– Да, – поддержала мужа Зинаида. – Куда вы дели Катерину?

– Ее куда-то увела Лариса, – пожимаю плечами, глядя в ту сторону, куда удалились Лора с Катериной. Пора бы им уже и вернуться.

– Вы не боитесь оставлять Катерину с этой Прохоровой? – подмигнул, вероятно, намекая на Лорину ориентацию, Шуванов и тут же ойкнул, получив тычок локтем в бок от Зинаиды. – Молчу, дорогая, молчу.

– Мы вернемся сегодня за стол или так и будем стоять?! –

сглаживая бестактность мужа, воскликнула Зинаида и, взяв его под локоть одной рукой и меня под локоть другой, повлекла к столу.

Полчаса прошли за ничего не значащими бестолковыми разговорами. Есть больше не хотелось. Машинально, следуя произносимым тостам, опрокинул в себя несколько стопок. Внутри нарастало беспокойство. В очередной раз оглянувшись, увидел на террасе Лору. Она разговаривала с тем бородачом, с которым на одном диване сидела Катерина, когда я вышел от губернатора.

– Извините, – говорю что-то вещающей мне Зинаиде, поднимаюсь и иду к террасе.

– Олег, – Лора смотрит на меня, высоко подняв брови. – Как вы можете ссориться в такой момент?!

– С кем ссориться? – я совершенно сбит с толку. – В какой момент?

– Брату только что позвонили... Губернатор скончался не приходя в сознание, – выдала Лора шаблонную фразу.

Вот те раз... Это как же так? Он решил сменить тело? Или его пожрал тот самый восьмой? Или все это бред, а мне действительно пора в психушку?

– Вот те раз, – говорю на этот раз вслух. – Как же так?

– Вот так. Пути господни неисповедимы, – снова шаблонно отвечает Лора.

Бородатый после моего появления молча уходит, и мы остаемся вдвоем. Губернатор губернатором, свято место пу-

сто не бывает, а я спешил сюда по другому вопросу.

– А куда же вы дели Катерину, Лариса?

– Я-а? Дела Катерину? – Лорины брови вновь ползут вверх в искреннем удивлении. – Лучше скажите, что у вас с ней произошло? Почему она пришла ко мне сама не своя? Я никогда не видела ее такой.

– Я не понимаю, о чем вы? Я не видел Катерину с того момента, как вы вместе куда-то ушли.

– Вы действительно не видели Катерину? – в глазах Лоры вижу искреннее изумление, и от этого тревога внутри меня усиливается.

Из дальнейшего рассказа Лоры узнаю, что, как только женщины посетили дамскую комнату, Ларисе позвонил брат и попросил зайти к нему, он как раз получил известие о случившейся аварии. Катерина же отправилась ко мне. Однако, выйдя от брата, Лора вновь встретила Катерину. Та выглядела как-то неестественно, лицо было очень бледным, взгляд отрешенным. На вопрос, что случилось и не требуется ли помощь врача, Катерина ответила, мол, все в порядке, но ей нужно срочно уехать.

– Вы поссорились с Олегом? – предположила Лора.

– Да, – односложно ответила подруга. – Помогите мне уехать!

После только что полученного известия о тяжелой аварии с участием губернаторской машины Лоре было не до чьих-то семейных разборок. Решив, что Катерина не маленькая и

сама знает, что делает, она вызвала своего шофера и наказала ему отвезти подругу, куда она скажет.

– Так что же с ней произошло? – обратилась ко мне Лора, закончив рассказывать.

Я лишь молча пожимаю плечами, набирая номер Катериного телефона. Бесплезно – вызов идет, но никто не отвечает. В голове ни единого предположения. Только вопросы. Чтобы узнать ответы, необходимо найти Катерину. Но куда она уехала? Впрочем, это можно выяснить у водителя, когда он вернется. С этой просьбой я и обратился к Лоре.

– Зачем же ждать? Я прямо сейчас ему и позвоню. Может, Катя еще в машине, – Лора приложила телефон к уху. – Але, Геннадий, ты сейчас где находишься? Уже отвез? А адрес, адрес запомнил?

Слышу название микрорайона, где проживаю, и номер моего дома. Значит, приехала домой. Уже хорошо. Но что же все-таки случилось?

***

Я Восьмой.

Я пришел в мир, как приходили и до меня.

Я пришел с пониманием своей миссии. Миссии судьбы.

Мир семизначен. И в моей воле внести в него восьмой элемент, вызвав новый порядок, именуемый Хаосом.

Несколько веков, на которые делится время в Мире, я изучал суть мироздания, вникая в ее порядок.

Я знаю, что некогда семь сущностей создали Мир для физического воплощения, позволив ему развиваться самостоятельно. Основное предназначение этого мира заключается в том, чтобы предоставлять сущностям физические оболочки, позволяющие овладевать новыми возможностями, связанными с физическими ощущениями.

Мне пока неизвестно физическое состояние, но я знаю, что с появлением этого мира каждая проявившаяся сущность стремится воплотиться в физическую оболочку и крайне неохотно расстается с ней, всячески стараясь продлить недолговечный жизненный цикл полученного тела. Хорошо ли это? Нужен ли такой мир? Чтобы получить ответы, мне нужно воплотиться в физическое тело. Однако лишь семерым дана такая возможность, ибо семеро создавали этот мир, создав его семизначным. Поэтому для воплощения в физическое состояние мне необходимо стать одним из семи, поглотив одного из них. Но, став одним из семи, я перестану быть Судьей, ибо перестану быть Восьмым. Размышляя над этой проблемой, я провел в созерцании Мира еще несколько веков и пришел к решению, что судить то, что не в состоянии понять, нельзя. Поэтому я принял решение воплотиться и, познав физическое состояние, донести мнение о его целесообразности следующему Восьмому, чье появление неизбежно.

В данный момент в физическом мире проявлены две сущности из семи. Одну из них мне предстояло поглотить, по-

лучив ее знания о физическом существовании. И я проявился, дав им понять о появлении Восьмого, и ощутил панический страх, вызванный моим появлением, у одной сущности и спокойное равнодушие другой. Та сущность, что излучала страх, сделала несколько попыток поглотить другую, чтобы остаться целой самой, сохранив семизначный порядок. Попытки оказались безрезультатными. Более того, подвергшаяся нападению сущность никак на них не реагировала, будто ничего не замечала. Изучив ее более внимательно, я сделал удивительное открытие, не поддающееся объяснению. Сущность, вселившись в оболочку, не овладела ею, что, в моем разумении, не поддавалось логическому объяснению. К тому же, вселившись и позволив оболочке продолжить самостоятельное существование, сущность наделила ее своей силой, сделав практически равной любому другому из семи, находящемуся в физическом состоянии. При всей нелогичности подобного существования, самостоятельная оболочка, судя по неудачным попыткам поглощения этой сущности другой, способна была дать защиту вселившемуся в нее.

И я сделал выбор.

***

Легкий ветерок посеребрил рябью водную гладь, растрепав края оранжевой дорожки, тянущейся от показавшегося из-за противоположного берега солнечного диска. В ветвях плакучей ивы запричитала какая-то ранняя птица. На бе-

рег, приминая прибрежные водоросли и не сводя с меня любопытных глаз, медленно выползает огромная буро-зеленая лягушка. Ее осторожные движения чем-то напоминают движения кошки, охотящейся за воробьем и готовой в любой момент к решающему прыжку. Лягушка тоже готова прыгнуть, но вовсе не для того, чтобы настигнуть жертву, а чтобы самой не оказаться оной. Интересно, что движет ею, что заставляет выползать из воды рядом с моими ногами? Может, у них, у лягушек, тоже есть своего рода экстремальные способы проведения досуга, а эта лягушка принадлежит к числу любителей впрыснуть в кровь изрядную порцию адреналина?

Стараюсь не шевелиться, чтобы не спугнуть уже полностью выползшую из воды зеленую принцессу. Воображение дорисовывает маленькую корону между ее выпуклых глаз, и я непроизвольно улыбаюсь. Будто уловив мою улыбку, лягушка издает негромкий низкий урчащий звук. Ее глаза, наполовину прикрывшись прозрачными веками, приобретают хитроватое выражение.

От долгого сидения затекают ноги. Выпрямляю их поочередно, спугнув лягушку. Взвившись в воздухе, та звонко плюхается в озеро и торпедой уходит в камыши. Всплеск воды возвращает меня к реальности, и мысли вновь начинают беспорядочно кружиться в поисках выхода из сложившейся ситуации. Впервые в жизни испытываю то чувство, которое принято называть «безнадегой». Неужели я действительно

потерял Катерину?! Нет, это не укладывается в моей голове! Зачем мне нужны все эти сверхспособности, если я ничего не могу сделать?! Зачем мне нужен этот зверь внутри? Зачем?! Зачем?! Зачем?!

***

Когда приехал домой, было уже за полночь. Еще с улицы обратил внимание на отсутствие света в моих окнах. Катерина, естественно, уже спит. Но что же заставило ее уехать так неожиданно? Сейчас все и узнаю. Если спит, разбужу и не отступлюсь, пока все не расскажет.

Однако Катерина не спала. Зайдя в квартиру, сразу заметил ее, неподвижно стоящую на балконе. Опершись обеими руками на балконные перила, она смотрела куда-то в ночь. На мое появление никак не отреагировала – ничего не сказала, даже не обернулась.

И тут, вопреки моей воле, во мне зашевелился Зверь. Зверь не проявлял агрессии, не рвался в бой, а лишь настороженно заворчал, как бы предупреждая о чем-то. В квартире явно присутствовал кто-то посторонний. Настороженно оглядываюсь, пытаюсь разобраться в происходящем внутри себя...

– Приветствую тебя, смертный, который был избран одним из нас! – произносит вдруг Катерина, резко повернувшись в мою сторону.

– Катерина, что произошло? – спрашиваю ошеломленно, но в душе уже зарождается смутное понимание... Понима-

ние непоправимости произошедшего.

– Ты правильно все понял, смертный, – губы Катерины слегка растягиваются в подобии улыбки.

– Но почему?!

– Не знаю, – Катерина проходит в комнату какой-то неестественной, не свойственной ей походкой и, усевшись на диван, повторяет: – Не знаю. Так я решил. Полагаю, находясь в этом теле, мне надо говорить – решила. Таково было мое решение. Мой собрат, не желающий отзываться, заперся в твоём теле. Я выбрал тело твоей подруги, чтобы быть к нему ближе...

– К кому ближе, урод?! – я готов был разорвать эту высокомерную сволочь, но... Но передо мной было тело Катерины...

– Ну-ну, не сдерживай себя, – улыбка Катерины стала еще шире, грудь призывно подалась вперед. – Прежде чем проявиться, я долгое время наблюдал... кх-м, наблюдала за самостоятельной жизнью оболочек, и теперь мне просто не терпится испытать все физические ощущения.

– Что стало с Катериной?! – я стоял перед этим существом, сходя с ума от бессилия.

– Забудь о ней. Зачем тебе эта смертная сущность? – Катерина... вернее, ее тело, движимое чужим разумом, вновь вольготно откинулось на спинку дивана. – Теперь я – Катерина. И поверь, с моей помощью это тело получит гораздо больше, чем даже твое. Разумеется, если собрат не захочет

стать полноправным хозяином облюбованной им оболочки.

– Что стало с Катериной? – настойчиво повторяю свой вопрос, продолжая стоять напротив существа.

– Ее просто не стало, если тебе это так интересно. Ее разум, как вы именуете смертное подобие сущности, был лишь временным хранителем оболочки, как, собственно, и разум любой другой оболочки, в том числе и твой. Я забрал предназначенную мне оболочку, в итоге несовершенное подобие сущности погибло, ибо не способно существовать без физического тела, несмотря на уверения всех ваших религиозных течений.

Тело Катерины поднялось и встало передо мной. В его движениях не было ничего знакомого, и если бы не полное внешнее сходство...

– Ты, смертный, получил уникальную возможность остаться живым, совместив свою оболочку с одним из семерых. И я хочу разобраться, в чем причина подобного нестандартного действия моего собрата. Поглотив и познав одну из предшествующих сущностей, я узнал, что брат не идет на контакт, запершись в твоём теле. Однако тело не вечно, и однажды ему придется его покинуть. Жаль, что в физическом состоянии течение времени воспринимается столь медленно. Но я дождусь, ибо мне некуда спешить. Я Новый, впереди у меня вечность. А пока я с удовольствием отдамся наслаждению физическими ощущениями.

Ну почему эта тварь не вселилась в другое тело?! С каким

бы удовольствием я сейчас позволил ему испытать всю гамму физических ощущений! Если бы не тело Катерины...

– Я прошу тебя, – пересилив себя, делаю отчаянную попытку, – переселись в кого-нибудь другого. Верни мне Катерину!

– О-хо-хо, смертный, – лицо Катерины исказилось в саркастической ухмылке. – Еще изучая этот мир, я поражаюсь способностью оболочек непонятным образом привязываться друг к другу. И это при вашем-то избытии себе подобных! Поистине, первые семеро создали непредсказуемый и загадочный мир. Если ты не способен просто понять, то смирись. Катерина теперь я.

– Ты не Катерина, – говорю тихо, еле сдерживаю рвущуюся наружу ненависть. – И никогда ею не станешь. И я сделаю все возможное, чтобы достать тебя из ее тела и уничтожить. Ты пожалеешь, что явился в этот мир!

Тело Катерины содрогнулось в приступе смеха.

– Ты все больше веселишь меня, смертный. Теперь я понимаю решение наделить оболочки подобием разума. Если бы вы были тупыми и бессловесными – этот мир был бы скучен, и его существование не имело бы смысла. Ха-ха, ты грозишься уничтожить одного из семи. А знаешь ли ты, смертный, что я пришел в этот мир с миссией, последствия которой сравнимы с последствиями уничтожения седьмого? Да, мир семизначен, и любое отклонение от этого числа разрушит его, вызвав то, что у вас принято именовать Апока-

липсисом или Судным Днем. Ты желаешь взять на себя роль Судьи? – глаза Катерины вопросительно уставились на меня.

Я отошел и обессилено опустился в кресло.

– Что ж, – продолжает говорить ее голос. – Возможно, в этом и есть решение проблемы судейства. Восьмой не может судить, ибо не познал физический мир. Став же одним из семи, он уже не способен внести восьмой элемент. А что если решение проблемы не во внесении восьмого элемента, а в сокращении до шести? Но тут возникает другой вопрос, может ли один из семи поглотить другого без проявления Восьмого?

Я не мог больше слушать этот бред. Поднявшись из кресла, выбежал из квартиры и, игнорируя лифт, бегом спустился с десятого этажа. Ночная прохлада слегка охладила мое разгоряченное лицо, и я, подставив его легкому ветерку, двинулся в ночь. Я шел, машинально выбирая направление. Шел, кляня этот мир, кляня эти якобы создавшие его сущности. Шел, пытаясь достучаться до того, кто якобы находился внутри меня самого. Но он как обычно не отзывался, ставя под сомнение само свое существование.

***

Не помню, каким образом оказался в мастерских и спустился в подземелье. Но вот я стою перед висящей на цепях каменной плитой. Зачем я сюда пришел? В надежде получить хоть какие-то ответы?

Оглядываюсь вокруг. Проем, ведущий в губернаторский

особняк, открыт. Направляюсь в него и, пройдя путь, останавливаюсь перед гранитным тупиком. Плита, закрывающая проем, остается неподвижна. Возвращаюсь назад и зачем-то вжимаю в стену выдвинутый камень. Проем с легким скрежетом перекрывают металлические штыри, и он мгновенно заполняется непроницаемым мраком. Я так и не выяснил, из чего состоит эта тьма. Но губернатора уже нет, а общаться с сущностью, поглотившей его, я не могу, и вряд ли когда смогу.

Однако подземелье действует на меня умиротворяюще, и я выхожу из него уже не разрываемый злобой и яростью. Покинув мастерские, бесцельно продолжаю куда-то идти. Через пару часов выхожу за пределы городской черты и по какой-то грунтовой дороге, петляющей вдоль берега небольшой речушки, попадаю к озеру. Некоторое время смотрю на неподвижно зеркальную гладь спящего водоема. Это зрелище еще более умиротворяет, и я опускаюсь на прибрежную траву.

В моем воображении возникает образ Катерины, ее зеленые глаза, ее рыжие локоны, чувственные губы. Словно наяву слышу ее задорный смех. Вспоминаю столь милое выражение ее спящего личика, когда заявился среди ночи в свою квартиру, в которой тогда только начался ремонт. Вспоминаю тот вечер

, который мы провели с ней в ресторане у Гарика. Вспоминаю...

Горизонт за противоположным берегом начинает алеть
утренней зарей...

Часть – 2

Паразит

– Але. Олежек, здравствуй!

Лорин звонок отвлекает меня от созерцания заката. Люблю стоя на балконе наблюдать, как солнечный диск опускается за крыши домов, протягивая в редкие промежутки между зданиями последние лучики.

– Привет, – отвечаю на приветствие и, вспомнив, что Лора уезжала во Францию и, вероятно, только недавно вернулась, спрашиваю: – Как путешествие? Как Париж? Эйфелева башня на месте?

– Франция чудесна, Эйфелева башня на том же месте. Подробно расскажу при завтрашней встрече.

– А мы завтра встретимся?

– Обязательно, Олежек. Отгадай, по какому поводу?

С детства не нравилось, когда меня называли Олежек, однако из Лориных уст этот вариант моего имени воспринимается мною вполне нормально.

– Ты соскучилась по общению со мной? – выдвигаю первую пришедшую в голову версию.

– Ну-у, это само собой, – протягивает Лора. – Но есть и еще повод. Завтра пять лет со дня открытия «Дома Охотника». Кстати, значит, и пять лет нашему знакомству. Вот ви-

дишь, сразу два повода для встречи.

– М-да, – тихо произношу в трубку. В моей памяти всплывают события того злосчастливого дня. – И пять лет, как нет Катерины ... в моей жизни.

– Ну, Олежек, давай не будем о грустном. У Катерины, кстати, дела идут как по маслу.

– Ну-ну...

– Вот не надо этого твоего «ну-ну», – требовательно звучит в трубке голос Лоры. – Все, до завтра. Не грусти, Олежек. Пока.

– Пока, – отвечаю в плачущую короткими гудками трубку.

***

Пять лет прошло с того дня. Пять лет... А по свершенным делам – будто бы целая жизнь прошла. И в то же время, эти пять лет пронеслись как один год.

Странная штука – время. Если вспоминать все события по одному, то время растягивается подобно обрезку резинового жгута в руках, и кажется – череда событий бесконечна. Но вот воспоминания упираются в сегодняшний день, и жгут, натянутый до предела, вырывается и сокращается до короткого отрезка, на одном конце событие, с которого начинаются воспоминания, на другом – сегодняшний день. И теперь уже кажется – промелькнуло время единым мигом,

сжав в себе все произошедшее, как вырвавшийся из растягивающих его рук резиновый жгут.

Вот и прошедшие пять лет, подобно резиновому жгуту времени, одновременно и бесконечно долги, и невероятно коротки. Неужели пять лет прошло? Сколько же всего изменилось.

Я теперь генеральный директор ООО «Симбиоз». Почему такое название – не знаю. Просто пришло в голову и все. Моя фирма выросла в самый крупный в городе строительный трест, руководит которым мой давний друг Володька. Загом у него Павел, закончивший заочно строительный институт. Столярная мастерская выросла на один этаж вверх и приобрела известность далеко за пределами области. Богатых клиентов, желающих приобрести эксклюзивную мебель, гораздо больше, нежели может себе позволить мастерская. Однако хороших мастеров найти трудно, а те, что уже работают в мастерской, не успевают справляться с сыпавшимися на них заказами. Я и сам люблю в свободные часы поработать с деревом, но такое в последнее время случается крайне редко. И вовсе не потому, что приходится заниматься какими-то деловыми вопросами, с этим успешно справляется Игорь, так и оставшийся моим незаменимым замом, а потому что, войдя в круг городской элиты, стал обязан посещать, участвовать, присутствовать и тому подобное. Все-таки, как же хорошо было владеть всего лишь маленькой строительной фирмочкой, будучи одним из многих незаметных мел-

ких предпринимателей...

Через полгода после трагической гибели Шалинского его место занял Павел Сергеевич Елкин, сменив на губернаторском посту временно исполняющего. На свое же место главы районной администрации он настоятельно рекомендовал народу избрать директора местной кондитерской фабрики Слободкина Тимофея Игнатьевича, который недавно был благополучно избран уже на второй срок. Как мэр Слободкин был, что называется, ни рыба – ни мясо, но неукоснительно следовал всем инструкциям и руководствам из области, чем и устраивал Елкина.

Сестра Павла Сергеевича Лариса Сергеевна Прохорова занимала должность зама главы администрации по социальным вопросам, что позволяло ей держать в своих руках значительную часть рычагов управления городом и районом. В чем, несомненно, сказывалась и поддержка братца-губернатора. Со дня нашего с ней знакомства мы стали довольно близкими друзьями. И отчасти именно благодаря ее содействию мои дела двигались вперед, не упираясь ни в какие бюрократические препоны. Да и с первоначальными заказами на продукцию мебельной мастерской я тоже был обязан ей. Хотя первым крупным клиентом был почивший Шалинский.

Суровцев таки открыл частное сыскное агентство, но наш городок оказался слишком беден на интересные детективные дела, и Василий укатил со своей фирмой в областной

центр. Временами, приезжая навестить родителей, он навещался и ко мне. Рассказывал всякие захватывающие истории о своей деятельности. Судя по его довольному и холеному виду, дела у сыщика шли неплохо и были наверняка высокооплачиваемые. Не просто ж так он каждый раз приезжал на новой дорогой иномарке.

Да много чего произошло за эти пять лет, всего сразу и не вспомнишь. Я, кстати, уже два года как женат. Светлана – отличная женщина, добрая, понимающая, готовит очень вкусный борщ и затейлива в сексе. Ну, а что еще мне надо ... чтобы забыть Катерину? Правда, мы уже неделю как в ссоре. Поссорились первый раз за все время совместного проживания, из-за какого-то пустяка, но очень серьезно. Мне даже пришлось уйти из дома. Возможно, я бы и вернулся в тот же день, но, зайдя в офис и наводя, для успокоения нервов, порядок в ящиках своего стола, наткнулся на ключи от моей старенькой однокомнатной квартиры, которая так и пустовала после переезда в дом.

С Катериной, вернее, с тем существом, которое теперь было Катериной, я больше не общался. В тот день, как я узнал позже, она уехала к Лоре и, сославшись на то, что мы поссорились, попросилась пожить некоторое время у нее. Вскоре на какой-то вечеринке она познакомилась с неким другом Елкина, занимающим немалый пост в областной администрации. Через несколько дней Катерина укатила к нему в область. Время от времени Лора сообщала мне о новых про-

движениях Катерины. То Катерина стала лидером областного отделения «Партии Большинства», то заняла какой-то пост в администрации, а через год и вовсе укатила в столицу, после чего сведения о ней стали крайне редки и туманны. Говорят, последний год она мелькала по центральным каналам телевидения в известиях, связанных со столичной мэрией. Не скажу, что оставался абсолютно равнодушен к этим сведениям. Если бы не Катерина, то, возможно, я бы следил за продвижением этого существа с большим интересом. Однако с годами, как говорится, боль утраты притупилась, и новые известия уже не вызывали во мне того раздражения, какое бывало в первые пару лет. Я уже не пылал жадной мести и не ломал голову в раздумьях над планами осуществления возмездия.

К мысли, что во мне поселилось нечто, наделяющее меня многими удивительными способностями, свойственными лишь героям фэнтезийных романов, я привык настолько, что попросту не думал об этом, принимая все, как должное. Лишь один Игорь знал о некоторых из моих способностях, например о способности видеть в полной темноте не хуже, чем при ярком освещении, знал о том, что я могу обходиться без сна и практически не испытываю усталости. Да я и сам, если честно, не все знал о новых возможностях своего организма, поначалу частенько размышлял об этом, потом свыкся, да и мирские заботы и проблемы особо не оставляли времени для раздумий. И вот что я особо ценил в Игоре, так

это его уникальную способность не задавать ненужных вопросов. Хотя это на первый взгляд ну никак не вязалось с его вроде бы разбитным характером, однако парень знал место и время шуткам и вопросам. К деловым вопросам он подходил вполне серьезно, с умеренной, что тоже ценно, инициативой. Незаменимых помощников принято сравнивать с правой рукой, так вот Игорь и был моей правой рукой в полном смысле этой аллегории.

– Я на солнышке лежу, – вдруг заскрежетало с балкона этажом ниже. – Я на солнышко гляжу...

Подо мной живет одинокая пожилая женщина. Она практически глухая. Кое-как слышит только с помощью слухового аппарата. И при этом соседка просто обожает петь. Возможно, ей кажется, что поет она неплохо, ибо сама-то не слышит своего голоса. На самом же деле ее голос напоминал скрежет давно заржавевших дверных, нет, даже не дверных, воротных петель.

– Все лежу, и лежу, и на сол-ныш-ко гляжу, – продолжала скрипеть соседка, отпугивая мои воспоминания. – Баду-баду-баду-баду.

А в окнах дома напротив уже действительно отражается утреннее солнышко. Так и простоял я от заката до рассвета на балконе, ввергнутый в раздумье звонком Лоры.

Ну что ж, вперед под холодный душ. Потом хлебну кофейку, заем бутербродом, сварганенным из чего-нибудь найден-

ного в холодильнике, и в офис.

Под офис фирмы было выкуплено и отреставрировано одно старое здание в центре города. Однако мой личный офис по-прежнему находится в мастерской. Правда, кабинет, в котором устроен шкаф с потайным люком, был переоборудован в комнату отдыха, где я мог и заночевать при случае. Теперь к нему были дополнительно пристроены более просторный мой личный кабинет и основная приемная для посетителей. В приемной постоянно трудилась дизайнер, она же офис-менеджер, она же моя жена Светлана. Она, по сути, заведовала всеми делами и заказами, и я подумывал о том, чтобы как-то оформить ее статус официально, назначить ее в чин директора или заведующей. Последнюю неделю она старательно не обращает на меня внимания, а если и приходится обращаться по каким-либо производственным вопросам, то делает это сухим, официальным тоном. Ну да, как говорится, перемелется. Лишь бы не в труху... Так же в приемной находились столы мастеров, для работы с клиентами, чьи заказы они выполняли.

О подземелье кроме меня по-прежнему знали только четверо – Игорь, Павел, Василич и его внук Артем. Причем Василич и Артем знали только о подвале. А о самом подземелье они и не подозревали. За пять лет мы так и не придумали, под что использовать подвал, очень уж неудобным был спуск в него, да и нужды в нем не было, а потому он остался пустым. В само подземелье я изредка, примерно раз в ме-

сяц, наведывался проверить, не произошли ли какие перемены. Однако все оставалось по-прежнему, все шесть арок оставались непроницаемо-черными. Эх, не успел я расспросить Шалинского о том, как этими арками-порталами пользоваться. Как-то же он открыл тот проход к своему дому? И почему к этому, новому, не открывается дорога? Он сам не желает ее открыть? Но я-то тоже ничего не открывал, а Шалинский как-то прошел в тот раз в мастерские... М-да, загадок не убавилось. Но обращаться за разгадками к новому не хочется.

Ловлю себя на мысли о том, что думаю о новом в мужском роде, несмотря на то, что он уже пять лет находится в женском теле. В теле Катерины...

***

«Дом Охотника» хоть и потерял свой первоначальный лоск, но вместе с тем приобрел какую-то солидность, присущую обжитым зданиям. Как снаружи, так и внутри все оставалось без изменения. Та же березовая аллея, ведущая к высокому парадному крыльцу, те же фонтаны с диковинными монстрами, те же служащие в бело-зеленой униформе.

Осмотрев отведенные мне апартаменты и полистав каналы телевизора, решаю спуститься вниз, в надежде встретить кого-нибудь знакомого. Все наверняка будут парами, а меня вот угораздило поссориться с супругой. Ну да ничего, в

этот раз здесь будут присутствовать гораздо больше близких мне людей, нежели пять лет назад. Игорь и его новая пассия приехали вместе со мной и сейчас наверняка проверяют прочность кровати в собственных апартаментах. Должны были уже подъехать Володька и Павел с супругами. С представителями городской элиты я за прошедшее время так и не сошелся, несмотря на частое и обязательное присутствие на различных городских мероприятиях. Единственным, с кем у меня состоялись более-менее приятельские отношения, был начальник ГУВД полковник Шуванов. Первое время после нашего знакомства я думал, что его назойливое расположение ко мне есть не что иное, как желание разведать подробнее – что же я такое есть. Однако впоследствии я убедился, что это обычная манера общения Ивана Степановича абсолютно со всеми. А вот с его другом, Геннадием Дмитриевичем Скобиным, отношения были довольно сухие. И даже, как мне иногда казалось, встречи со мной доставляли прокурору некий дискомфорт. Да и немудрено, если вспомнить все обстоятельства нашего с ним знакомства.

Пока замыкал свою дверь, открылась соседняя, и из нее вышла стройная блондинка, разговаривающая по телефону. Ба-а! Сколько ж мы не виделись, Юлия Федоровна? Непроизвольно улыбаюсь ей. Она вежливо улыбается в ответ, еле заметно кивает, продолжая что-то говорить в трубку, прижатую плечом к уху, ибо руки были заняты поисками чего-то в маленькой коричневой сумочке. И вдруг Юлия замолкает на

полуслове, переводя взгляд из недр сумочки на меня. Ага, не иначе вспомнила. М-да, наше далекое знакомство нельзя назвать приятным. Но я не испытывал к Никитиной ни малейшей неприязни, а уж у нее-то и вовсе не было никакого повода.

– Добрый вечер, Юлия Федоровна. Рад вас видеть, – странно, но я почему-то действительно рад ее видеть.

– Извини, я перезвоню позже, – говорит она в трубку, после чего отвечает на мое приветствие: – Добрый вечер, Олег...э-э..

Юлия пытается вспомнить мое отчество.

– Просто Олег, – спешно прерываю ее раздумья. – Не люблю, когда красивые женщины называют меня по отчеству.

С интересом отмечаю появившийся румянец на ее щеках. Никитина явно чувствует себя неловко, ее пальцы смущенно теребят бирку с номером апартаментов, на которой висит ключ.

– Значит, мы соседи, – говорю лишь бы что сказать.

– Значит, соседи, – подтверждает Юлия и наконец-то замыкает свою дверь.

Странно, я почему-то думал, что моими соседями будут представители моей фирмы. Хотя не обязательно же, чтобы мой номер был среди их, возможно, и номера моих товарищей располагались сразу слева от моего.

– Если вы вниз, с удовольствием составлю вам компанию, – обращаюсь к соседке.

– Вниз, – она как-то неопределенно пожимает плечами, вероятно, показывая тем самым, что ей все равно, составлю я ей компанию или нет.

– Юлия Федоровна, вы одна приехали на это мероприятие? – спрашиваю через несколько шагов.

– Знаете, я попрошу вас тоже не называть меня по отчеству. И почему вас интересует, одна я или нет? Или это просто вопрос для поддержания разговора?

– Ну что вы, Юлия, мне действительно это интересно. Я здесь один, вы, надеюсь, тоже одна, наши номера рядом. Вы верите в судьбу? – и я вопросительно уставился на Юлию.

Та внимательно посмотрела на меня, пытаясь сообразить, шучу ли я или говорю серьезно. Я же в свою очередь попытался сделать как можно более серьезное и честное лицо.

– А вы не думаете, что я одна потому, что так хочу? Вот хочу я быть одна, и все.

– Ага, так вы все-таки одна. Значит, это действительно судьба, – и нагло подставляю ей локоть.

Юлия машинально берет меня под руку, тут же дергается было назад, но я уже накрываю ее маленькую кисть правой ладонью. Пальчики под моей ладонью напряглись, острые ногти буквально впились в кожу моей руки, но тут же расслабились, кончики пальцев равнодушно отстранились. Ага, типа смирилась перед грубой мужской силой? А от чего же тогда такая обжигающе горячая ладонь? Интересно, почему она одна? Такая женщина по определению не может

находиться в одиночестве, независимо от ее желания.

Навстречу нам почти бегом вверх по лестнице скачет довольно солидная дама весьма внушительных размеров. Одной рукой она придерживает подол длинного вечернего платья, задирая его почти до колен, чтобы не мешал скакать через ступеньку, другой держит пышную прическу, не давая ей растрепаться. Хотя лестница достаточно широка, но я все же слегка подаюсь в сторону, прижимаясь к своей спутнице, мало ли... Так скакать, при такой комплекции... Вы когда-нибудь видели горного бегемота, прыгающего по скалам? Вот и я до того момента не видел. Дама уже почти проскочила мимо, но в последний момент ее взгляд зацепился за Юлию. Она резко затормозила, сделав шаг назад на ступеньку ниже, и, обойдя меня словно какой-то неодушевленный предмет, чмокнула девушку в щеку.

– Здравствуй, Юленька! – проговорила она, задыхаясь, и, отстранив Юленьку в сторону так, что мне пришлось произвольно отступить тоже, иначе она просто свалила бы нас с ног, продолжила свое стремительное восхождение со словами: – Извини, я там забыла...

Что она где-то там забыла, мы уже не услышали.

– Здра..., – начала было отвечать на неожиданное приветствие Никитина, но замолчала на полуслове, ибо приветствовать уже было некого.

– Что это было? – интересуюсь изумленно.

– Ксения Павловна, – отвечает Юлия без лишних поясне-

ний.

– Ясно, – киваю, все еще глядя вслед пронесшейся стихии.

Мы еще пару секунд продолжаем стоять тесно прижавшись друг к другу, и я своим предплечьем ощущаю горячую женскую грудь, вздымающуюся в такт дыхания.

– Мы так и будем здесь стоять? – произносит Юлия, резко отстранившись.

Хотел было ответить что-то типа того, что готов так стоять сколь угодно долго, но не успел потому, что заметил, как Юлия, взглянув вверх, подняла изумленно брови. О боже! Самка горного бегемота снова неслась на нас! Только теперь она прыгала сразу через две ступеньки, и ее спуск был аналогичен горному обвалу, сметающему все на своем пути. Я прижимаю свою спутницу к перилам, пытаюсь закрыть ее собой, хотя и понимаю, что если мы попадем под этот катаклизм, то в наших телах вряд ли останется хоть одна целая косточка.

– Ключи-то у мужа, – извиняющимся тоном бросила в Юлину сторону стремительная Ксения Павловна, проносясь мимо нас.

– Однако здесь небезопасно, – говорю, с неохотой отстраняясь от Юлии.

– Ксения Павловна очень хороший и добрый человек, – зачем-то сообщает она мне, вероятно, пытаясь сгладить полученное впечатление.

Нить завязавшегося было разговора оборвана, и далее мы

спускаемся молча. Уже когда свернули к выходу в зал, нам навстречу вновь выпорхнула Ксения Павловна.

– Вот, – показала она ключ от апартаментов и пронеслась мимо, обдав нас смешанным запахом дорогих духов и потного тела. Дай-то бог, чтобы ей никто не попался на пути.

В зале тоже ничего не изменилось – то же деревянное зодчество с бронзовой бижутерией люстр и светильников, выполненных в стиле старинных канделябров, факелов и масляных фонарей. Здесь нам с Юлией приходится расстаться, ибо ей призывно замахали из компании незнакомых мне людей, а я заметил Володьку и Павла со своими супругами, Анжеликой и Светланой.

– Спасибо за компанию, – говорит, убирая руку с моего локтя, Юлия и двигается к зовущей ее компании.

– Надеюсь, наше общение сегодня еще продолжится, – с сожалением отвечаю ей и направляюсь к своим друзьям, ловя спиной заинтересованные взгляды и обдумывая причину своего сожаления. Неужели вот так вот все просто в моем отношении к супруге? Пусть я женился без особой любви, просто на удобной женщине, но... Но мы ведь прожили два года, и неплохо прожили...

Но что за беспокойство вдруг окатило меня неприятным холодком? Нечто знакомое, но давно не испытываемое заворочалось во мне...

– Олег Юрьевич, – до боли знакомый голос заставил меня вздрогнуть. – Вы не составите нам компанию?

Я оборачиваюсь и вижу Катерину... Она сидит на диване, на том самом диване, у того самого большого аквариума... Завороженно смотрю на нее, не в силах отвести взгляда. Она стала еще красивее. Да, именно красивее, не милее. Красивее какой-то холодной отталкивающей красотой, подобно Хозяйке Медной Горы из сказки Бажова. Осознав это, успокоившись и переведя дыхание, оцениваю Катерину более осмысленным взглядом. Да, это не та женщина, которую я любил пять лет назад. Это лишь ее оболочка, вместившая в себя некое фантастическое существо. И внешность ее стала какая-то более модельной, что ли. Безукоризненно белый брючный костюм с двумя огромными черными пуговицами на пиджаке, наверняка сделанными из чего-то драгоценного, черная же блузка и черная лента, небрежно вплетенная в огненно-рыжие волосы, собранные в хвост. Сразу бросилось в глаза полное отсутствие каких-либо украшений, кроме разве что пуговиц. На Катерине не было ни перстней, ни брошек, ни цепочек, ни какой-либо другой драгоценной мишуры, обязательной в облике современной женщины. Не было даже сережек в ушах.

Рядом с Катериной сидит абсолютно лысый здоровяк. Судя по фигуре, он, скорее всего, бывший спортсмен, успевший, однако, отрастить солидное брюшко, служащее теперь подставкой для могучих кистей рук, кои покоятся на нем, переплетая пальцы. Сейчас он смотрит на меня из-под кустистых черных бровей оценивающим взглядом. Интересно, кто

это? Телохранитель или бойфренд?

– Здравствуй, Олег, – Катерина закинула ногу на ногу и обхватила коленку ладошками. – Надеюсь, тебе хватило времени, чтобы остыть от тех эмоций, которые переполняли тебя во время нашей последней встречи?

Что я мог ответить этому существу? Ее появление действительно не вызвало у меня ожидаемого всплеска эмоций.

– Тебе что-то от меня понадобилось? – спокойно спросил я и все же присел в кресло напротив. – Или вновь появился очередной Восьмой, и ты, как твой предшественник, ищешь спасения?

Катерина рассмеялась, а здоровяк окинул нас непонимающим взглядом.

– Нет, Олег, твое предположение неверно. Восьмые, хвала Создателю, не появляются так часто. Можешь быть спокоен, при твоей жизни такая радость больше не случится, даже если ты ухитришься прожить десять человеческих жизней.

– В таком случае, что тебе от меня надо? – холодно спросил я и заметил, что взгляд Катерины устремился на кого-то, приближающегося за моей спиной.

Я почувствовал запах знакомых духов, и влажные женские губы чмокнули меня в правую щеку.

– Олежек, – Лора шагнула от меня к Катерине, тоже чмокнула в щечку и, взяв ее ладошки в свои, села рядом. – Катерина, я так рада, что вы, наконец, встретились.

Опачки. Можно подумать, она не приложила к этому ру-

ку. Нет, ну я понимаю, что Лора так и не смогла найти общего языка со Светланой, чем-то они оказались антипатичны друг другу. Но все же, радоваться встрече женатого мужчины с какой-то своей бывшей, и наверняка, ожидая чего-то от этой встречи... М-да, одно слово – женщины.

Лора переводила счастливый взгляд то на меня, то на Катерину, потом вдруг заметила лысого, сидевшего на одном с ней диване, только по другую сторону от Катерины.

– Ой, извините, – она мило улыбнулась ему. – Мы не знакомы...

– Лариса Сергеевна. Руслан Маратович, – коротко представила их Катерина, не заостряя внимания на подробности.

– Рад знакомству, – лысый привстал, галантно поклонился и поцеловал протянутую Лорой руку. Джентльмен, мля...

Несмотря на то, что мой вопрос Катерине остался без ответа, я обрадовался присутствию Лоры. Мне необходимо было переварить появление человека (человека ли?), оставившего в моей жизни, пожалуй, даже не след, а борозду, да, именно борозду. Лорино щебетание давало мне возможность обдумать ситуацию. Понятно, что существу, именуемому ныне Катериной, что-то от меня понадобилось. Что? В любом случае, надо постараться воздерживаться от проявления излишних эмоций и не спешить с выводами и принятием каких-либо решений. Еще я понял одну важную для себя вещь, что уже не испытываю той ненависти к сущности, или как там его назвать, вселившейся в Катерину. Мне даже

стало как-то неприятно осознавать, что я смирился с потерей некогда любимой женщины. Было такое чувство, будто совершил предательство...

Меж тем Лора подозвала одного из служащих и, отойдя с ним, дала несколько коротких распоряжений. После чего вернулась к нам, как бы непроизвольно сев на диван со стороны здоровяка. Положив руку ему на колено, принялась что-то увлеченно рассказывать, поводя второй рукой по сторонам. Вот те на. Неужели Лорик решила соблазнить этого лысого хрена? А как же ее нетрадиционная ориентация? Или на нее так повлияла поездка во Францию?

Лысый кивал Лоре, и, судя по его улыбке, ему льстило ее внимание. Катерина, глядя на них, чему-то тоже улыбалась, но, так же, как и я, сохраняла молчание.

Вновь подошел служащий и кивнул взглянувшей на него Лоре. Та сразу поднялась с дивана.

– Извините, я вынуждена вас покинуть. Но ненадолго. После торжественной части я вас найду, – было непонятно, адресованы последние слова всем нам или персонально Катерининому спутнику. – И больше вы от меня в сегодняшний вечер не отделаетесь.

– Ну что ж, – произнесла Катерина после того, как Лора удалилась. – У нас еще будет время поговорить о делах. Олег, надеюсь, ты не оставишь меня скучать в одиночестве?

– Извини, – ответил я, практически не задумавшись. – У меня другие планы на этот вечер.

В ответ Катерина лишь ухмыльнулась, будто именно такого ответа и ожидала.

– К тому же, у тебя есть достойный сопровождающий, – на этот раз ухмыльнулся я, кивая на громилу.

Народ в зале зашевелился и начал выдвигаться к выходу в парк. Вероятно, там и должна была проходить официальная часть.

Мы одновременно поднялись. Я, отыскав взглядом своих друзей, хотел было направиться к ним, но тут меня словно какой-то черт потянул. Обернулся к здоровяку, взял его под локоть и отвел на пару шагов.

– Ты спал с ней? – спросил я его шепотом.

Тот, взметнув брови кверху, недоуменно взглянул на меня.

– Да просто мне хотелось узнать, каково это, спать с трансвеститом, – как бы успокаивающе хлопнул я его по плечу.

Теперь здоровяк уже смотрел на Катерину. При этом его брови довольно комично двигались то вверх, то вниз.

– Знаешь, как ее звали раньше, когда она еще была мужиком? – снова зашептал ему я. – А впрочем, спроси его, в смысле, ее сам, если хочешь.

И, оставив здоровяка пялиться на Катерину, которая, в свою очередь, не понимая его пристально-заинтересованного взгляда, тоже недоуменно смотрела то на него, то на меня, я поспешил за своими друзьями. Те уже выходили наружу.

Присоединившись к друзьям, тут же пожалел об этом, ибо

пришлось отбиваться от посыпавшихся вопросов, типа, откуда появилась Катерина, зачем появилась, и не она ли является причиной моей размолвки со Светланой? Причем, наседали на меня не столько друзья, как их жены, которые, в общем-то, и не знали Катерину. Похоже, кто-то из моих разговорчивых товарищей, если не все сразу, ввели их в курс дела, наблюдая за нашей с Катериной встречей. Ладно, при случае им это аукнется.

Начавшаяся торжественная часть мероприятия избавила меня от нежелательных расспросов, и я предался своим мыслям, стоя вместе со всеми и периодически вместе со всеми же чему-то рукоплеская.

– Уй, – вздрогнул я от неожиданного тычка в бок и, увлекаемый за рукав, последовал за Лорой, провожаемый заинтересованными взглядами друзей.

– Лора, милая, ну дай же мне послушать, там так интересно говорят, – попытался я освободиться от Лориного захвата.

– О чем говорят, милый? Очнись! Все уже закончилось. Начинается неофициальная часть, – Лора продолжает настойчиво куда-то меня тащить. – Ты зачем бросил девушку одну, негодяй?!

Только сейчас замечаю, что вокруг действительно все пришло в движение, гости расходятся по облюбованным местам, занимая полянки и беседки. Все как пять лет назад...

– Какую девушку? О чем ты? – я искренне удивляюсь. Хо-

тя, конечно, понимаю, что Лора имеет в виду Катерину, но разве она осталась одна? Или Лора хочет заарканить этого бугая Ибрагимыча, или как там его представляла Катерина? Но, блин, это же Лора. Ей скорее положено соблазнять Катерину. Или что-то с ней действительно изменилось?

– Не делай вид, что не понимаешь, – Лора тычет меня в бок свободной рукой. – Неужели ты нисколечко не рад видеть Катерину?

– погоди, – я решительно останавливаюсь, беру женщину за локоть и привлекаю к себе. – Лора, пойми, между мной и Катериной давно все кончено. Мы не виделись ровно пять лет. Мы абсолютно разные люди, с разными интересами и целями, с разным мироощущением. Понимаешь? Да, я действительно не рад... Нет, вернее будет сказать, не не рад, а просто абсолютно равнодушен. Да, именно равнодушен. Мне все равно, что она, где она, с кем она. Я к ней отношусь так же, как к любой другой незнакомой и не касающейся меня женщине. Извини, Лора, но это действительно так.

Произнеся это на одном дыхании, я наконец-то шумно выдохнул. Лора смотрела на меня, широко открыв глаза, в которых читалась растерянность. Но что я мог поделать? Не рассказывать же ей про некое существо, вселившееся в тело Катерины, убив ее душу...

– Ты действительно... – начала было она говорить каким-то потерянным голосом, но прервалась, тяжело вздохнув. – Жаль, если так. Действительно жаль.

– Ты, кстати, не забыла, что я женат?

– Ты?

– Я

– А кто спускался по лестнице чуть ли не в обнимку с госпожой Никитиной? А?

– Кто тебе такое сказал? – в очередной раз удивляюсь я. – Мы старые знакомые, и просто шли под ручку.

– Я знаю обо всем, что здесь происходит, – шутливо взяла меня за грудки Лора. – И я могу отличить то, как смотрят друг на друга старые знакомые, от того, какие взгляды бросают похотливые самцы и самки.

– И что, она прямо вот так на меня смотрела? – с надеждой спрашиваю я и получаю тычок в бок. – Ой, Лора, ну ты же сама сказала...

– Извините, Лариса Сергеевна, – из ближайшей беседки к нам направляется спутник Катерины. – Екатерина Андреевна просит вас задушить Олега Юрьевича немного позже. Сейчас она хотела бы поговорить с ним об одном важном деле.

– Да пожалуйста, Русланчик, пусть забирает хоть насовсем, – Лора отталкивает меня и вцепляется в локоть Руслана. – И не называйте меня по отчеству. Для друзей я просто Лора.

***

– Лорик, будь любезна, покажи Руслану Маратовичу местные достопримечательности, – произносит Катерина, когда

мы входим в беседку. – Он, кстати, как и ты, большой любитель бильярда.

– С удовольствием, – понимающе кивает Лора и удаляется, сопровождая под локоть этого самого Маратовича.

– Что тебе нужно? – спрашиваю, опускаясь на плетеный диванчик по другую сторону от Катерины. – Я намерен приятно провести время в компании своих друзей, и разговоры с тобой в мои планы не входили. Поэтому давай выкладывай, что тебе от меня надо, только коротко и ясно.

– Ну что ж, – Катерина отрывает виноградинку от грозди, которую держит в руках, и кладет ее в рот. – Для начала я хотела извиниться за то, что совершила пять лет назад. Да-да, я искренне сожалею об этом.

– Мне твои сожаления ни к чему. Давай короче.

– Да пойми ты, я ведь совершенно не знакома была с вашими человеческими чувствами. Вы для меня были всего лишь оболочками.

– А сейчас что изменилось?

– Изменилось мое отношение к вам. Нет, я, конечно, не считаю вас равными, это было бы смешно. Просто... Не знаю, знакомо ли тебе такое чувство, когда человек потешается над собачниками, над их возней со своими питомцами, а потом вдруг сам заводит собаку и, полюбив ее, разрешает спать с ним в одной постели, есть из его тарелки и все такое прочее.

– Хочешь позволить мне есть из своей тарелки?

– Не ерничай. Я лишь хочу сказать, что теперь я понимаю, что сделала непростительную ошибку, уничтожив сущность твоей женщины для того, чтобы заручиться твоим сотрудничеством. Но я тогда не имела никакого понятия о ваших нерациональных и нелогичных чувствах. Если бы это было в моих силах, я бы вернула ее тебе, но... Я даже не могу сменить эту оболочку, по крайней мере, пока, потому что в ней я вела пятилетнюю игру, которую не собираюсь заканчивать. Наоборот.

– Что наоборот? Ты же сама сказала, что твоя ошибка непростительна, – стараюсь говорить зло, хотя сам себе со стыдом признаюсь, что ее слова породили во мне некий интерес. – Чего ж ты от меня хочешь?

– Содействия в следующем этапе своей игры.

– Всего-то? А мне оно надо?

– Надо, – уверенно кивает Катерина, мило улыбаясь.

– Обоснуй.

– Пожалуйста, – она отправляет в рот очередную виноградинку. – Я уже сказала, что теперь хорошо разбираюсь в ваших человеческих чувствах. Так вот, в случае твоего отказа я начну планомерное уничтожение сущностей твоих друзей. Нет, убивать их физически я не буду. Просто лишу их оболочки того, что вы называете разумом. И поверь мне, восстановить этот разум обратно я не смогу, даже если вдруг захочу это сделать.

Я смотрел на это красивое личико, и в моей голове не

укладывалось, что за ним скрывается бездушный монстр, уже сожравший одного моего любимого человека.

– А если я найду способ тебя убить? – спрашиваю, нагло отрывая виноградину от ее грозди, игнорируя стоящие на столе вазы с фруктами.

– Даже и не знаю, что тебе ответить, – Катерина продолжает улыбаться. – Ведь ты уже слышал, что этот Мир каким-то образом держится на семи сущностях, создавших его. Приход восьмого принесет в него Хаос. А вот что с ним станет, если сущностей останется шесть? Возможно, Мир просто исчезнет. А возможно, ничего не произойдет, просто одна сущность не сможет поглотить другую, пока не появится восьмая. Ведь мы не можем убить друг друга в полном смысле этого слова. Что, кстати, нельзя сказать о тебе. Да-да. Ведь ты всего лишь оболочка, наделенная силой сущности, затаившейся в тебе и почему-то не лишившей тебя собственного разума. Мне будет искренне жаль это делать, но если ты меня вынудишь...

М-да... Не знаю, насколько серьезны ее угрозы в мой адрес, но вот защитить своих друзей я вряд ли смогу. Да и пытаться разрушить Мир мне как-то не хочется. Ё-моё, о чем я думаю!!! Разрушить Мир? Где здесь ближайший кабинет психиатра? Пусть на меня скорей оденут смирительную рубашку! Однако...

– И чем я могу тебе помочь?

– Я была уверена в твоём благоразумии, – Катерина поло-

жила на стол очищенную от виноградин веточку и откинулась на спинку дивана. – Я намерена занять место мэра столицы.

– Всего лишь?!

– Пока да. Ты не находишь, что слишком уж долго он сидит на своем посту? Как будто бы стал уже одной из достопримечательностей города, причем весьма дорогостоящей в содержании.

– Хочешь сказать, что ты будешь обходиться дешевле? – я все еще не мог переварить и осознать услышанное и продолжал машинально ерничать.

– Главная для меня разница в том, что то буду я, а не он.

– Ясно. И что же ты, такая могущественная, не можешь справиться сама с каким-то жалким человечком?

– Ты сильно преувеличиваешь мое могущество, – на лице Катерины выразилось явное разочарование недалекостью моего ума. – Да, как сущность я бессмертна. Ну и что? В физическом мире мои возможности ограничены возможностями оболочки, пусть даже и многократно усиленными. Да, я могу подчинять людей, могу уничтожать разум тех, кто противится подчинению. Но это было бы действительно на более низких уровнях игры. На этом же человеке задействовано такое количество других людей...

– Просто переселись в него, – предложил я пришедший в голову вариант.

– Неинтересно.

– Ясно. Я забыл, что для тебя это игра.

– Да, игра. Собственно, эта игра и является причиной и смыслом существования вашего мира, – Катерина усмехнулась и продолжила: – Я много достигла. Я практически стала лидером «Партии Большинства». Я в состоянии, используя различные политические комбинации, постепенно выжить Луноликого и занять его место. Но на это уйдет слишком много времени, что непростительно, учитывая сроки, отведенные для жизни оболочки.

– Но он ведь тоже не вечный, – пожал плечами я. – И далеко не молод, к тому же.

– Понимаешь, – с лица Катерины исчезла улыбка, и она теперь смотрела на меня так, будто прикидывая, говорить со мной дальше, или нет. – Понимаешь, не знаю, как тебе это объяснить, ибо сама пока мало что об этом узнала. Я обнаружила некое явление, о котором не было ничего в моих базовых данных, о котором не было ничего в знаниях слившейся со мной сущности. Я обнаружила присутствие в этом мире паразитов...

– Ты впервые заметила на своей кухне тараканов? – не удержавшись, хохотнул я, но заметив, как собеседница хмурится на мое ерничанье, тоже сделал серьезное лицо и, глядя на ее чудесные рыжие волосы, произнес: – Боже мой, неужели вши завелись? Или еще что хуже? Но давай не будем об этом за столом? Ё-моё, я же отщипывал виноградинку от веточки, которую ты держала в руках. Придется теперь нам

вместе лежать в инфекционном отделении. Я буду занимать для тебя очередь на сдачу анализов...

– Прекрати, – оборвала меня Катерина.

– Извини, но такая, наверное, у меня реакция на эти ваши сущности, – я развел руками. – Просто если я буду относиться ко всему этому серьезно, то сойду с ума. Так что ты там говорила о паразитах? Можно, я хотя бы буду улыбаться?

Катерина некоторое время смотрела на меня с каким-то отрешенным видом, затем совсем по-человечески вздохнула.

– У меня есть подозрения, что в этот мир проникают, как бы это сказать, чужие сущности.

– Так, блин, вас же всего семь. Или нет?

– Семь сущностей создали этот мир. Иногда, крайне редко, рождается восьмая, способная его разрушить. О других ничего не было известно, – Катерина несколько секунд помолчала. – Или же было давно забыто.

– Ясно. И теперь ты обнаружила, как соседи лазают в твоём огороде, и с удивлением узнала, что за забором существует разумная жизнь. Ну или не очень разумная, если лезут в чужой огород. И сколько же нарушителей государственной границы обнаружилось?

– Пока только один.

– И это Михаил Юрьевич Луноликий?

– Да.

– Может, просто заявишь в милицию? Все. Молчу. Молчу

и улыбаюсь.

Это уже второй бессмертный... или сумасшедший... который обращается ко мне в тот момент, когда ему припечет задницу... Первому я не помог...

***

М-да, давненько я не был в столице. И сейчас бы уехал отсюда поскорее. Полчаса наблюдения за этой суетой из окна автомобиля утвердили меня в исключительной уютности провинциальных районных центров. И как это все люди стремятся уехать в столицы? Может, человек произошел от муравья, а не от обезьяны? Ах да, я же забыл, что нас создали те, один из которых сидит во мне. Притаился, блин...

– Приехали, – сообщил водитель, проезжая через автоматические ворота главного штаба «Партии Большинства» и тормозя у высокого парадного крыльца.

Два дюжих молодца стоят по краям широкой лестницы, слегка расставив ноги и прикрыв руками пах. Интересно, почему охранники всегда стоят именно в такой позе? Им часто бьют между ног? И лица обязательно деланно-равнодушные. Взгляд не оценивающе-обыскивающий, каким, казалось бы, должен быть у охранника, а тупо смотрящий вдаль, словно у каменной статуи. Вероятно, подобные монументальные фигуры ставятся не столько для охраны, сколько для обозначения статуса владельца охраняемого объекта, типа бронзовых львов, вот, мол, что я могу себе позволить.

Поднимаясь по ступеням, разглядываю здание. Ребристые колонны, увенчанные кучеряшками, как-то не очень вписываются в общий дизайн здания, стеклянный фасад которого лишь узкие полосы металла расчерчивают на прямоугольники. Да и сами колонны, ничего не подпирая, выглядят незавершенно. Создается впечатление, что раньше здесь стояло какое-то другое строение, потом его снесли, построив новое, а от старого, по чьей-то прихоти, остались лишь колонны.

– С приездом, Олег Юрьевич, – встречает меня у дверей Руслан Маратович, мило блестя начищенной лысиной.

– Привет, Ибрагимыч, – фамильярно хлопаю его по плечу, как бы не замечая протянутой руки. – Как Колян поживает? Назад пол менять не собирается, не говорил тебе по секрету? А?

– Э-э, кх-м, извините, я Маратович, – недовольно морщится здоровяк. – О каком Коляне вы говорите?

– Ой, ладно те, от меня у Коляна секретов никогда не было, понял? – снова снисходительно хлопаю Руслана по плечу, пытаюсь вычислить по отражающимся на его лице эмоциям, сколько раз я еще могу позволить себе подобную выходку, прежде чем этот громила решит порвать меня на пятнадцать союзных республик? – Тот самый Колян, что теперь Катерина, брат. Как, кстати, он, в смысле, она, в постели?

Буркнув что-то типа «прошу», Ибрагимыч или Маратович резко разворачивается и быстрым шагом входит в зда-

ние. Торопливо следуя за ним, с внутренним удовлетворением разглядывая побагровевшую лысину. Миновав пустой обширный холл, входим в кабину лифта. Руслан нажимает верхнюю кнопку. Странно, всего четыре кнопки на панели. А судя по рядам стеклянных прямоугольников на фасаде, должно быть шесть этажей. Выйдя из лифта, следуем в конец коридора мимо рядов обычных офисных дверей. Войдя в последнюю, оказываемся перед ведущей вверх лестницей. Поднимаемся по двум пролетам и выходим... И выходим в парк... В самый настоящий парк с невысокими, но раскидистыми кленами, зелеными лужайками, песчаными тропинками и с самым настоящим прудиком. На берегу стоит Катерина, одетая в светло-серый брючный костюм, и бросает в воду какие-то крошки. В том месте, куда крошки падают, вода бурлит от золотистых тел немаленьких рыбешек. Увидев нас, женщина стряхивает с ладоней последние крошки и, приветливо улыбаясь, жестом приглашает к ярко желтой лавочке.

– Рада тебя видеть, Олег. Как доехал?

Не отвечая, прохожу к тонированному стеклу, чтобы убедиться, что я действительно нахожусь в том здании, в которое вошел. Действительно, метрах в пятнадцати подо мной течет разноцветным потоком автомобилей магистраль, пересекающаяся с той, на которую выходит фасад.

– Круто, – искренне восхищаюсь я и подхожу к пруду. – Знал бы, прихватил бы удочку.

– Для тебя в этом нет ничего невозможного, – поводит рукой вокруг Катерина. – Ограничивает тебя лишь обывательское мышление.

– Ну да, я ведь всего лишь оболочка.

– Нет, не в этом дело. Еще в первые дни моего физического воплощения я бы на это и списала твою неустроенность. Но теперь-то знаю, что и у оболочек масса амбиций, причем порой многократно превосходящих возможности.

– Ладно, я не любитель философских измышлений. В данный момент меня интересуют только два вопроса. Первый – где я буду жить? Второй – что делать? Ну и еще, как сделать такие дорожки? Выглядят точно как песочные, и на ощупь, я пробовал, тоже песок, но не сыпется и не разлетается. Он что, намагниченный какой-то?

– Знаешь, Олег, тебе, наверное, надо отдохнуть после дороги. А завтра с утра, на свежую голову обсудим все наши проблемы и способы их решения. Хорошо?

– Пусть будет так. Хотя мне, так же, как и тебе, отдых особо не требуется, но побездельничать до завтрашнего утра не откажусь, – соглашаюсь на предложение Катерины и на всякий случай предупреждаю: – Только в одиночестве. Компании мне не требуется.

– Как скажешь, – в голосе Катерины прозвучала легкая ирония. – Руслан, распорядись, чтобы Олега Юрьевича доставили в его квартиру.

Не прощаясь, направился к Руслану, который все еще сто-

ял у входа. Краснота с его лысины уже спала, и та снова блеснула, отражая все негативные излучения. Ну-ну...

– Олег, – останавливает меня Катерина. – Знаешь, я думаю, твое отношение ко мне отчасти продиктовано тем, что первая встреченная тобой сущность была в мужской оболочке. Возможно, придет время, когда ты поймешь ... Как бы тебе объяснить-то. Вот, к примеру, то, что вы называете душой, имеет пол? Нет. Душа бесполоя. Пол имеет оболочка, в которой душа находится. Понимаешь, что я хочу сказать? Сущность, наполнявшая оболочку Шалинского, являлась мужчиной, только находясь в той оболочке. Сущность в оболочке Катерины – женщина. Понимаешь? Жен-щи-на.

В ответ я лишь пожал плечами.

– Пойдем, Ибрагимыч, Колян сегодня какой-то мнительный, – хлопнул по плечу Руслана, подойдя к нему, и вышел на лестницу.

– Я Маратович, – жестко, с нотками внушения, произнес Ибрагимыч, обгоняя меня по порожкам.

И чего я его довожу? Вроде не сделал мне ничего плохого...

***

Тот же водитель, что встречал меня в аэропорту, отвез к дому, где мне была выделена квартира. Квартира, надо сказать, оказалась довольно внушительных размеров. Побродив по комнатам и обследовав содержимое двухдверного холо-

дильника, вышел на один из балконов. Передо мной сиял золотыми куполами какой-то храм или собор. Я не особо разбираюсь в церковной архитектуре. Да и столицу практически не знаю. Бывал в ней только проездом, да и то, последний раз лет двадцать назад... Это ж надо, как долго я живу...

В кармане загудел вибровонком телефон. Ага, это как раз тот, кого я жду.

– Привет, Василий. Ты где?

– Привет, Олег. Стою перед воротами резиденции, в которую тебя доставили.

Сообщаю ему номер апартаментов и тут же слышу звонок домофона. Подойдя к двери, вижу на встроенном в стену экране Суровцева, топчущегося перед кованными воротами, и черный БМВ за его спиной. Нажимаю на кнопку открытия ворот и, когда Василий заезжает во двор, нажимаю на нее вторично, чтобы ворота закрылись. Домофон пиликает вторично. На этот раз вижу Василия стоящим перед дверью в подъезд. И еще через пару минут, после звонка в дверь, снова наблюдаю его на экране уже непосредственно перед дверью в квартиру.

– Не хило вы, буржуи, живете, – пожимая руку и оглядываясь по сторонам, констатирует сыщик.

– А то, – отвечаю, думая, что бы он сказал, увидев тот парк, в котором я сегодня побывал, и пруд с рыбками. – Вступай в «Партию Большинства», и ты так жить будешь.

– Ага. Была уже однажды одна партия большевиков. Тоже

райскую жизнь обещала.

Василий, так же, как и я полчаса назад, побродил по комнатам и, увидев широченный двухдверный холодильник, по хозяйски углубился в его изучение.

– Так, что тут у нас? Ага, пиво. А к пивку что? Это чо такое? Я такого не знаю. А вот сыр «косичку» уважаю. А в морозилке? Ого! Какие крупные креветки! Щас сварим. Держи.

Я принимаю и откладываю на стол все, что подает Суровцев. М-да. Неужели мы все это съедим?

Съели... В первом часу ночи закончилось пиво, а то бы съели еще.

Суровцеву я решил позвонить еще в тот вечер, в «Доме Охотника». Вкратце обрисовал ситуацию, не вдаваясь в подробности, и Василий попросил подождать недельку, пока он закончит какое-то срочное дело. После разговора с ним я, также ссылаясь на срочные дела, сообщил Катерине, что смогу быть в столице только через неделю. Она не возражала. Накануне отъезда Василий заехал ко мне и расспросил обо всем подробнее. Естественно, он не был посвящен в подробности о мистических сущностях, которые используют людские тела как оболочки для собственного физического воплощения, иначе просто вызвал бы санитаров.

Я сказал ему, что Катерина, ставшая во главе «Партии Большинства», принуждает меня к сотрудничеству, угрожая благополучием близких мне людей.

– Старик, – удивился тогда Василий. – Я тебя не узнаю. Ты же решал свои проблемы весьма конкретными радикальными методами. Или дело в твоих прошлых отношениях к Катерине? Но тогда чем могу помочь я?

– Нет, мои прошлые отношения с ней здесь ни при чем, – я помолчал, пытаясь подобрать правильные слова. – За Катериной стоит реальная сила. Такая сила, которая запросто может перемолоть и меня, и всех, кто будет находиться рядом. Я хочу, чтобы ты имел это в виду, прежде чем подписаться на помощь.

– А я хочу, чтобы ты имел в виду, что перед тобой сидит опер. Понимаешь? Тот прежний опер, Васька Суровцев. А потому пугать меня опасностями – лишь раззадоривать. Понял? А если понял, то говори, что делать.

– Если бы я знал, что делать, то сделал бы сам. Потому и обратился к оперу, ибо не знаю, что делать.

Мы тогда проговорили до полуночи. Василий периодически звонил то своим подчиненным, то каким-то приятелям в столицу, отдавал распоряжения, консультировался, узнавал, может ли рассчитывать на помощь. В конце концов, мы договорились с ним об условных эсэмэсках и завалились спать. В пять утра я разбудил Василия, и он укатил в столицу.

На следующий день Суровцев встретил мой самолет и вел меня от аэропорта до штаба, а потом от штаба до дома, в котором мне была выделена сиротская квартирка. Далее, шелуша кровати и прихлебывая пиво, он поведал мне все,

что ему и его помощнику удалось выяснить о деятельности «Партии Большинства». То, что эта партия проправительственная, ни для кого секретом не было. А вот то, что она активно копает под столичного мэра, мало кому известно.

– Они, конечно, все одним миром мазаны, эти политики, – говорит Василий. – Но методы, которыми эти твои большевики ведут борьбу, мне претят. Лить столько грязи, причем высосанной из пальца... А эта шумиха, устроенная ими на международном уровне, вокруг того, что Луноликий запретил проведение в столице гей-парада. С их подачи вся передовая зарубежная пресса негодует по поводу гомофобии Луноликого. В европейских столицах гомосеки устраивают акции протеста у наших посольств. Нет, ты видел в новостях, что там творится?

– Я как-то вообще не слежу за политикой, – пожимаю плечами. – А за жизнью сексменьшинств – тем более. И, если честно, не понимаю, как связаны гомофобия и геи?

– Что значит, как связаны? Гомофобы – это те, кто не приемлет гомосексуализм, – поясняет Василий.

– погоди, давай разберемся, – наполняю бокалы пивом. – Что в буквальном переводе означает гомофобия?

– Что?

– Человеконенавистничество, так? Гомо и фобия. Или, может, я не прав, и слово гомо переводится как педераст?

– Так это что получается, – Василий ставит кружку на стол с такой силой, что из нее выплескивается часть пива. – Кто

не гомосек, тот не человек?

– Получается, что кто-то очень хочет всем это внушить. По крайней мере, слово «гомофобия» для всех уже имеет определенное значение. Ну, да пошли они куда подальше! – возмущаюсь я. – Давай по делу.

– По делу могу пока мало что сообщить. Я здесь всего сутки. Пока ясно только то, что Луноликого пытаются опустить по полной. В Интернет выплескивается куча всякой дезы про его пьянство, распутство, взяточничество и тому подобное. Но ни Катерина, ни кто другой в качестве претендента на место главы столицы на сцену пока не выходит. Возможно, хотят сперва подготовить почву.

– Ну а народ как реагирует на все это?

– Ха, Олег, я, конечно, как уже говорил, занимаюсь этим всего сутки, но уже обратил внимание на абсолютно нулевую реакцию народа. Ты понимаешь, наш народ настолько привык к правителям-самодурам, что воспринимает все эти слухи как нечто вполне естественное, даже не задумываясь об их достоверности. Народ просто ловит «ха-ха», оставляя в инете комментарии типа «мужик жжет».

– Да, после президента-алкоголика, наш народ трудно чем-то удивить, – соглашаюсь я. – Ну а сам как реагирует?

– Ничего об этом узнать не удалось. Такое ощущение, будто никак не реагирует.

– Ладно, посмотрим, в какую игру попытаются втянуть меня.

***

На следующий день Василий пропал. Утром он уехал, пообещав появиться с отчетом к вечеру. Вечером не появился, на мои звонки не отвечал.

В восемь часов за мной приехала машина. Теперь я специально обратил внимание на верхние этажи здания, в котором разместился партийный штаб. Зрение, повинувшись моему неосознанному желанию, перестроилось, и я увидел сквозь тонированные стекла кроны деревьев. Снова на входе встретил Руслан. На этот раз он лишь кивнул и пригласил следовать за ним. Я хотел было сказать ему какую-нибудь гадость, но решил не превращать это в традицию и сдержался. Мы вновь поднялись в парк, где меня ждала Катерина. Сегодня она не кормила рыбок, а сидела на лавочке, вертя в пальцах кленовый листочек.

– Ну что, – говорю вместо приветствия, опускаясь на другой конец лавочки, – я готов к получению задания партии. Только не заставляй меня поддерживать акции протестов сексуальных меньшинств.

Катерина заинтересованно подняла брови, то ли удивляясь моей осведомленности, то ли не понимая, о чем я говорю.

– Доброе утро, Олег.

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? Вообще странно, что вас, бессмертных, волнуют такие мелочи, как утро.

– Я уже пыталась тебе объяснить, что, находясь в физи-

ческой оболочке, мы подвластны эмоциям, присущим вам, смертным. – Катерина продолжала крутить листик, наблюдая за его вращением.

– Катерина, – я впервые назвал это существо именем женщины, которую когда-то любил. – Я бросил свой бизнес, своих друзей, свою жену, наконец, вовсе не для того, чтобы разбираться в твоих внутренних ощущениях. Я хочу побыстрее покончить с твоими проблемами, или играми, и вернуться домой.

– Возможно, я открою тебе портал и ты сможешь при желании перемещаться сюда из своей мастерской...

– Так я могу приходить сюда из того подземелья? Как в дом Шалинского?

– Можешь, – кивнула Катерина. – Но только если я открою свою сторону.

– И что тебе мешает?

– А как ты себе это представляешь? Заходишь ты в свой кабинет на глазах у сотрудников, среди которых и твоя супруга, и исчезаешь непонятно куда и неизвестно на сколько. И так же точно появляешься.

– М-да... Но хотя бы сообщить о такой возможности можно было? Нафига я тряса по всем этим самолетам и автомобилям, если мог с утра пораньше, пока в офисе никого нет, спокойно перейти из своего подвальчика в... Кстати, где находится здешний, этот самый, портал? Случайно не в палате психбольницы?

– А это уже, извини, Олег, вопрос не ко мне, – Катерина встала и подошла к берегу пруда. – Обратись с этой претензией к тому, кто дал тебе возможности, не научив ими пользоваться. Ты представляешь собой путника, который катит рядом с собой велосипед, не догадываясь о том, что на нем можно ехать.

Вот тут она действительно права. Уже прошло целых шесть лет с того момента, как я впервые обнаружил в себе некие сверхчеловеческие способности. Однако так и не смог их изучить, ибо и не знал о них полностью. Первое, что я испытал тогда, была полная регенерация тканей, вплоть до восстановления удаленных некогда зубов. Далее – способность обходиться без сна и пищи довольно долго. Сколь долго – не проверял. Что еще? Способность ускоряться в экстремальных ситуациях и подзаряжаться от солнечного света. Все это выявилось еще в первый год. Потом же я просто пользовался своей неутомимостью, развивая бизнес, с развитием коего у меня оставалось все меньше времени на исследование своих внутренних ресурсов.

– И как я, такой несмышленный, смогу тебе помочь? – задаю резонный вопрос Катерине.

– Не знаю, – откровенно отвечает она. – Но ситуация такова, что мне необходимо использовать все возможности. В том числе и твои. Надеюсь, тот, кто дает тебе силу, не заинтересован в потере твоей оболочки и в критической ситуации сможет помочь. Насколько мне известно, однажды такое

уже случалось, когда тебе были нанесены травмы, несовместимые с жизнью.

Я вспомнил корейцев, расстреливающих меня из автоматов. Не хотелось бы мне испытать нечто подобное снова.

– Думаешь, может до такого дойти?

– Здесь идет крупная игра. Дойти может до чего угодно, – в ее голосе послышались стальные нотки, не оставляющие сомнения в том, что эта красивая женщина может походя, в угоду своим прихотям, лишиться жизни любого, оказавшегося на ее пути. А иначе я бы и не приехал сюда, если бы не опасался за жизни своих друзей.

– Но перейдем к делу, – Катерина вернулась на лавочку. – Мне известно, что Луноликий находится в конфликте с братом своей жены. Не знаю, что там они не поделили с Сатириним, но нужно попытаться разыграть эту ситуацию. Твоя задача сойтись с ним и узнать подробнее об их отношениях.

– Погоди, погоди. Как я с ним сойду? Кто я, а кто он...

– Кто он? – раздраженно прерывает меня Катерина. – Ну кто он? Всего лишь жалкий человечиска, хапнувший больше прочих. Ты же, хоть и такой же смертный, но обладаешь силой и возможностями вселившейся в тебя сущности. Пользуйся тем, что имеешь!

– Как пользоваться?

– А как пользовался, когда утверждался в своем городишке? – таким снисходительно-раздраженным тоном она со мной еще не разговаривала. – Ведь там ты был вообще

никем.

– Тогда меня приперло, – оправдываюсь я. – У меня просто не было выхода.

– А сейчас есть?

От ее ухмылки на меня накатывает волна раздражения. Раздражения, прежде всего, на себя. Чего это я позволяю этому существу так с собой разговаривать?

– Слушай, дорогая, – говорю вкрадчиво. – Если я сейчас сверну шейку твоему тщедушному тельцу, это не решит одним разом все проблемы?

Она ошарашено смотрит на меня некоторое время, затем берет себя в руки и мило улыбается.

– Это будет очень печально, Олежек. Разве у тебя поднимется рука на бедную Катерину? – продолжая улыбаться, она вопросительно смотрит на меня. – В любом случае, я очень привязалась к этой оболочке, и мне будет крайне жаль с ней расставаться. Но на всякий случай я подумаю, кого из твоих друзей оставить живым, чтобы воспользоваться его оболочкой.

– Слушай внимательно, бессмертный, – я подвигаюсь вплотную к женщине и крепко беру ее за локоть. – Если с кем-либо из близких мне людей что-нибудь случится...

– Что ты сделаешь, дорогой? – Катерина, все еще улыбаясь, нежно кладет свободную руку мне на колено.

– Не знаю, – честно признаюсь, продолжая сжимать ее локоть. – Но второй раз тебе это с рук не сойдет. Возможно,

объединюсь с чужим. По крайней мере, он не сделал мне ничего плохого, так почему бы нам совместными усилиями не запереть тебя в бутылку?

– В какую бутылку? – непонимающе вскинула тонкие брови Катерина.

– Ты же говоришь, что твое уничтожение повлечет уничтожение всего мира. Так вот я и подумал, что тебя можно, как джина, просто запереть в какой-нибудь бутылке, лишив возможности пакостить, но и не убивая. Как тебе эта идея, дорогая?

– Не знаю, что ты имеешь в виду под бутылкой, но думаю, что мы напрасно тратим время на препирательства. Первую задачу я тебе поставила. Способы ее выполнения разрабатывай сам. Привлеки к ней своего друга. Нечего ему впустую собирать компромат на нашу партию. Пусть займется полезным делом, которое действительно тебе поможет. Да, и еще, не надо больше рассказывать Руслану байки про якобы мое мужское прошлое. Зачем тебе это надо?

***

Из здания выхожу несколько озадаченным. Передо мной поставили задачу, но не наметили даже примерных путей ее выполнения. Вот каким образом я сойду с этим олигархом? В голове абсолютно никаких мыслей. Ладно, будем напрягать Василия.

– Екатерина Андреевна просила передать, что автомобиль с водителем остается в вашем распоряжении, – произносит,

вышедший вслед за мной Руслан.

– Благодарю, – машинально бурчу в ответ, набирая телефон Суровцева.

Руслан, приготовившийся услышать от меня очередную гадость, расслабленно кивает и возвращается в здание. Он что, выходил специально, чтобы сообщить мне об автомобиле? Звонить у них не принято? Так, что-то Василий трубку не берет. Чем он там так занят? Или оставил телефон в машине, а сам вышел? Ладно, подождем. Минут десять прогуливаюсь между колонн в ожидании, когда Василий заметит, что я ему звонил и перезвонит. Но, телефон молчит.

Забыв о предоставленном мне авто, в раздумье выхожу через калитку, автоматически открывшуюся передо мной. Не спеша следую к своему дому, периодически пытаюсь дозвониться до Суровцева. Наконец гудки в трубке прерываются, и мне сообщают, что телефон владельца выключен или находится вне зоны действия сети. Да что же такое-то?! Ладно, вечером должен сам появиться.

Вечером Василий не появился. Я прождал его до утра. Утром позвонил в его офис в нашем областном центре, но там тоже не знали, где он находится.

Еще ночью у меня появлялась мысль о том, что к его исчезновению приложила руку Катерина. Но зачем бы она тогда стала советовать мне приобщить его к делу? Что-то тут не сходится. В любом случае, надо что-то делать. И начну я, пожалуй, с наезда на нее. Ищу в телефоне ее номер, но, пе-

редумав, набираю предусмотрительно вбитый в мой телефон еще в первую встречу в «Доме Охотника», номер Руслана.

– Привет, Ибрагимыч, – говорю в ответ на его «Да». – Где там причитающаяся мне машина? Пусть подъедет к подъезду. И передай Колян, что мне необходимо немедленно встретиться с ним.

Не дожидаясь ответа, сбрасываю вызов и выхожу из квартиры.

***

На этот раз Катерина ждала меня в просторном кабинете, с такой же просторной приемной, на четвертом этаже.

– Где Василий? – спрашиваю с ходу.

– Почему ты никогда не здороваешься, Олег? – Катерина отложила какую-то бумагу, встала из-за стола и, пройдя к стоящему у стены дивану, села на него, вольготно откинувшись на спинку.

– Здравсьте. Так где Василий? – беру стул от расположенного в центре кабинета длинного стола для совещаний, ставлю его напротив Катерины и сажусь.

– Василий – это твой друг сыщик, который вынюхивает о делах моей партии? Он что, пропал? Почему же ты решил, что я к этому причастна?

– А ты не причастна?

– Нет. Мне он не мешал. Даже забавлял слегка, – Катерина смотрит на меня таким честным взглядом, что я начинаю ей верить.

– Так куда же он пропал? – спрашиваю не столько ее, сколько себя.

Катерина лишь пожимает плечами. При этом с ее лица не сходит снисходительная улыбка. Этой улыбкой она сопровождает каждое наше общение. И эта улыбка выводит меня из себя, ибо заставляет чувствовать себя каким-то недалеким простолюдином рядом с высокообразованной представительницей высшего класса. Тот дух, что сидел в Шалинском, хоть и относился ко мне с нескрываемым презрением, не вызывал во мне такого раздражения.

– Кстати, его наблюдатель все еще на своем посту. Ведет съемку всего, что происходит у парадного подъезда, – сообщает она. – Если хочешь, его приведут сюда. Хочешь?

Да-а, блин, Василий, хороши у тебя профессионалы. Ну, раз уж толку от него все равно нет, то пусть приведут. Может, он что знает о том, куда подевался его шеф.

– Ну пусть приведут, – киваю Катерине.

Я не заметил, каким образом она подала сигнал, но дверь тут же распахнулась, и в кабинет вошел Руслан.

– Руслан, – обратилась к нему Катерина. – Пусть приведут наблюдателя. Только аккуратно, чтобы он остался жив и здоров.

Здоровяк кивнул, сверкнув лысиной, и вышел. Катерина вновь пересела за стол, углубившись в изучение бумаг. Я почувствовал себя по-идиотски, сидя напротив пустого дивана, спиной к большому помещению, поэтому встал и, не зная,

чем себя занять, начал прохаживаться вдоль стола.

Проходит пятнадцать минут, и в распахнувшуюся дверь вновь входит Руслан. За ним двое амбалов вводят, держа за локти, высокого светловолосого парня. Я узнаю Толика, помощника Василия, служившего под его началом еще в РУВД. Его левая скула алеет свежей оплеухой. У одного из его сопровождающих свежая шишка на лбу, у другого болтается наполовину оторванный воротник белой рубашки. Похоже, понятие об аккуратности у парней весьма относительное.

– Привет, Толик, – приветствую парня и обращаюсь к Катерине. – Скажи своим быкам, чтобы скрылись.

Катерина еле заметно кивает Руслану, тот что-то говорит парням, и они удаляются, оставив ничего не понимающего Толика стоять у дверей. Он удивленно смотрит на меня, потирая пострадавшую скулу.

– Ты когда последний раз общался с Суровцевым? – задаю ему волнующий меня вопрос.

Толик смотрит то на меня, то на Катерину, словно решая, стоит ли с нами разговаривать.

– Ты чего молчишь, как партизан на допросе?! – не выдерживаю я. – Я уже сутки не могу с ним связаться. В вашем офисе тоже ничего не знают. Куда он пропал?

– Не знаю, – наконец-то произносит Толик. – Он вчера утром позвонил, сказал, что едет на какую-то встречу. Должен был через час появиться.

– Появился? – после некоторой паузы подталкиваю к дальнейшему рассказу Толика.

– Нет. И на звонки не отвечал. А потом и вообще его телефон вырубился. В офис я тоже звонил, и вчера, и сегодня. Никто ничего не знает.

– Понятно, – говорю я. – Понятно, что ничего не понятно. В общем, так, Толик, до появления Василия поступаешь в мое распоряжение. И без вопросов! Подожди меня в приемной, я сейчас выйду.

Парень с сомнением топчется, решая, стоит ли мне подчиняться, но, в конце концов, выходит из кабинета.

Подхожу к столу, за которым сидит Катерина, и сажусь напротив нее.

– Ну и? – спрашивает она.

– Что, ну и? Ты можешь узнать, что с Василием?

– Попробую, но ничего не обещаю. Как твои дела по моему вопросу?

– Никак. Я даже не знаю, с какого конца подступиться, – честно признаюсь в своей некомпетентности. – Рассчитывал на содействие Василия, но... Да я и столицу-то совсем не знаю. Бывал здесь только проездом, и то очень давно.

– Олег, начинай уже пользоваться своими способностями! – Катерина встает и подходит ко мне. – Научись хотя бы управлять чужими оболочками.

– Как управлять чужими оболочками? – удивляюсь и настораживаюсь. – Хочешь сказать, что ты способна управлять

моим телом?

– Нет, конечно. Даже нам не все оболочки подвластны. Вернее, не сами оболочки, а то, что вы называете душами. Но оболочки, наделенные наиболее примитивным разумом, наверняка подвластны даже тебе.

– О каком примитивном разуме ты говоришь. Предлагаешь мне тренировать обезьян?

– Зачем же обезьян. Ты слишком высокого мнения о себе подобных.

Катерина повернулась к двери. Дверь распахнулась, и в нее вошел один из тех громил, что сопровождали Толика, тот, что с порванным воротником. Закрыв за собой дверь, он вдруг встал на четвереньки и с невозмутимым видом побегал вдоль стен кабинета. Сделав полный круг, громила опустился на живот и пополз под стол. Выполз с обратной стороны, встал и, обойдя стол, остановился перед нами.

– Давай, Олег, пробуй управлять им, – произнес он, глядя на меня.

– Кем? – не понял я.

– Им, – кивнула на амбала Катерина. – Это я говорила его голосом.

Я посмотрел на парня. Он стоял с отсутствующим взглядом, словно выключенный робот.

– Ну же, Олег!

– Да как я им буду управлять-то?!

Чувствуя себя придурком, которого разводят перед скры-

той камерой, впериваю взгляд в громилу. На груди появляется какое-то тепло, пробую рукой и обнаруживаю амулет, о существовании которого давно уже забыл.

– Дурдом, – произношу и понимаю, что за меня это произнес громилка.

Голова начинает кружиться от того, что перед глазами встают сразу две картинки. Одна – то, что вижу я, вторая – то, что видит этот здоровый подопытный кролик. Я пошатнулся, закрыл глаза и затряс головой. Связь прервалась.

– Ну что же ты? – укоризненно произносит Катерина. – Попробуй еще. Только не надо так паясничать на него. Можешь вообще на него не смотреть, глаза здесь не играют никакой роли.

На всякий случай сажусь на диван, закрываю глаза и... И вижу себя со стороны чужими глазами. Действительно, похож на зажмурившегося придурка. Ага, вот, мое тело приосанилось, лицо приобрело более достойное выражение, но глаза остались закрыты. Ну и ладно, и так нормально. Пробую пройти чужим телом. Блин, движения получаются какие-то неуклюжие.

– Ты не думай о том, что идешь, – подсказывает Катерина. – Просто иди, как ходишь сам. Ты ведь никогда не обдумываешь каждый свой шаг.

Так, ага, я подошел к дверям... Вернее, я остался сидеть на диване... Но и к дверям тоже я подошел. Открыл, выглянул наружу. Толик сидит в одном из кресел. Увидев ме-

ня, хмурится и трогает свою пострадавшую скулу. Второго громилы нет. Руслан сидит перед столом, за которым расположилась симпатичная женщина неопределенного возраста, от тридцати до сорока. Что-то я не обратил на нее внимания, когда шел сюда. Руслан бросает на меня вопросительный взгляд. Сжимаю правую кисть в кулак, показываю ему оттопыренный средний палец и возвращаюсь в кабинет.

– Открой глаза, – требовательно говорит Катерина.

Бросаю на нее удивленный взгляд, но тут же понимаю, что это взгляд не мой, и открываю свои глаза. От двойного зрения вновь кружится голова. Пытаюсь сосредоточиться на одном изображении, но ничего не получается, и я снова закрываю глаза, оставляя лишь зрение бугая.

– Не закрывай глаза! – снова требует Катерина.

– Я не могу. У меня все перемешивается.

– Слабак! А еще пытаешься что-то доказывать о значительности вашего разума. Я же не требую от тебя управлять сразу группой оболочек. Двумя даже ребенок сможет.

– Чей ребенок? – удивленно спрашиваю я, открыв глаза и повернувшись к женщине обоими головами. Так как все четыре глаза смотрели в одну точку, то и картинка теперь более-менее одинаковая, разве что обзор стал более широким.

– Ничей. К слову пришлось, – отмахнулась Катерина. – Учись управлять двумя оболочками.

– Какими еще двумя? Я с этой-то одной ладу не дам.

– Двумя – это своей и его, – тоном уставшего учителя про-

износит Катерина. – Попробуй пойти в разные стороны комнаты.

– Меня там Толик ждет.

– Подождет.

***

Из кабинета вышел через три с половиной часа. После всех экспериментов я и собственным-то телом управлял с трудом. Сфокусировав взгляд на Толике, кивнул ему, чтобы следовал за мной.

– Пойдем, – донесся из-за приоткрытых дверей голос подопытного громилы, и послышался смех Катерины.

Сообразив, что все еще частично держу под контролем второе тело, отключился от него, и сразу стало легче двигаться, картинка перед глазами стала более устойчивая.

– Ты на колесах? – спрашиваю у поднявшегося из кресла Толика.

Тот кивает.

– Если понадобится машина, как вызвать? – задаю вопрос Руслану.

– Позвоните мне, я распоряжусь.

Серая «тойота» Толика стоит во дворе здания напротив.

– Из этого здания вел наблюдение? – спрашиваю парня.

– Из этого, – кивает тот. – Мы здесь сняли небольшой офис на третьем этаже.

– А как же тебя взяли?

– Позвонила женщина по внутренней связи, представи-

лась управляющей. Сказала, что у нас неправильно составлен договор аренды и что к нам поднимается администратор, чтобы исправить один пункт. Я как этого управляющего увидел, сразу понял, что что-то тут не так. Это тот бычара, что потом с тобой в кабинете был. Пока он мне в нос какие-то бумаги тыкал, ввалился второй, и они... В общем, мы чуток повозились, потом вошел этот, Руслан и подставил мне к голове пушку. Слушай, Олег, – Толик заинтересованно взглянул на меня. – А чего этот, кх-м, администратор Руслану фак показал? Я думал, у того лысина запузырится от температуры после этого.

– Просто мы с ним поспорили, покажет он фак своему шефу, или нет, – горестно вздыхаю. – Я проиграл.

Толик недоверчиво смотрит на меня, но сомнение не высказывает.

– Куда поедем? – спрашивает он, усаживаясь за руль. – Может, зарулим в кафе? А то жрать охота, аж не могу.

– Поехали, – равнодушно соглашаюсь, пытаюсь навести хоть какой-то порядок в своих мыслях.

По дороге узнаю у Толика, во что его посвятил Василий. Шеф лишь объяснил ему, что я сижу на крючке у людей из этой партии, и поручил пока вести оперативную съемку всего, что движется у ихнего штаба. Сам же два дня где-то молтался, что-то узнавал, а вчера пропал бесследно. Толик, естественно, грешил на «большевиков», но я сказал, что это маловероятно. Еще попытался выяснить у парня, с кем встре-

чался Василий за эти дни. Но оказалось, Суровцев не посвящал его в свои действия. Так же у Толика не было координат однокурсника Василия, на которого тот частенько ссылался. После обеда, по приезду в мое логово, я поручил Толику выяснить в своей конторе, нет ли там координат этого однокурсника. Сам, позвонив Игорю и поинтересовавшись, как идут дела, а также сообщив, что у меня все в порядке, погрузился в размышления.

Куда же делся сыщик? Неужели Толик прав, и это действительно демонстрация угрозы Катерины, что в случае моего отказа ей содействовать пострадают мои друзья? Но я ведь согласился. Пусть и привлек негласно Василия. К тому же, если бы его исчезновение было делом рук пособников Катерины, то зачем ей было рекомендовать мне привлечь его к делу? И почему тогда оставили Толика? С другой стороны, если не Катерина, то кто? И почему я вообще так ставлю вопрос? Почему кто-то обязательно должен убрать Василия? Но куда он тогда делся? Блин, замкнутый круг. Ладно, Катерина пообещала по возможности помочь с поисками Василия. Посмотрим, что у нее получится, раз у самого нет никаких зацепок. Пока надо поразмышлять, как сойтись с Сатириным.

Следующие пару дней я с помощью Руслана изучал все столичные места, где бывает мой клиент. Блин, я уже стал мыслить, как какой-то киллер. Толик мотался во все эти места, изучая районы, местоположение зданий, пути подъезда.

Иногда я ездил с ним.

Несколько раз выходил на улицу, чтобы попрактиковаться в так называемом управлении оболочками. Получалось действительно не со всеми. Да я и не пытался овладеть всеми подряд. Выбирал, скажем так, тех, кого не жалко. Первым попробовал взять под контроль тело милицейского полковника, выходящего из шикарного «Доджа», но как будто увяз в чем-то густом и выталкивающем. Полковник покачнулся и схватился за голову.

— — Что с тобой, дорогой?! — подскочила к нему вылезшая из пассажирской двери высокая блондинка, внешне подходящая ему в дочери, если не во внучки.

Я тут же прервал попытку и быстро прошел мимо. Тем более что мне и самому эта попытка не доставила удовольствия.

Вспомнив об инструкциях Катерины, попытался поискать кого-нибудь более примитивного. На глаза попался громила, стоявший у входа в валютный обменник. На этот раз все прошло как по маслу. Очутившись в его теле, зашел в обменник.

— Внимание! — крикнул, напугав единственного клиента и обслуживающую его кассиршу. — Это не ограбление! Можете быть спокойны!

Прокричав это, вышел, сопровождаемый обалдевшими взглядами, поставил тело на прежнем месте, в прежнюю позу и отключился от него. Громила моргнул, переступил с ноги на ногу и вновь застыл, думая о чем-то своем. Интересно, о

чем сейчас думают кассирша с клиентом? Наверное, о том, где взять чистые портки...

Вечером решил поужинать в небольшом уютном кафе, обнаруженном во время дневной прогулки в паре километрах от моего жилища. Надо было как-то развеяться, отвлечься от дум о том, о чем я не имел ни малейшего понятия, но что мне предстояло сделать. Оставив Толика смотреть по телевизору футбол – как раз проходил очередной чемпионат – отправился в кафе пешим ходом.

Плотно поужинав, еще около часа с удовольствием слушал инструментальную живую музыку. Однако подгулявшая публика все чаще стала заказывать музыкантам играть заезженные попсовые хиты, и в начале одиннадцатого вечера я покинул заведение. К тому же, публика прибывала, свободных мест становилось все меньше, и администратор, дородная тетка, чем-то напоминавшая домомучительницу из мультика про Карлсона, уже бросала хищные взгляды на мой столик, который я занимал один.

Домой идти не хотелось, и я долго бродил по ночному городу, пока не забрел в маленький безлюдный скверик, уютившийся между двумя длинными зданиями, выходящими на него задними стенами. Несмотря на многолюдность ночных улиц, в сквере почти все лавочки были пусты, только из дальнего конца доносились невнятные голоса. Вероятно, сказывалось отсутствие освещения. Сев на первую попавшуюся лавочку, погрузился в размышления. Возможно, ночная

свежесть навеет в мой мозг какую-нибудь умную мысль.

Голоса на том конце сквера стихли. После небольшой паузы слышались торопливые шаги, и мимо меня пронеслась растрепанная девушка. Мне показалось, что она всхлипывала. Я уже с интересом посмотрел в ту сторону и, благодаря особенностям своего зрения, способного отчетливо видеть в кромешной тьме, узрел трех человек в милицейской форме. Они неспешно, излучая всепоглощающую самоуверенность и абсолютное презрение ко всем, кто ниже их по званию, двигаются в мою сторону. Ну, что ж, судя по выражению лиц, это просто прекрасные кандидатуры на роль подопытных кроликов, для отработки навыков управления чужими оболочками.

Через минуту троица остановилась прямо передо мной. Своими позами они явно подражали героям вестернов, ноги широко расставлены, руки висят на засунутых под широкие поясные ремни больших пальцах. Не хватает только широкополых шляп с шерифскими звездочками вместо серых ментовских головных уборов.

– И по какому поводу скучаем? – задает вопрос молодой лейтенант с лихо заломленной на затылок кепке.

– Оно тебе надо, лейтенант? – задаю встречный вопрос.

– О-па! – удивляется один из его подчиненных, с пустыми погонами. – Какой клиент наглый пошел!.

– Предъявите ваши документы! – сорвавшимся на визг голосом рявкает лейтенант, заложив руки за спину и шире рас-

ставив ноги, словно готовясь к неожиданному порыву ветра.

Стоящие по обе руки от него подручные с многообещающим видом отцепляют от поясов дубинки. Возмутившийся наглостью клиентов пухлощекий рядовой, растянув губы в милой улыбке, начинает многообещающе похлопывать дубинкой по левой ладони. Второй подручный, младший сержант, с задумчивым видом рассматривает свою дубинку, будто обнаружил на ней какие-то непонятные узоры.

– Мои документы у него, – киваю на младшего сержанта.

Лейтенант с рядовым удивленно поворачиваются к товарищу. Закрываю глаза и легко беру под контроль тело задумчивого мента.

– Разрешите обратиться, товарищ лейтенант! – рявкаю, приложив руку к виску.

– Ты чего это, Сыч? – офигевший летеха буквально выкатывает изумленные глаза. – Ну, обращайся.

– Документы у него, – указываю дубинкой на рядового.

– Ты чо-о?! – в свою очередь выкатывает глаза тот. – Какие документы? Где они у меня?!

– Вот здесь, – нога, обутая в массивный ментовский ботинок, врезается между удобно расставленных ног. Глаза пухлощекого выкатываются еще сильнее. Издав звук, похожий на звук вырывающегося из пробитой покрышки воздуха, он складывается пополам.

Взгляд, застывшего с открытым ртом лейтенанта, словно маятник перескакивает с одного своего подручного на дру-

гого.

– А может, документы у тебя? – тыкаю дубинкой ему в грудь.

– Э, э, – летеха поспешно закрывает пах ладонями и отступает на шаг. – У тебя что, ептить вот, крыша поехала, что ли?! Ты зачем Тимоху...

Не дослушав, легонечко бью дубинкой снизу по подбородку, заставив его рот со стуком захлопнуться. Заметив, что лейтенант тянется к кобуре, уже сильнее бью его по предплечью. В больших мальчишеских глазах отражается испуг. Страшно, гаденыш? А той девчонке, что бежала от вас, всхлипывая, не было страшно? А остальным вашим «клиентам» страшно не бывает?

– Предъявите ваши документы! – говорю металлическим голосом.

– Ты чо, Сыч...

Снова резко бью его по предплечью.

– Документы!

– Щас, – всхлипывая, визжит лейтенант. Дрожащей левой рукой расстегивает нагрудный клапан и достает удостоверение.

Беру его и, не глядя, начинаю рвать на мелкие кусочки. Летеха сквозь слезы смотрит на это, не решаясь возражать.

– Отныне ты под моей опекой, – сообщаю лейтенанту, закончив уничтожать его удостоверение. – Ферштейн? Ферштейн, спрашиваю, или нихт!?

– Ферштейн! – визжит тот, закрываясь руками от взметнувшейся вверх дубинки.

– И ты под моей опекой, – сообщаю пухлощекому Тимохе, начинающему приходить в себя, и перепоясываю его дубинкой по левому боку.

Лейтенант смотрит на происходящее ничего не понимающими глазами. Еще минуту назад он был практически властелином вселенной, и вот мир рухнул ему на голову без всяких на то логических объяснений.

– А я под твоей опекой, – кладу ему руку на плечо и успокаивающе похлопываю. – Ферштейн?

– Ферштейн, – поспешно соглашается тот.

– А раз ферштейн, тогда держи, – протягиваю ему свое орудие экзекуции. – Врежь мне со всей дури в лоб. И не дай Бог замечу, что ты ударил не в полную силу...

Видя, как лейтенант заносит дубинку, отключаюсь от тела сержанта, и тут же дубинка с глухим стуком врезается в его лоб. Тело, словно подкошенное, падает мне под ноги.

– Ы-ы-ы, – летеха роняет из рук дубинку и, ноя, опускается на тротуарную плитку. – Ы-ы-ы...

Встаю с лавочки и выхожу на освещенный проспект. Многочисленные ночные прохожие двигаются в обе стороны веселыми компаниями, и никому нет никакого дела до темного скверика.

По дороге в «Стар Сити» мне вспомнилось мое нападение на дом Скобина пять лет назад. Особой гениальностью разработанного плана оно не отличалось, большая часть была полным экспромтом. Нынешнее же предприятие не имело вообще никакого плана. Толик вез меня к закрытому для обычных посетителей бизнес-клубу, где, по дошедшей до меня информации, заключали сделки, а также обильно обмывали их, отечественные толстосумы. Это, естественно, был не единственный такой клуб в столице, но именно в «Стар Сити» часто появлялся Сатирин. С какой целью я туда направлялся, не было известно даже мне самому. Просто надоело бездействовать, изводя себя разными нехорошими мыслями.

Вечерняя столица пестрела разноцветными рекламными огнями и подсвеченными вывесками. Прошедший дождик намочил тротуары и автомагистрали, и теперь в них расплывчато отражались многочисленные пешеходы и нескончаемый поток автомобилей. М-да. В нашем городке в этот час жизнь на улицах, конечно, не замирает совсем, но машин становится значительно меньше, нежели днем. Да и прохожие выглядят по-другому, они уже не спешат по своим делам торопливой походкой, а неспешно прогуливаются парами или небольшими компаниями. Здесь же с наступлением вечерних сумерек ничего не изменилось – те же встречные потоки пешеходов, обтекающие друг друга, та же транспор-

терная лента машин, останавливающаяся временами, повинаясь сигналам светофоров.

– Подъезжаем, – сообщил Толик, поворачивая машину в левый поворот.

Эта улица была менее оживленная, но все же движения хватало. Найдя свободное место, Толик приткнул «Тойоту» к поребрику.

– Туда нас вряд ли пустят, – кивнул он на шлагбаум перед въездом на территорию клуба, что находился на противоположной стороне магистрали.

– Постоим пока здесь, – соглашаюсь с ним. – Понаблюдаем.

Подъезжавшие к клубу крутые иномарки лишь замедляли ход перед въездом, как шлагбаум тут же автоматически поднимался. То ли у водителей были брелки дистанционного управления, то ли тот, кто им управлял, знал все номера машин, которым был разрешен въезд на территорию. После десятиминутного наблюдения за публикой, прибывающей в «Стар Сити», в голове начало зарождаться некое подобие плана. Удивив Толика заявлением, что собираюсь пару часиков вздремнуть, перебираюсь на заднее сиденье и продолжаю наблюдение.

К парадному крыльцу, миновав шлагбаум, подъезжает белоснежная иномарка неизвестной мне модели. Вышедший из передней двери широкоплечий атлет открывает заднюю дверь, из которой выходит горбоносый долговязый джентль-

мен в маленьких круглых очках. Джентльменский вид ему придают черный смокинг и высокомерный вид. Что-то в его облике кажется мне знакомым. Он протягивает руку, и в его ладонь опускается, украшенная кольцами и небольшими перстнями, женская ручка, показавшаяся из салона автомобиля одновременно с женской ножкой, обутой в серебристую туфельку на высоком каблуке. Из салона появляется эффектная блондинка в сверкающем серебристом платье, умеренной длины. Ростом она под стать своему спутнику. А за счет высоких каблуков даже немного выше.

Наметившись было на сопровождавшего их охранника, я вдруг перевожу взгляд на блондинку, проникнувшись возникшей вдруг авантюрной мыслью. А почему бы и нет? Попытка, как говорится, не пытка.

Откинувшись на спинку сиденья, закрываю глаза и с удивительной легкостью беру под контроль тело блондинки. Некоторое время смотрю на принадлежащие мне стройные женские ноги, затем поднимаю взгляд на стоявшего передо мной очкарика. Ба! Да это же старый знакомый. Надо же, как тесна многомиллионная столица. Я видел его всего лишь раз, пять лет назад в тот злополучный вечер в «Доме Охотника». Он тогда, будучи совсем еще юнцом, посетил наш городок в компании своих друзей. Кажется, его папа был каким-то министром или замом. Похоже, и сынку отломился неплохой кусочек от ведомства того министерства.

– Что ты так на меня смотришь, Лина? – спрашивает он

удивленно. – Как будто в первый раз видишь.

– Извини, задумалась, – я хотел было добавить «дорогой», но не стал, не зная, какие у них отношения.

Беру его под руку, и мы направляемся к порожкам. Сразу понимаю опрометчивость своего поступка. Я просто не могу ходить на каблуках. Мои колени непроизвольно подгибаются. Возникшее было решение перепрыгнуть в тело охранника, приходится отбросить, ибо он вновь усаживается в автомобиль, который тут же трогается в сторону стоянки.

– Да что с тобой такое? – снова слышу удивленный голос своего спутника.

– Что-то голова закружилась, – крепче хватаюсь за его локоть, заставив очкарика поморщиться. – И ноги как будто отнимаются. Можно, я сниму туфли?

Черт, как же его зовут? Как мне вообще к нему обращаться?

– Ну-у, сними, – протягивает он. – Может, тебе нужен врач?

– Нет-нет, сейчас пройдет, – поспешно стягиваю туфли. Бр-р-р, какие холодные эти гранитные порожки, однако. Зато идти теперь гораздо удобней. Не знаю, соответствует ли моя походка походке модели, но хотя бы коленки не подгибаются.

Поднявшись по порожкам, входим в просторный холл. Очкарик подводит меня к кожаному дивану, расположенному под одной из массивных колонн, подпирающих высокий

потолок, и предлагает присесть. Я тут же опускаюсь.

Так. Надо осмотреться. Лина, телом которой я столь опрометчиво воспользовался, наверняка бывала здесь не раз. Или нет? Каков вообще ее статус в компании этого высокомерного доходяги?

Непроизвольно дергаюсь, когда он опускается рядом и кладет свою ладонь мне на колено. Но вовремя сдерживаю себя, хоть и передергиваю плечами.

– Лина, – говорит он каким-то вкрадчивым голосом. – Ты случайно не беременна?

Офигеть! Вот это поворот! Широко открытыми глазами блондинки смотрю на него, не зная, что ответить.

– Лина, – его длинные тонкие пальцы впиваются в мою коленку. – Если это так, то с этим лучше не затягивать. Ты меня понимаешь?

Это он что, предлагает мне избавиться от ребенка? Да я эту очкастую арматурину щас... Тьфу ты, чего это я вдруг так распалился? Спокойнее надо быть.

– Лина, ты почему молчишь? Я прав?

– О чем ты говоришь? – делаю непонимающее выражение лица. – Нет никакой беременности. Просто у меня слегка закружилась голова. Это, вероятно, следствие новой диеты.

– Какой диеты? – теперь непонимающее выражение появляется на лице очкарика.

– Олег, может, сходить купить что-нибудь перекусить?

Сбитый с толку, кручу головой, оглядывая холл, но сооб-

ражаю, что это я слышу Толика, сидящего за рулем в машине

– О какой диете ты говоришь? – требовательно повторяет вопрос спутник блондинки.

Да ё-моё, мне что, разорваться, что ли?!

– погоди, – говорю одновременно двумя голосами. М-да, а Катерина намекала на то, что она способна управлять целой группой оболочек. Вот, блин, и я уже начал называть наши тела оболочками... Ладно, сейчас надо не об этом думать. Вспоминая уроки, преподанные Катериной, сосредотачиваюсь на своем теле и говорю Толику, чтобы он шел куда угодно, лишь бы дал мне вздремнуть пару часиков.

– С тобой все в порядке? – удивленно спрашивает Толик.

Если он сейчас спросит, не беременный ли я, то это явный признак того, что я сошел с ума.

– Лина, да что с тобой? – продолжает тормозить мою коленку очкарик.

– Не тер..., – начинаю было я, но соображаю, что говорю не тому, кому надо, переключаюсь на блондинку. – Не тереби так меня! Мне же больно. Теперь останутся синяки.

Я сбрасываю его руку с коленки и переключаюсь на свое собственное тело.

– Со мной все в порядке, – говорю уже Толику. – Просто у нас есть два свободных часа, и я хочу провести их с пользой для организма.

– Зачем же мы так рано приехали? – удивляется тот.

– Эдик, Лина, вы что тут расселись? – раздается женский

голос. – Да вы никак ссоритесь?

– Иди, Толик, иди. Не отвлекай меня. Потом все объясню, – отмахнувшись от непонятливого помощника, закрываю глаза и концентрируюсь на Лине. Кто это тут к нам подошел? Ух ты! Вот это грудь! Да и все остальное...

– Линочка, ты почему босиком? – не дожидаясь ответа на предыдущие вопросы, спрашивает подошедшая пышногрудая шатенка в легком изумрудном вечернем платье. Она приветливо смотрела на меня своими огромными голубыми глазами. Я на миг даже забыл, что нахожусь в теле девушки, и хотел уже привстать, чтобы поприветствовать даму и высказать восхищение ее красотой, но снова вовремя сдержался.

– Элли, это ты опять навязала Лине какую-то дурацкую диету? – спросил мой спутник.

– Ой, братец, отвянь, – отмахнулась Элли и снова обратилась ко мне: – Так почему ты босиком, подруга?

– Надоели эти каблукы, ноги от них болят, – отвечаю протяжно, капризно надув губки.

– Ну, ты даешь! – Элли пару раз хохотнула и, потянув меня за руку, страстно зашептала на ухо: – Пойдем, что-то покажу. Обалдеешь.

Я подцепил с пола свои туфли, не оставляя же их, и пошлепал по холодному мрамору вслед за шатенкой.

– Э-э... – попытался было что-то сказать поднявшийся с дивана Эдик. Но очередное Эллино резкое «отвянь» заткнуло его на полуслове.

По пути мы по очереди чмокнулись с какой-то расфуфыренной теткой, пообещав непременно что-то с ней обсудить. Наконец Элли затащила меня в дамскую комнату. Я затравленно огляделся вокруг. К счастью здесь никого не было. Элли подошла к огромному, на всю стену, зеркалу, повернулась ко мне и резко задрала подол.

– Смотри и завидуй! – воскликнула она.

От увиденного я буквально закипел. Вполне естественная мужская реакция заставила меня, сосредоточившись на моем личном теле, судорожно нащупать кнопку стеклоподъемника. Опустив стекло, делаю несколько судорожных глотков вечернего воздуха. Блин, так и инфаркт заработать можно.

– Что остолбенела? – слышу ехидный голос сумасшедшей шатенки. – Потрогай, если хочешь. Знаешь, какое оно нежное. Я его почти не ощущаю.

– К-кого? – заикаясь, спрашиваю я, еле сдерживаясь, чтобы не потрогать. Ох, как же хочется потрогать!

– Т-того, – передразнивает меня Элли. – Обалдела от зависти? На, смотри дальше.

Сказав это, она сдернула через голову платье.

Я подскочил, ударившись головой о крышу салона автомобиля. Вот это фигура!!! А эти прозрачные розовые ленточки практически ничего не скрывают. Стоп. Так это их она мне демонстрирует? Это, типа, нижнее белье? Блин, блин, блин... И как я должен реагировать?

– О-бал-деть, – произношу по слогам голосом Лины, и на-

до сказать, что произношу вполне искренне.

– Вот то ж, – гордо заявляет Элли, продолжая вертеться перед зеркалом. – У тебя сигареты с собой? А то я пачку на столике оставила.

– Не курю, – отвечаю машинально и, увидев, как на меня взглянула Элли, понимаю, что сморозил что-то не то.

– Слушай, подруга, у тебя с мозгом все в порядке? – девушка подошла ко мне вплотную и взглянула в глаза. Наши груди соприкоснулись...

Все! Надо что-то делать! Что? Взять под контроль другое тело. И где взять это тело?

– Я хотела сказать, что бросила курить, – начинаю оправдываться, лихорадочно ища выход из сложившегося положения?

– Курить бросила? Девочка моя, что это с тобой? Курить бросила, босиком ходишь. А про какую такую диету братец говорил? А ну, признавайся, с кем связалась?!

– Да ни с кем я не связалась. С чего ты взяла, Элли?

– И чего это ты меня так называешь? Элли. Прямо как братец, – Элли прищурила глаза, взяла меня за плечи и еще сильнее прижала к своей груди. – А-а-а, я, кажется, дога-ады-ваюсь, под чье влияние ты попала.

– Под чье?

В голове уже созрели одновременно два решения, и я лишь раздумывал, какому последовать. Первое, самое простое – отключиться от тела девушки и искать новые пути.

Второе – проехаться по сознанию Элли, что, судя по прошлым моим экспериментам, могло вызвать у нее головокружение или сильную головную боль и заставить потерять интерес к странностям ее подруги, телом которой я сейчас распоряжался. Я склонялся ко второму, ибо если и отключаться от оболочки Лины, то только переключившись на другую, находящуюся в этом здании, дабы не искать новые пути проникновения сюда. И я потянулся к Элле.

– Ты тоже связалась с этой сучкой, новой женой Сатирина. Эта фотомодель скоро всех заставит заниматься своей йогой. . . , ох, – охнув, Элли покачнулась и схватилась за голову.

Я лишь слегка успел коснуться ее сознания, как упоминание о Сатирине заставило изменить решение. Та-ак, кажется, ткнув пальцем в небо, я не так уж сильно и промахнулся. Теперь надо постараться выяснить о Сатирине побольше.

– Что с тобой, Элли? – изображаю взволнованный вид. – Тебе нехорошо?

– Не называй меня Элли, – шипит та сквозь головную боль. – О, Боже, голова раскалывается, словно с будуна.

Как же ее называть? Может Эллочкой Людоедкой? Как бы закрутить разговор вокруг Сатирина?

– С чего ты взяла, что я попала под влияние этой, э-э-э, Сатириной? – спрашиваю, с облегчением наблюдая, как девушка натягивает платье.

– А о чем ты вчера с ней целый вечер болтала?

– Вчера?

– Вчера. Скажи еще, что ты была настолько пьяна, что ничего не помнишь.

– Скажу, – решаю воспользоваться подсказанным решением. – Совершенно ничего не помню.

– Да ладно?!

– Ей богу, Эльчик. Не знаю, что я такое вчера выпила, но, вот не поверишь, память как отшибло.

– То-то ты вчера даже не попрощалась со мной, – Элли не обратила внимания на то, как я интерпретировал ее имя, вероятно, такое его звучание было для нее привычно.

– Неужели? Ой, Эльчик, извини, – стараюсь изобразить на лице искреннее раскаяние.

– Олег, – врывается голос Толика. – У тебя жар?

– С чего ты взял?

Ловлю удивленный взгляд Элли. Тьфу ты...

– С чего ты взял? – спрашиваю теперь уже своим голосом.

– Ты вон красный весь и мокрый, – Толик что-то жует, но я не открываю глаза, чтобы по неопытности не потерять контроль над телом девушки.

– Сон мне эротический приснился, – изображаю в голосе как можно больше раздражения, чтобы отбить у парня желание задавать вопросы.

– Кто с чего что взял? – это уже спрашивает Элли. – Ты обуваться думаешь? Или так и будешь весь вечер шлепать босиком?

Не отвечая, начинаю обувать злополучные туфли. В голо-

ву приходит совет Катерины, что не надо думать о том, как идти, надо просто идти не задумываясь. Но для начала надо просто постоять, привыкнуть.

Через пятнадцать минут мы уже пересекали холл в направлении открытых массивных дверей, в которые легко можно было проехать грузовик. За это время я поведал подруге о том, что действительно решил... решила заняться йогой и, выполняя какое-то замысловатое упражнение, чуть ли не вывихнула себе бедра, и именно поэтому у меня такая напряженная походка. Еще подтвердил, что действительно почти не помню вчерашнего дня, и поинтересовался, будет ли Сатирин со своей супругой сегодня? И еще будто бы вдруг вспомнил фрагмент нашего, якобы, общения с Ольгой, так Элли назвала новую жену Сатирина.

– Представляешь, – шептал я в Эллино ушко, придерживаясь за ее локоть. – Оказывается, у нас с Ольгой есть один общий интересный знакомый. Ой, Эльчик, но только это между нами. Хорошо?

– Ох, Линка, дождешься ты. Расскажу я обо всем братцу.

– Да что ты! Ты неправильно все поняла. Для меня он просто знакомый, а вот для Ольги... – я многозначительно замолчал.

– Интересно, интересно. Надо, чтобы ты мне рассказала об этом подробнее, – заинтересовалась подруга.

Неожиданно созревший авантюрный план требовал немедленного воплощения, иначе я просто долго не выдер-

жу в теле девушки. А что с ней произойдет после моего отключения, неизвестно.

Блин, как раздражает это чавканье и хлюпанье, раздающееся с переднего сиденья. Толик явно решил основательно подкрепиться. Наверное, надо было вызвать Игоря. Он уже давно привык к моим необъяснимым странностям и не задавал бы лишних вопросов.

Мы входим в огромный зал. В центре под большой люстрой выложенная из зеленого камня клумба с высокой веерообразной пальмой. Столов не так уж и много, все они стоят ближе к стенам на значительном расстоянии друг от друга. За одним из них замечаю Эдика, находящегося в компании с двумя мужчинами и двумя, вероятно, сопровождающими их женщинами. Он бросает на меня недовольный взгляд и укоризненно качает головой. Да пошел он. Если мы сейчас разойдемся с Элли, то, во-первых, мне не за кого будет держаться, а ходить на высоких шпильках не задумываясь, не получается. Во-вторых, тогда наверняка сорвется воплощение задуманного мною плана. Нет, допустить этого нельзя!

– Эльчик, – стараюсь увлечь девушку обратно. – У меня родилась идея. Мне просто необходимо немедленно ею с тобой поделиться. Иначе я сгорю от нетерпения.

– Это так срочно? – влекомая мною, она возвращается в холл, и мы усаживаемся на один из диванчиков.

– Ты должна мне помочь в осуществлении одного, хм, как бы это сказать, розыгрыша, – продолжаю напирать, заговор-

щицки прижимаясь к ней... До чего же все таки хороша, чертовка!

– Терпеть не могу слово «должна», но ты меня заинтриговала. Выкладывай порождение своего блондинистого мозга.

Я начинаю сбивчиво объяснять ей про, якобы, нашего общего с Ольгой знакомого, намекать на их прошлые отношения и постепенно подвожу ее к самой сути замысла.

– Представляешь, как интересно будет наблюдать за реакцией Ольги, если вдруг она заметит его здесь. А если его еще и представить Сатирину... Олег, кстати, сейчас в столице.

– О-о, а ты та еще сучка! Уважаю, – Элли приглушенно рассмеялась. – Его, значит, Олег зовут.

Я постарался изобразить смущенно-польщенную улыбку.

– И кто же его сюда проведет? И тем более, представит Сатирину?

– Если бы я знала ответы на эти вопросы, то не обратилась бы к тебе за помощью. Эльчик, ты же понимаешь, что я этого сделать не могу. Во-первых, из-за Эдика. Во-вторых, Ольга знает о том, что я знаю об их прошлом, и сразу заподозрит подвох.

. – Лина, я тебя не узнаю. Ты как будто стала совершенно другим человеком. – Элли задумчиво смотрит на меня

– Ты к чему это? Не хочешь помочь, так и скажи, – обиженно надуваю губки.

– Расскажи мне о нем подробнее.

– Ну, я не очень-то много про него знаю. Бизнесмен из

одного провинциального городка. Руководит строительной компанией. Также владеет цехом по выпуску эксклюзивной мебели.

– Так. Про эксклюзивную мебель подробнее. За это можно зацепиться.

– Да откуда ж я знаю подробнее? – пожимаю плечами. – Зачем мне надо было этим интересоваться? Но, если хочешь, могу позвонить, узнать интересующие тебя нюансы.

– Звони. Мне нужна мебель для нового салона. Естественно, финансовый вопрос будет решаться с Аликом. Но это как раз и может быть предлогом затащить сюда твоего Олега.

– Он не мой, – деланно возражаю я и лезу в сумочку, надеясь найти там мобильник. Боже, чего там только нет. Вот и сигареты. А вот и телефон. – Что ему сказать-то? А впрочем, дам тебе трубку, поговоришь с ним сама.

Набираю номер своего телефона.

– Олег, у тебя телефон звонит, – говорит Толик.

Игнорируя гудки, Толика и мелодию звонка, я якобы разговариваю по телефону с собой, сообщая себе, что со мной хотят поговорить по поводу заказа на мебель для имидж-салона. После чего передаю трубку Элле, переключаюсь на свое тело и нажимаю на своем телефоне кнопку ответа.

– Але. Здравствуйте.

– Здравствуйте. Чем могу быть полезен?

– Лина сказала, что вы занимаетесь производством эксклюзивной мебели по индивидуальным заказам.

– Да, это так.

– Я могу сделать вам заказ?

– Чтобы ответить на этот вопрос, я должен узнать подробно, что именно вы хотите заказать. Но это не телефонный разговор.

– Разумеется. Вы надолго планируете задержаться в столице?

– Вообще-то, в моих планах было завтра вернуться домой.

– В таком случае, мы могли бы уже сегодня встретиться, чтобы предварительно ознакомиться с совместными предложениями и условиями.

– В принципе, можно, – после некоторого раздумья отвечаю я.

Далее Элли называет мне адрес клуба, диктует номер своего телефона и спрашивает номер автомобиля, чтобы сообщить охране, дабы пропустили на стоянку. Я в свою очередь, сообщая, что смогу подъехать не ранее, чем через час, ибо плохо знаю столицу, и мы завершаем разговор. Переключившись на тело Лины, ссылаюсь на внезапное головокружение, прошу Элли проводить меня к Эдику.

– Ты не беременна, подруга? – вдруг задает вопрос Элли.

– Не говори ерунды, Эльчик.

Она провожает меня к столу, за которым находится Эдик, и, поздоровавшись с присутствующими и перекинувшись парой слов с братцем, удаляется. Я усаживаюсь на выдвинутый Эдиком стул и отключаясь от тела девушки. Надеюсь,

мне оно больше не понадобится.

– Толик, гони скорее домой, – говорю изнывающему от безделья парню. – Чем быстрее, тем больше пользы.

Мне необходимо принять душ и сменить рубашку, ибо эта насквозь промокла от пота, после перенесенного мною потрясения, когда Элли демонстрировала свое белье, если эти прозрачные лоскутки можно назвать бельем.

По пути звоню Светлане. Игнорируя ее недовольный тон, сообщаю, что, возможно, через пару часов выйду на наш сайт, чтобы ознакомить потенциальных клиентов с нашими предложениями, и было бы неплохо, если бы Светлана, на всякий случай, была на связи.

– С каких это пор ты стал решать дела с клиентами по ночам? – ворчит она недовольно. – Мне что теперь, всю ночь не спать?

– Спи, Светик. Но будь готова к тому, что я могу позвонить в любой момент. Договорились?

– Ладно. Ты домой-то когда приедешь? – уже более миролюбиво говорит она.

– Как утрясу все дела, так сразу домой. Может, еще тебе придется ехать сюда, если выгорит с этими клиентами. Все, Светик, мне некогда. Извини. Пока.

Толик как раз въехал на площадку перед домом с выделенными мне апартаментами.

***

Через час с небольшим Толик останавливает машину у

шлагбаума перед въездом на территорию «Стар Сити».

– Ты уверен, что нас пропустят? – спрашивает он.

Я в ответ лишь неопределенно пожимаю плечами. Элли обещала сообщить номер автомобиля охране. Примерно минуты через полторы, когда я уже собирался набрать ее номер, шлагбаум поднялся.

– Высади меня у крыльца и отгони машину на стоянку, – заметив на лице парня явное недовольство тем, что я использую его лишь как личного водителя, добавляю: – Потусуйся там среди шоферов и телохранителей, попытайся выведать всю информацию, какую можно. Но явно с расспросами не лезь, чтобы не вызвать подозрение.

– Понял, – кивает Толик и, после того как я, прихватив ноутбук, выхожу из машины, отъезжает в сторону стоянки.

Поднявшись в уже знакомый холл, сажусь на один из диванов и, набрав номер Элли, сообщаю о своем прибытии. Она выходит в сопровождении высокого мужчины примерно моего возраста. Хотел было подняться навстречу, но сообразил, что не могу знать ее в лицо, ибо мы общались только по телефону. Она же наверняка меня узнает, так как в холле, не считая снующей прислуги, нахожусь только я один. Мельком окинув взором помещение, Элли действительно сразу направляется в мою сторону.

– Здравствуйте. Вы Волин Олег?

– Здравствуйте. Да, я и есть Олег Волин, – поднимаюсь и слегка склоняю голову в знак приветствия. – А вы ...

– Элеонора, – представляется девушка и кивает на своего спутника, равнодушно взирающего на меня с высоты почти двухметрового роста: – Это Алекс.

Алекс еле заметно кивает. При этом даже не глядя на меня.

– Извините, Лина не смогла вас встретить. С ней произошел какой-то непонятный приступ. Эдуард повез ее домой.

– Надеюсь, с ней ничего серьезного? – произношу, думая, как бы не сорвалась затея. Вдруг Элеонора не захочет воплощать в жизнь план, предложенный Линой, в ее отсутствие. Но тогда мне необходимо лучше сойтись с Элеонорой. Элли кажется абсолютно другой, нежели была, когда я общался с ней в образе Лины. Теперь это чисто деловая женщина, без намека на шальную эротичность.

– Вероятно, нервный срыв, – отвечает Элли и делает приглашающий жест рукой. – Давайте пройдем в более удобное место для обсуждения.

Алекс, так и не произнеся ни слова, разворачивается и двигает вслед за Элли. Я следую за ними. Пройдя в зал, располагаемся за одним из столов. Ваза с фруктами, бокалы со светлой жидкостью, несколько маленьких бутылочек с чем-то вроде минералки и небольшие стаканчики – это все, что есть на столе.

Пока следовали к столу и рассаживались, пытался внимательнее рассмотреть присутствующих, но нужного мне человека так и не увидел. Возможно, Сатирина в зале и не было.

– Лина сказала, что вы владеете цехом, в котором изготавливают эксклюзивную мебель, – начала Элеонора.

– А также реставрируют, – сообщил я, доставая ноутбук из футляра. – Впрочем, сейчас вы сами сможете увидеть нашу продукцию.

Достаю ноутбук, и мы начинаем предварительное обсуждение наших обоюдных желаний и возможностей. К тому же видно, что у Элли, так же, как и у меня, голова забита другим. Она постоянно оглядывает зал, словно ищет кого-то.

Алекс, налив в стакан напиток из маленькой бутылочки, молча рассматривает пузырьки, осевшие на стекле.

– Алик, – обращается к нему Элли. – Ну, извини, что я тебя оторвала от компании. Но неужели тебе ни капельки не интересно?

– Элеонора, – голос у Алекса оказывается неожиданно низким. – Ты же знаешь мои аскетические взгляды. А тем более я ничего не понимаю в твоих салонах.

– Симпатичная у Сатирина новая супруга, – вдруг говорит Элли, глядя на появившуюся в зале стройную брюнетку. – Правда, Алик?

Алекс все так же отстраненно пожимает плечами. Я замечаю мимолетные взгляды, бросаемые на меня Элеонорой. Она ждет от меня какой-то реакции. Ну что ж. Устремляю взгляд на брюнетку и, как будто бы, привстаю от неожиданности и тут же сажусь снова. Элли задает мне вопрос по поводу какого-то образца мебели, выведенного на экран ком-

пьютера, но я делаю вид, будто настолько поглощен созерцанием Ольги, что ничего другого не вижу и не слышу. Элли с хитрым прищуром наблюдает за моей реакцией. Рыбка попала на крючок и при этом думает, что на крючок попался рыбак. Ну-ну.

Надо сказать, ничего особенного в этой Ольге нет. Лицо симпатичное, но какое-то холодное, возможно, из-за слишком тонких губ. Фигура стройная, но руки и ноги слишком сухие для женщины, такие бывают у легкоатлеток. Да вроде Элли говорила, что она занимается йогой. В общем, не мой идеал. Вот Элли – мой идеал. А Ольга – не мой.

Навстречу Ольге подошли две женщины, и уже втроем они расположились в креслах у пальмы.

Делаю вид, что наконец-то совладал с собой, и мы продолжаем прерванное обсуждение. Впрочем, обсуждать уже нечего, и мы оба явно тянем время в ожидании неизвестно чего. Напрягает присутствие Алекса. Нафига вообще Элеонора его притащила. Сидит как сыч, ни разу даже не взглянул на экран. Может, шархнуть его по мозгам, чтобы у него был повод удалиться, сославшись на недомогание? А вдруг он нужен для того, чтобы свести меня с Сатириным? И где этот чертов Сатирин?

Словно в ответ на мой невысказанный вопрос, в дальнем конце зала открылась одна из дверей, и из нее вышел Сатирин. Его самодовольная грушеобразная физиономия хорошо запомнилась мне по многочисленным фотографиям,

которые я просматривал вместе с различной информацией о нем в последние два дня. Зато ростом он оказался значительно выше, чем мне представлялось. Сатирин, почему-то, представлялся мне если не карликом, то далеко ниже среднего роста. Теперь же я увидел довольно высокого мужчину, вполне нормального телосложения, без обязывающего животика или болезненной худобы.

– Алик, Виктор Аркадьевич вышел, – Элли взяла Алекса за руку.

– Я вижу, – ответил тот, почему-то поморщившись. – Не кидаться же мне ему под ноги.

– Но ты обещал с ним поговорить.

– Обещал, значит, поговорю, – Алекс замучено вздохнул, сделал глоток из стакана и поднялся из-за стола.

– Олег, вы не спешите? – поинтересовалась Элеонора, поднимаясь вслед за Алексом.

– У вас еще есть ко мне вопросы? – деланно поинтересовался я, типа, мы же уже все обсудили, но, на всякий случай, чтобы не переиграть, добавил: – Впрочем, в любом случае, я никуда не спешу.

– Возможно, у меня возникнут еще кое-какие вопросы, после беседы с Сатириным, – пояснила Элли. – Подождите, пожалуйста, если вас это не затруднит.

Я киваю, и девушка спешит за Алексом, который уже направился в сторону Сатирина. Сам объект общего интереса подошел к супруге и, не присаживаясь, о чем-то говорит

с ней и ее собеседницами. Наблюдаю, как к нему подошел Алекс в сопровождении Элеоноры. С минуту поговорив, они рассаживаются в кресла. Еще через несколько минут Алекс с Элеонорой и Сатирин с Ольгой поднимаются и идут в мою сторону. Похоже, моя сегодняшняя импровизация увенчалась успехом. Интересно, какую реакцию Элли ожидает от Ольги, когда та встретится со мной? В любом случае, ее ждет разочарование. Однако это уже ее проблемы. Все, что мне от нее было нужно, я добился. Хотя, если честно, я не против продолжить наше общение и в дальнейшем, только уже несколько в другом русле.

***

Я сижу на лавочке у пруда на верхнем этаже главного офиса «Партии Большинства». Меня проводил сюда Руслан и, сказав, что Катерина пока занята, но скоро освободится и просила подождать, оставил одного. Побродив по парку и понаблюдав за рыбами в пруду, решил, что в ногах правды нет, и опустился на лавочку. Несмотря на полную натуральность, этот парк все же казался каким-то неживым. И дело было даже не в застекленных металлических фермах над головой, а в чем-то еще, вроде бы очевидном, но ускользающем от понимания.

Предыдущая ночь оказалась необычайно плодотворной. Не знаю, как это скажется на решении Катерининых про-

блем, но моя фирма теперь может выйти на гораздо более высокий уровень. Осилить бы. Сегодня ночью в столицу выедет Володька. С ним приедет и Светлана. Светлана будет решать дела с Элеонорой, та вроде бы всерьез решила заказывать у нас мебель для салона. Володька едет для более детальных переговоров с Сатириным. Тот собирается начать строительство какого-то крытого стадиона по супер-новому проекту, каких еще нет нигде в мире. Строить сам стадион будет одна немецкая фирма, а вот различные вспомогательные здания и прочие постройки должна была возводить местная строительная компания, принадлежавшая через подставных лиц зятю Сатирина. Ну а так как они теперь находились в ссоре, то это место оказалось вакантно, чем и воспользовалась Элли, чтобы столкнуть меня с Ольгой. М-да... Как же она смотрела на нас, пытаясь рассмотреть хоть какую-то реакцию, якобы неожиданно встретившихся любовников. В конце концов, наверное, списала отсутствие ожидаемой реакции на нашу железную выдержку.

– Здравствуй, Олег. О чем мечтаешь? – выводит меня из раздумий голос Катерины.

Я уже настолько привык, что при ее появлении начинает что-то ворочаться в моем сознании, что не обратил на это внимания. Возможно, однажды подобное пренебрежение к внутренним сигналам меня погубит, а значит, впредь постараюсь быть внимательнее.

– Мечтаю о том времени, – говорю, традиционно не отве-

чая на приветствие, – когда ты оставишь меня в покое.

Мило улыбнувшись на мое хамство, Катерина садится рядом.

– Ты пришел сообщить о результатах?

– В первую очередь, я пришел узнать о Василии. Удалось выяснить что-либо о его исчезновении?

– О людях, похитивших твоего друга, узнаешь у Руслана.

– Но почему же он мне ничего не сказал, когда встретил?

– Потому что на это не было моего распоряжения, – просто, без всякого апломба, отвечает Катерина. – Как у тебя дела с Сатириным?

– Договорились о сотрудничестве, – нетерпеливо отмахиваюсь от вопроса. – Что с Суровцевым? Для меня сейчас этот вопрос на первом месте. Только после его решения я буду заниматься твоими проблемами.

– Ну что ж, – после недолгого обдумывания моих слов Катерина кивает на вход. – В таком случае, Руслан сообщит тебе все, что удалось узнать.

Тут же появившийся в дверях Руслан стоит в ожидании.

– Я понял, чего здесь не хватает, – говорю, поднимаясь.

– Чего где не хватает? – непонимающе переспрашивает Катерина.

– Здесь слишком неподвижный воздух, – сообщаю ей. – Потому этот твой парк кажется мертвым.

***

К офису частного охранного предприятия «Багира» мы подъехали через час. Единственное, что мне сообщил Руслан, это то, что БМВ Василия был остановлен перекрывшим дорогу черным микроавтобусом марки «Форд». После чего в машину Суровцева сели два субъекта, и дальше Василий поехал в сопровождении этого микроавтобуса. Пробив номера «Форда», удалось выяснить, что он принадлежит этому ЧОПу.

Поразмыслив несколько минут после разговора с Русланом, я понял, что размышлять – только время терять, ибо никаких стратегических планов при столь скудной информации в моей голове родиться не может, а потому скомандовал Толику ехать по указанному адресу. Узнав, что нашелся след его шефа, парень обрадовался.

– Эта «Багира» имеет к исчезновению шефа какое-то отношение? – спросил он, лавируя в потоке машин.

– С представителями этого предприятия его видели в день исчезновения.

У дверей офиса стоит здоровенный детина. Легко беру его под контроль.

– Ну что, Толик, пришла пора действовать, – сообщаю помощнику Василия. – Ты готов?

– Всегда готов! – без малейшей заминки отвечает тот. – Что нужно делать?

– Всего лишь искать твоего шефа. Видишь того амбала у дверей? Это мой человек. В самом офисе есть еще несколько

моих людей. Но они проникли сюда только сегодня, поэтому знают об обстановке внутри не больше нашего. Короче, ты сейчас идешь туда и взаимодействуешь с ними в зависимости от обстоятельств. Задача – найти Василия или информацию о его нахождении. Все понятно?

– Понятно, – кивает Толик. – Как я узнаю остальных твоих людей?

– Они знают тебя в лицо и сами сообщат о себе.

– Тогда я пошел? – Толик открывает дверь автомобиля и в последний момент задает вопрос: – А ты?

– Иди, – киваю на его первый вопрос, откидываюсь на спинку и, прикрыв глаза, отвечаю на второй: – А я пока вздремну немного. Не высыпаюсь что-то в последнее время.

Глазами охранника наблюдаю, как Толик, выйдя из машины, бросает в салон изумленный взгляд и, пожав плечами, захлопывает дверцу. Подождав, пока парень взбежит по порожкам, захожу вместе с ним в здание. За дверью длинный тамбур, во всю правую стену которого тянется бронированное стекло. За стеклом перед небольшим пультом сидит еще один охранник. Завидев нас, он нажимает клавишу и начинает что-то говорить в микрофон, торчащий из пульта.

– Что... – раздается из решетки громкоговорителя, встроенной под самым потолком, и в этот момент я беру под контроль второго охранника, освобождая первого.

– Толик, подожди здесь, – говорю в микрофон, не убирая палец с клавиши, и обращаюсь к первому охраннику, ко-

торый оглядывается вокруг ничего не понимающим взглядом: – А ты возвращайся на место.

Тот поспешно выходит. Через один из мониторов, показывающий вход в здание, вижу, как вышедший здоровяк продолжает удивленно хлопать глазами, поглядывая на дверь. Встаю из-за пульта и, подойдя к единственной двери, пытаюсь ее открыть. Не тут-то было – дверь заперта. Окидываю помещение взглядом, возвращаюсь к пульта и выдвигаю ящик под ним. Ага, связка из двух ключей одиноко лежит на его дне. Так и есть, ключи подходят к замкам, на которые заперта дверь. Хорошо еще, что замки не кодовые.

Открыв дверь, выглядываю в темный холл. В помещении нет ни единого окна, и освещение довольно тусклое. Вошедшему с улицы человеку наверняка придется некоторое время ждать, пока глаза привыкнут к этому полумраку. За столом перед поднимающейся наверх лестницей сидит очередной охранник.

– Петро, ты чего? – удивленно спрашивает он, заведя меня.

– Ничего, – буркаю в ответ, подхожу к двери в тамбур, открываю и говорю Толику: – Заходи.

Игнорируя удивленно поднявшегося из-за стола охранника, возвращаюсь за пульт, предварительно заперев за собой дверь и положив ключи на место, и переключаюсь на того, который у лестницы. Ё-о, как болит зуб! Что ж он, гад, с больным зубом на дежурство вышел... Призывно машу То-

лику и устремляюсь на второй этаж.

– Нам нужно найти кого-нибудь из начальства, – говорю догнавшему меня парню.

Тот кивает и, поднявшись на второй этаж, приоткрывает высокие двери, расположенные прямо перед лестницей.

– Здесь что-то похожее на приемную, – сообщает он, заглянув внутрь. – Может, здесь есть тот, кто нам нужен?

– Посмотрим, – захожу в распахнутые Толиком двери.

В просторной приемной, а здесь, скорее всего, действительно приемная, за монитором сидит миловидная секретарша, классическая пышногрудая блондинка. Бросив на нас мимолетный взгляд, девушка продолжает что-то набивать на клавиатуре. Справа и слева вижу две одинаковые двери, на обеих нет никаких табличек.

– Шеф у себя? – спрашиваю наудачу.

– Какой шеф? – вопросом на вопрос отвечает блондинка, не отрывая взгляда от монитора.

М-да, похоже, я попал пальцем в небо.

– Здесь пусто, – сообщает Толик, заглянув в правую дверь.

– Кого вы ищете? – наконец-то отрывается от компьютера девушка.

– Начальника, – отвечаю, стараясь изобразить милую улыбку.

– А почему вы его ищете здесь? – удивляется та. – Разве он не у себя?

– Где у себя? – задаю интересующий меня вопрос.

– Что значит, где у себя? – удивленно смотрит на меня блондинка. – Вы же наш сотрудник. Неужели вы не знаете, где кабинет шефа?

– Не знаю, – честно признаюсь я, продолжая мило улыбаться.

– Пф, – удивленно фыркает девушка. – Кабинет шефа на третьем этаже.

– Справа, слева?

– Там всего один кабинет, – снова фыркает блондинка.

Действительно, на третьем этаже всего две двери. Одна из них, правая, металлическая, больше напоминающая сейфовую. Проход к ней перегораживает металлическая решетка. Дверь слева наверняка та, что нам нужна. Но перед ней сидят два дюжих молодца. При нашем появлении они поднимаются и устремляют в нашу сторону вопросительные взгляды, мол, вы по какому поводу, ребята?

– Мы к шефу, – сообщаю молодцам и решительно двигаюсь к дверям. Но не тут-то было. Массивные фигуры надежно перегораживают дорогу.

– В чем дело? – говорю возмущенно. – У нас срочное дело.

– Ты что, не знаешь порядок? – спрашивает один из охранников.

Эх, жаль, что я так и не научился управлять одновременно несколькими телами. Сзади возбужденно сопит готовый к действию Толик. Однако видно, что и преграждающие нам дорогу парни тоже готовы к любым неожиданностям. Что ж,

попробуем тактику, опробованную на ментах в том темном скверике. Долго не раздумывая, стараюсь взять под контроль тело одного из громил, временно оставив того, в чьем теле поднялся сюда. Но опять неудача. Парень, по-видимому, из тех, кого не взять так просто, и мое сознание будто вязнет в чем-то плотном, сопротивляющемся моему проникновению. Поспешно оставляю его и пробую овладеть телом другого. На этот раз попытка удается. Тот, в кого я не смог вселиться, стоит, пошатываясь и ухватившись за голову. Взяв его за плечи, разворачиваю к себе и бью лбом в переносицу. Под хруст расплющенного носа возвращаюсь в прежнее тело, хозяин которого, получивший временный контроль над ним, ошарашено смотрит на происходящее. Блин, да что же так зуб-то болит!

Толик тоже выглядит растерянно. Он просто не понимает, что тут творится.

– Мочи этого, – киваю ему на того, чьим лбом только что воспользовался.

– Он разве не за нас?

– Нет. Он за немцев. Ты так и будешь стоять?

Охранник с недоумением смотрит на обмякшего в его руках товарища, чью физиономию он только что протаранил своим лбом. Только его растерянностью можно объяснить то, что мы с Толиком получили время на эти переговоры. Наконец Толик решается на действие. С хыканьем выдохнув, бьет охранника ребром ладони под основание черепа.

– Проконтролируй, чтобы быстро не очнулись, – говорю парню и тяну на себя дверь.

За дверью оказывается небольшой тамбур. Это хорошо, благодаря таким тамбурам достигается полная шумоизоляция, а значит, тот, кто находится за этой дверью вряд ли слышал произведенный нами шум. Толкаю вторую дверь. Странно, кабинет вовсе не большой. За расположенным посреди помещения столом никого нет. Невысокий коренастый человек стоит перед окном, разговаривая по телефону. Уже привычно отмечаю выражение удивления на лице хозяина кабинета.

– Я перезвоню, – сообщает он в трубку и обращается ко мне: – Что тебе здесь надо? Кто тебя впустил?

– Извини, – с виноватым видом развожу руками. – У меня нет времени отвечать на твои вопросы. Ибо горю желанием получить ответы на свои.

Мужик оказался то ли слишком нервным, то ли суперподготовленным. Не говоря больше ни слова, он цепляет носком ботинка ближайший стул под верх ножки и, в лучших традициях джекичановских фильмов, задуливает им в меня. Пока стул летит, хозяин кабинета ныряет за стол, еще не приземлившись, открывает верхний ящик и выхватывает из него пистолет. Возможно, он и успел бы выстрелить, если бы не заморачивался трюком со стулом. Однако мой организм среагировал на летящий стул автоматическим включением режима ускорения. Такое я испытывал последний раз пять

лет назад, во время разборок с Сараевыми. А до того и вовсе лишь читал о чем-то подобном в фантастических романах. Полет стула вдруг резко тормозится, я спокойно ухожу в сторону. Стул, плавно деформируясь, соприкасается со стеной, а я ужедвигаюсь к медленно поднимающейся из-за стола руке с блестящим никелированным пистолетом. Обойдя стол, останавливаюсь за спиной хозяина кабинета, который одной рукой давит расположенную на тумбе стола кнопку, другой взводит оружие. Его взгляд недоуменно шарит по тому месту, где только что был я. Возвращаюсь в нормальное состояние и вскользь касаюсь его сознания. Наблюдая за тем, как он, застонав, роняет пистолет и хватается руками за голову, поднимаю опрокинутое кресло и сажусь в него.

– Похоже, на нас обратили внимание, – сообщает появившийся в дверях Толик. – Судя по топоту, сюда бегут по лестнице человек десять.

Киваю Толику, чтобы зашел, и беру за плечо шефа этого заведения.

– Если не хочешь, чтобы я выжег твой мозг, отмени тревогу, – для наглядности еще раз касаюсь его сознания.

Еще при первом прикосновении определил его высокую плотность. Взять под контроль тело такого человека невозможно, по крайней мере, если и возможно, то не для меня.

Толик закрывает внутреннюю дверь и подпирает ручку валившимся стулом, от которого я полминуты назад уклонился. Тут же в тамбуре послышалась возня, и ручка затряслась

от чых-то рывков. В дверь забарабанили.

– Ну! – кричу требовательно, сильнее сжимая плечо.

Продолжая морщиться от боли, коренастый приподнимается на коленях и, нажав одну из кнопок расположенного на столе селектора, обращается к кому-то:

– Клим, убери всех. У меня все в порядке.

– Эй, Сергеич, кто у тебя? – раздается голос из селектора. – Кто Салама с Пингвином вырубил?

Я продолжаю сжимать плечо, чувствуя, как под моими пальцами расплющиваются сухожилия.

– Пошел вон, урод! – голос Сергеича от боли срывается на шипение. – И остальных уродов с собой заberi!

В ответ селектор молчит. В дверь тоже перестают стучать. Однако, судя по доносящимся приглушенным голосам, удалиться никто не собирается.

– Да отпусти ты плечо! – шипит Сергеич. – Что вам нужно?

– Не что, а кто. Суровцев Василий Семенович, – слегка расслабляю пальцы.

– Какой еще Суровцев?

Снова сжимаю пальцы.

– А-а, черт, да больно же!

– Да ты что? – наигранно удивляюсь. – А мне вот тоже больно, зуб болит, представляешь? А тут еще друг пропал, Васька Суровцев. Ума не приложу, куда он запропастился. Толик, ты не знаешь, куда твой шеф запропастился?

– Не-а, – мотает головой Толик.

– Жаль, – разочарованно вздыхаю. – Сергеич вот тоже не знает. Или не помнит... Слышь, Сергеич, может, ты просто забыл, а?

– А давай я ему врежу для стимуляции памяти, – предлагает Толик, демонстрируя свой кулачище.

– Не надо, – отклоняю предложение парня. – Еще отшибешь что-нибудь нужное. Я ему лучше мозг подсушу, чтобы все нужное само всплыло.

Толик удивленно посмотрел на меня и уже открыл рот, чтобы поинтересоваться, о чем это я говорю, но тут наш клиент заговорил.

– Мы только брали вашего Суровцева. Да отпусти ты плечо, расскажу я все. Нам его конторские заказали. Мы иногда выполняем их заказы. Они за это, в случае необходимости, помогают нам, ну, если у нас возникают проблемы с законом.

– Какие еще конторские? – поднимаю Сергеича с пола и усаживаю его в кресло.

– Обычные конторские, – отвечает он, разминая помятую мной руку. – А вы из какого ведомства?

– Мы из Ангелов Средиземья, – отвечаю сходу и сам удивляюсь, откуда я это взял. – Говори конкретно, что за контора. А то мы в ваших земных делах не очень рубим, про все ваши конторы нам неизвестно.

Мужик уставился на меня, явно размышляя, то ли я идиот, то ли из него пытаюсь сделать идиота.

– Мне простимулировать твой мозг, землянин? – тороплю его, мило улыбаясь и очень аккуратно касаясь его сознания, чтобы не причинить боли, но чтобы почувствовал прикосновение. Судя по его наполнившимся ужасом глазам, он почувствовал.

– ФСБ, – поспешно выпаливает он. – Вернее, Смирнов.

– Какой Смирнов?

– Полковник Смирнов. Ну, он что-то типа крыши для нашего предприятия. Мы предоставляем ему информацию о клиентах и иногда выполняем некоторые заказы.

– Он заказал вам взять Суровцева?

– Да.

– Василий жив?

– Суровцев?

– Суровцев. Не тупи!

– Я не знаю. Мы передали его людям Смирнова, и больше мне о нем ничего не известно.

М-да... Вот так петрушка заворачивается... Это что ж мне теперь, с фээсбэшниками воевать? Там-то уж вряд ли кого удастся взять под контроль. И чем им Василий не угодил? Может, все-таки это дело рук Катерины? Ладно, раз уж спокойной жизни мне не видать, будем веселиться по-полной.

– В общем, так, землянин, – дружески кладу ему на плечо руку. – Ты устраиваешь нам встречу с этим Смирновым, и мы забываем о твоём существовании. Если, конечно, ты

снова не станешь нам поперек дороги.

– Выбора у меня, я так понимаю, нет?

– Ну почему же? Выбор есть всегда. Ты можешь отказаться, и тогда я сделаю из тебя послушного зомби, как, например, из этого твоего сотрудника, телом которого я сейчас пользуюсь.

Сказав это, украдкой подмигиваю Толику, чтобы ненароком не принял мои слова на веру.

Начальник «Багиры» смотрит на меня со смесью ужаса и недоверия.

– Если ты соглашаешься устроить нашу встречу с этим полковником, то у тебя опять есть выбор, – продолжаю про-свещать Сергеича. – Можешь продолжать жить дальше, как ни в чем не бывало, а можешь сменить «крышу». Кстати, как тебя зовут-то?

– Михаил, – представляется он. – В каком смысле сменить «крышу»? Вы предлагаете мне свое покровительство?

– Скажем так – сотрудничество и содействие.

***

– Слушай, Олег, а что это, ну, тот твой человек молол про каких-то землян, про зомби? – озадачивает меня вопросом Толик, когда мы отъезжаем от офиса «Багиры». – Он что, прикалывался?

– Понимаешь, – пытаюсь подобрать более правдоподобное объяснение. – Это такая методика психологического воз-

действия. Давление на психику мистифицированными образами. Понял?

– Ясно, – говорит Толик, но, судя по его тону, вряд ли ему что ясно. – Надо сказать, убедительно получалось у него это мистифицирование. И где же такому учат?

– Не забивай себе голову всякой ерундой, – отмахиваюсь от вопроса. – Сейчас нужно думать о предстоящей встрече с этим фээсбэшным полковником.

Толик удивленно поворачивается ко мне, заставив машину вильнуть.

– Э-э! – восклицаю я. – Смотри на дорогу! Чай, не в чистом поле едем.

– Откуда ты знаешь про полковника? – продолжает удивляться Толик. – Я же тебе еще ничего не рассказывал.

Вот, блин, действительно, надо было сперва расспросить парня. Ему наверняка хотелось описать все с красочными подробностями. Но теперь придется снова что-то выдумывать.

– Ты, Толик, ей богу, как из каменного века. У каждого моего внедренного в эту фирму агента имеется маленький микрофончик. Дальше объяснять нужно?

– Ясно, – успокаивается Толик. – Как это я сам не сообщил. Получается, докладывать нет необходимости?

– Получается, нет, – подтверждаю его вывод. – Все, что надо, я слышал.

Михаил Колесников, глава «Багиры», заверил нас в том,

что обязательно устроит встречу с полковником Смирновым. И уже по результатам этой встречи подумает над предложением сменить «крышу». Я согласился с его предусмотрительностью, хотя сам не мог понять, зачем предложил ему это «крышевание». Ну да ладно, если что, подсуну его Суворовцеву. Лишь бы с Василием все было в порядке.

Пообедав в облюбованном Толиком кафе, мы направились домой, ожидать реакции на наши действия. Однако реакция последовала гораздо быстрее. После очередного перекрестка перед нами вышел гаишник, требовательно вытянув руку с жезлом.

– Что ему надо? – пробурчал Толик, останавливая машину и доставая документы.

– Извините, – козырнул подошедший гаишник и тут же ошарашил нас вопросом: – Олег Юрьевич Волин и Анатолий Степанович Сеницын?

– Не понял? – Толик удивленно обернулся ко мне, словно я что-то понял и должен ему растолковать.

– Что тут непонятного? Столица город маленький, и мы с тобой в этом городишке стали популярными личностями, известными каждому прохожему или гаишнику, – объясняю ему как могу и, выйдя из машины, обращаюсь к удивившему нас стражу столичных дорог: – Они самые. Чем обязаны вашему вниманию?

– Вас просят пройти в тот автомобиль, – он указывает на черного монстра, стекла которого затонированы настолько,

что при беглом взгляде сливаются с корпусом. Размерами это авто не меньше отечественного ПАЗика, только радиаторная решетка слегка выдается вперед. Эмблемы, символизирующей производителя, не замечаю.

– Кто нас там ждет? – спрашиваю чисто для того, чтобы потянуть время для обдумывания ситуации, ибо уже уверен, что напоролся на ту самую реакцию, которую пытался вызвать.

– Тот, с кем вы жаждали встретиться, – сохраняя вежливое выражение на лице, подтверждает мои догадки лжегаишник.

– Неужели Дед Мороз? – восклицаю, задрав кверху брови.

– Дед Мороз, – радостно заулыбавшись, кивает гаишник. – Только вы не удивляйтесь, что он не при параде. До Нового Года еще далеко, поэтому он в обычном костюме и без бороды.

Глянув на слушающего нас Толика, я вспомнил овчарку брата моей первой жены, когда я командовал ей – «стоять-бежать-летать-сидеть». После такой команды в глазах бедной собаки отражалось нечто не поддающееся пониманию и описанию. И именно нечто такое отражалось теперь в глазах Толика, слушающего про поджидающего нас Деда Мороза, одетого в летнюю форму одежды и сбритшего бороду.

Кстати, о Толике. Стоит ли брать его с собой? При посещении «Багиры» от него особого толку не было. Не потому, что он ни на что не годен, нет, я уверен, что он отличный

профессионал. Иначе он не был бы первым помощником Василия. Просто игра идет на несколько другом уровне, который стал доступен мне, но был недостижим для него.

– Думаю, что одного моего присутствия будет достаточно. Мой водитель вряд ли будет интересен Деду Морозу, – говорю гаишнику и, обернувшись к Толику, полусшепотом даю тому указание: – Возвращайся к нашей квартире, но машину не покидай. Будь готов действовать в любую минуту. Понял? Давай.

Сказав, запихиваю его в машину и захлопываю за ним дверь. Про состояние постоянной боевой готовности я сказал парню лишь для того, чтобы тот чувствовал себя в деле и не обиделся на некорректное отфутболивание из игры. Хотя кто его знает, может, еще и понадобится его помощь.

– Давай-давай, – махаю Толику, чтобы тот отъезжал, и направляюсь к блестящему чернотой автобусу.

Гаишник провожает задумчивым взглядом отъехавший автомобиль, затем, вероятно, что-то решив для себя, направляется за мной.

Двери бесшумно отодвигаются, открывая небольшой тамбур, ведущий в салон. Внутри меня поднимается нечто знакомое, обостряя все мои чувства и ускоряя реакцию. До сих пор такая реакция у меня была только на сущности, вселившиеся в тела Шалинского и Катерины. Похоже, сейчас я встречаюсь с тем, чье появление так озадачило Катерину. Неужели с самим Луноликим? Или этих чужих несколько?

Поднимаюсь по порожкам и обнаруживаю еще две двери. Правая, плотно закрытая, вероятно, ведет в кабину водителя. Толкаю слегка приоткрытую левую и захожу в оббитый красным бархатом салон. На окнах зеленые шторы. Мебель из полированного красного дерева, обтянутая зеленой материей. Во всю заднюю стену встроены шкафы с несколькими дверцами и выдвижными ящиками. Никогда бы не подумал, что так можно оборудовать внутренности автобуса, пусть даже и очень крутого.

– Проходите, Олег Юрьевич, – говорит сидящий на одном из диванов мужчина.

Его светло-серый костюм как-то выбивается из общего красно-зеленого контраста. На вид ему лет пятьдесят. Скуластое лицо с еле заметными признаками азиатского наследия. Виски основательно тронуты сединой. Мушкетерские усики и бородка тоже серебрятся седыми вкраплениями. Именно в этом теле я чувствую сущность. Да больше здесь и нет ничего. Значит, Луноликий не одинок. Что ж, будет чем порадовать Катерину.

Прохожу и сажусь напротив существа.

– Господин Смирнов? – уточняю на всякий случай.

– Ринат Александрович, – кивает полковник. – Чем обязан вашему стремлению встретиться со мной?

– Зачем задавать пустые вопросы? – решаю перевести наш диалог в более конкретное русло. – Если вы знаете, что я хочу с вами встретиться, значит, знаете и зачем. Что с Суров-

цевым?

– Извините, просто мне интересно пообщаться с вашей довольно необычной сущностью. Вы не такой, как все доселе встреченные мной.

– Особенности моей сущ. . . , кх-м, моей личности не имеют отношения к нашей встрече. . .

– Ошибаетесь, имеют, – прерывает меня Смирнов. – Стал бы я тратить время на встречу с обычным смертным. Да жив ваш Суворцев. Жив, здоров и вполне комфортно себя чувствует. Если желаете, его немедленно отпустят на все четыре стороны. Он и нужен-то был мне только в качестве приманки. Так что ваша сущность, или, как вы желаете называться, личность, имеет непосредственное отношение и к нашей встрече, и к пропаже этого вашего Суворцева.

– Зачем нужно было так все усложнять? Почему нельзя было просто предложить мне встречу, а не красть моего товарища?

– Но как бы я вас иначе вычислил? Вы же не такой, как все. Вы незаметны. Если те семеро, являющиеся хозяевами этого Мира, проявляясь, ощущаются в любой его точке. Вы же, подобно нам, существуете, не распространяя метафизических колебаний. Вы такой же чужой в этом Мире, как и я. Однако одна из местных сущностей, находящаяся сейчас в физической оболочке, контактирует с вами и даже сотрудничает. Такого просто не может быть. Это нарушает природу мироздания. Однако это очевидно.

– Вы обещали освободить Василия, – прерываю его излишних. До чего же эти сущности любят поболтать о каких-то бредовых вещах.

– Какого Василия? А. Да освободят сейчас вашего Суворова.

– Пусть его доставят к машине, на которой я сюда приехал. Думаю, ваши люди проследили и знают ее местонахождение.

– Я уже отдал распоряжение, – после недолгого молчания сообщает Смирнов. – В течение часа его доставят к вашему Анатолию.

Достаю телефон и набираю номер Толика.

– Толик, ты на месте? Подъезжаешь? В течение часа к тебе подъедет Василий. Как только он появится, сразу позвони мне. Все. Потом объясню. Позвони обязательно, – убираю трубку в карман.

– Почему вы просто не возьмете тело вашего сотрудника под контроль, а общаетесь с ним, как с равным? – с удивлением спрашивает полковник.

Ну что я ему могу ответить?

– Много в этом мире чужих, подобных вам? – спрашиваю, проигнорировав его вопрос.

– Вы задаете странные вопросы, – снова удивляется собеседник. – Может, перейдем на «ты» и, заодно, на ментальный уровень общения? Так нам будет проще понимать друг друга.

Его взгляд словно бы попытался пронзить меня. Такое чувство я испытывал при встречах с Шалинским, когда тот безуспешно пытался добраться до того, кто, якобы, сидел во мне. То же самое со мной пыталось проделать существо, вселившееся в тело Катерины. И вот теперь этот. Ага, судя по его недоуменно разочарованному виду, попытка оказалась не более успешной, нежели у его предшественников.

– На «ты» перейти можно, – отвечаю ему, внутренне усмехнувшись. – А вот с ментальным общением не получится. И, кстати, если ты говоришь, что не мог меня вычислить, то откуда ж тогда тебе известно о моем общении с Катериной? И откуда тебе вообще известно о моем существовании?

– Вместо ответов на мои вопросы ты задаешь свои, – недовольно морщится полковник. – Такое общение будет безрезультатно для нас обоих.

– Я отвечу на твои вопросы только после того, как подтвердится освобождение Суровцева.

– Тогда давай я распоряжусь доставить его сюда, чтобы ты скорей убедился.

– Нет, – отказываюсь после некоторого раздумья. – Я не хочу посвящать его в некоторые особенности своей, кх-м, сущности.

– Ну что ж, подождем, – соглашается он. – Что касается вопроса, почему я не мог тебя вычислить и откуда узнал о твоём существовании, то тут все просто. Я понял, что моя деятельность обнаружена сущностью, именуемой Катериной.

Правда, она не обнаружила именно меня, а лишь заинтересовалась деятельностью подконтрольной мне оболочки мэра этого города. Но все же, прошло всего пятьдесят земных лет после того, как я проявился в этом Мире, будучи выгнанным из предыдущего. Не хотелось бы так рано уходить из него. Естественным решением было оставить Луноликого на произвол судьбы, а самому удалиться в более отдаленную от сферы пребывания Катерины часть Мира. Однако прежде чем постараться замести следы, необходимо было выяснить подробнее о том, что известно этой сущности. Выясняя это, я и почувствовал присутствие еще одной сущности, отличной от владеющих Миром. Сначала я решил, что почувствовал кого-то подобного мне, но в дальнейшем понял, что это не так. Сущности создателей Миров и сущности, буду самокритичен, паразитирующие на этих мирах, не могут контактировать, это заложено нашей природой. А сущность, присутствие которой я обнаружил, явно общалась с той, которую называют Катериной. И в тоже время эта сущность незаметна, ибо подобно мне не вызывает метафизических колебаний.

– Ты утомил меня, ей богу, – не выдерживаю этого бреда. Давно я такого не слышал, с последней встречи с Шалинским.

– Ты же сам просил объяснить, – пожимает плечами Смирнов.

– Честно говоря, я надеялся на более доступное моему ра-

зуму объяснение. Понимаешь, Ринат, кх-м, Александрович, я новенький в вашей системе этих самых сущностей, и мало в чем врубаюсь. И, кстати, я из местных, просто слегка измененный, мутировавший, так сказать.

– Не понял, что ты хочешь сказать? Ты новый? Из местных? Ты восьмой?!!! Но этого не может быть!

– Да нет же. Я не восьмой. Я один из семи. Но я другой. Я новый. Я не знаю, как тебе это объяснить, ибо сам нифига не понимаю. Короче, вот такой вот я.

– Но этого не может быть. Я о таком никогда не слышал.

– Мало ли о чем ты не слышал. Катерина тоже никогда не слышала о подобных тебе. Считала, что вселенная крутится вокруг семерых, чей покой лишь изредка тревожит восьмой. Однако... Кстати, если бы ты не полез выяснять, что о тебе известно Катерине, а тихонечко удалился, то остался бы незамеченным. Хотя ее цель Луноликий. Так что если ты поспешишь скрыться, то есть шанс внушить Катерине, что ей присутствие чужого лишь показалось. Я могу этому подействовать, ибо заинтересован в скорейшем разрешении конфликта.

– Не получится. Если она уже почуяла появление чужого, то не сможет с этим смириться. Ведь она одна из семи, – полковник встал, оказавшись неожиданно высокого роста, прошелся по салону, остановился напротив меня. – И если ты один из семи, то тоже... Но нет. Ты не можешь им быть. Я бы почуял.

– Я же спокойно общаюсь с одним из семи, – напоминаю ему.

– Но, ты не такой, как они. И не такой, как я, – его взгляд вновь устремляется в меня, пытаюсь вскрыть мою сущность. Но мне это даже не доставляет какого-либо дискомфорта.

В голову приходит шальная мысль о том, что можно попытаться проделать с ним то, чему меня научила Катерина. А что? Нет, ну взять под контроль его оболочку, конечно, не получится, но может, удастся шарахнуть ему по мозгам, как это получалось с теми, кто сопротивлялся контролю. Все же не буду спешить.

– Не забивай себе голову, – искренне советую ему. – Я сам как-то пытался размышлять на тему: кто же я такой. Но, в конце концов, бросил это занятие из-за риска сойти с ума. Подумай лучше, что будешь делать, если Катерина действительно не оставит тебя в покое. Эмигрируешь в другой мир? Кстати, а много их, этих миров? Похожи они на наш?

Полковник сел, уставившись куда-то сквозь стену салона. Так он просидел не менее минуты. Я уже подумал, не покинул ли он оболочку, оставив меня наедине с телом, а сам уже слинял в иные миры. Но вот его взгляд вновь ожил. Фээс-бэшник вынул из нагрудного кармана красный платочек и промокнул пот со лба. Вот почему эти бессмертные сущности не могут так перестроить тело, чтобы оно не потело?

– Миров много, – заговорил он. – Но мне подходят лишь старые, подобно этому, в которых создатели редко проявля-

ются в физическом состоянии. Найти такие миры непросто. Я легко могу найти миры, в которых уже бывал, но туда мне дорога закрыта.

– Почему? – задаю возникший вопрос. – Я, конечно, не знаю, что ты творил в других мирах. Но почему ты не можешь сосуществовать в мире с создателями?

– Так заложено Создателем. Семь сущностей создают свой мир, и каждая иная сущность вносит дисбаланс в его устройство.

– Как восьмой?

– Нет. Восьмой рождается энергетическим полем, создаваемым теми же семью сущностями. Это практически их же детище, способное уничтожить их мир, а возможно, и их самих. Я не могу это утверждать, ибо не знаю точно. А вот такой, как я, одиночка, не имеющий собственного мира, не умеющий созидать, вынужден скитаться по чужим мирам, внося в них изменения. Ну не висеть же мне вечно в небытие.

– Почему ты один?

– Не знаю, – пожимает плечами полковник. – Или не помню. Возможно, я был таким создан. Возможно, я остался от семерки, уничтоженной пришедшим восьмым. Я многое помню, но все ж моя память короче моей жизни.

Его взгляд снова устремился в пустоту.

Я смотрел на него и впервые ощущал интерес и даже симпатию к существу, подобному тем, которые до сих пор так бесцеремонно вмешивались в мою жизнь. Этот, конечно, то-

же не ангел белокрылый. Все ж умыкнул Суровцева, используя его как приманку. Но, опять же, не он первый начал. В общем, не буду вдаваться в извечный вопрос: кто виноват? Симпатичен он мне, и все. По крайней мере, пока симпатичен.

– Часто ли встречаются подобные тебе? – задаю очередной вопрос.

– В отличие от семизначных групп созидателей, мы можем контактировать только находясь в физическом состоянии. Поэтому наши встречи довольно редки. Но и тогда, когда встречаемся, мы стараемся как можно быстрее разминуться, ибо у двоих вдвое больше шансов обратить на себя внимание хозяев.

– Почему ты сказал, что можешь проникать только в старые миры? – задаю вопрос, ответ на который кажется очевидным, но все же лучше уточнить.

– Потому, что создатели молодых миров не впадают в небытие, а ведут кипучую деятельность, – подтверждает мою догадку полковник. – В таких мирах нет шансов остаться незамеченным.

– Так что ты теперь думаешь делать? – снова интересуюсь я. – Будешь искать новый мир?

– Последний раз я висел в небытие более двух веков по земному времени, пока не обнаружил этот мир. Иной раз на это уходят тысячелетия. Есть мнение, что если скиталец слишком долго не проявляется в физическом мире, то он

может раствориться в небытие окончательно. Поэтому я в любом случае не буду спешить покидать этот мир. По крайней мере, пока жива эта оболочка, или пока не проявилась в физическом состоянии еще одна сущность, входящая в мерку.

– Что случится, если проявится еще одна сущность?

– Две сущности могут устроить ловушку для поглощения странника. Поэтому, как только почувствую появление второго, немедленно ретируюсь из этого мира.

Я хотел было напомнить ему, что являюсь той самой второй сущностью, вернее, во мне сидит вторая... Черт, я уже и сам не знаю, кем являюсь, так что же могу доказать ему? Да и все равно не собираюсь я его поглощать. Мне даже интересно общаться с ним. Расспросить бы подробнее о других мирах. Какие они? Что за существа их населяют? Вот бы еще самому там побывать... М-да... Я точно сижу на диване в салоне чудного автомобиля, а не валяюсь на койке в палате психиатрической клинике? Сколько раз за последние годы я задавал себе этот вопрос?

Салон слегка покачнулся, и я ощутил еле заметное движение. Отодвинув занавеску, увидел проплывающие мимо окна стоявшего рядом здания. Автомобиль двигался абсолютно бесшумно, словно только что тронувшийся вагон поезда.

– Мы куда-то едем? – задаю вопрос полковнику.

– Пришло время избавиться от назойливого внимания к твоей персоне.

– К моей?

– К твоей, – кивнул полковник. – Изначально я думал, что следовавший за тобой «хвост» является твоей охраной, но теперь-то мне понятно, что тебе неизвестно о существовании этих опекунов. Во время нашей беседы я параллельно выяснил, что это люди из организации, подведомственной Катерине. Думаю, надо подсунуть им «пустышку».

Та-ак. Нет, я, конечно, предполагал, что Катерина не оставит меня без внимания, но попытки обнаружить слежку оказались безрезультатными, и я успокоился. Однако, как оказалось, слежка все же была.

– Какую пустышку? – поинтересовался я.

– Сейчас увидишь.

Я повернулся к окну, уселся удобнее и принялся наблюдать.

Мы, свернув с проспекта, заехали через арку в какой-то безлюдный двор. Насколько красивы были фасады зданий, выходящие на проспект, настолько же обшарпаны и покрыты пятнами обвалившейся штукатурки их внутренние стены. Миновав двор, выехали в противоположную арку, выходящую на узкую улочку. Навстречу нам в арку въехала оранжевая мусоровозка. Далее по улице я увидел такой же черный автобус, как тот, на котором ехали мы. Он стоял перед раскрытыми металлическими воротами. После того как мы въехали в ворота, створки тут же задвинулись, оставив снаружи нашего двойника. Судя по стоявшей вокруг технике

– трактора-подметальщики, поливалки и даже снегоуборочная машина – мы оказались на территории местного ЖКХ. Миновав эту стоянку, выехали в противоположные ворота и по очередной улочке попали на широкую магистраль.

– Прямо шпионские игры какие-то, – хмыкаю, отодвигаясь от окна и откидываясь на спинку дивана.

– Это и есть шпионские игры, – подтверждает мой собеседник.

– А нельзя было просто пройтись по мозгам этим преследователям, чтобы они забыли, за кем следят и как их самих зовут?

– И тем самым заявить о своем несомненном существовании?

– Но ведь Катерина и так о нем знает. Правда, она думает, что паразит сидит в Луноликом. Извини, что я так тебя назвал.

– Незачем извиняться, – пожимает плечами Смирнов. – Это слово напрямую отражает мою сущность, и я не вижу в нем ничего обидного. Что касается подозрений Катерины, то надеюсь, это лишь подозрения, ибо она не знает точно, в какой оболочке я нахожусь. И чем дольше она будет думать на Луноликого, тем лучше. К тому же преследователи могут оказаться не самостоятельными личностями, а подвластными ей оболочками.

– Сколькими оболочками одновременно можно управлять? – задаю давно интересующий меня вопрос.

– Ты не перестаешь удивлять меня элементарными вопросами. Все зависит от навыков. Вот ты сколько оболочек можешь держать под контролем?

– Одну, – отвечаю со вздохом. – И то, если сам буду сидеть с закрытыми глазами. Иначе у меня сразу наступает дезориентация в пространстве и кружится голова.

Телефон в кармане загудел вибровзвонком.

– Олег, – слышу в трубке голос Толика. – Василий со мной в машине. Передаю ему трубку.

– Привет, Олег. У меня все хоккей. Отдохнул вот немного поневоле. Как у тебя там? Помощь требуется?

– Рад тебя слышать, – говорю, вздыхая с облегчением. – У меня все в порядке. Пока я не освобожусь, ничего по нашему делу не предпринимай. За вами, скорее всего, наблюдают. Так что займитесь какими-нибудь своими делами или развлекитесь чем-нибудь. Потом обсудим дальнейшие действия. Все. Как освобожусь, позвоню.

– Итак, твой приятель свободен. Теперь ты согласен удовлетворить мое любопытство? – спрашивает полковник, доставая из шкафа большую бутылку с янтарной жидкостью и пару высоких бокалов.

– Что ты хочешь знать?

Смирнов садится напротив, открывает бутылку, наполняет бокалы наполовину и, слегка двинув один в мою сторону, делает глоток из своего.

– Для начала, я хочу знать все о тебе.

Взяв бокал, тоже делаю глоток. Хм, неплохо. Вопреки моим опасениям, в бокале вовсе не коньяк. Собственно, это было ясно и по отсутствию традиционных ломтиков лимона, и по не коньячным бокалам. Но все ж, почему-то все всегда в своих кабинетах достают из шкафов именно коньяк. Я вообще не особый любитель крепких напитков. Из всех из них предпочитаю только чистую водку. А разные коньяки, виски и прочее для меня стоят на одной полке с самогоном. Ну не понимаю я в них ничего. Напиток, который налил в бокалы полковник, оказался весьма приятен на вкус, в меру сладким, с легким карамельным привкусом. Не будучи знатоком, не могу сказать, что это было, но, возможно, некий коктейль, или вино из какого-нибудь незнакомого мне фрукта.

– Знаешь, Ринат, – говорю, отставив бокал. – Не знаю, правильно ли я делаю, но, пожалуй, ты будешь первым... кх-м... человеком, которому я расскажу о себе всю правду, не опасаясь, что ты вызовешь скорую психиатрическую помощь. По крайней мере, если и вызовешь, то нас поместят в одной палате.

И я начал рассказывать с того самого дня шестилетней давности, когда после дикой головной боли вдруг приобрел суперзрение...

***

После того как я закончил рассказ, полковник несколько долгих минут не говорил ни слова.

– Я должен обдумать услышанное, – наконец произносит

он. – Завтра найду тебя для дальнейшей беседы.

***

Выйдя из авто полковника, с удовлетворением замечаю, что меня довезли почти до места. Передо мной тот памятный скверик, в котором произошла встреча со столичными ментами. При дневном свете он выглядит вполне уютно, по дорожке прогуливаются молодые мамы с колясками, на лавочках тусит молодежь.

Идти в предоставленные Катериной апартаменты почему-то не хочется. Звоню Василию, и через полчаса мы уже дружно уплетаем украинский борщ в ближайшем кафе.

– Что за чудеса про ваш визит в «Багиру» рассказывал мне Толян? – кивает на уплетавшего пельмени Толика Василий, отставив пустую тарелку из-под борща.

– Какие еще чудеса? – спрашиваю, тоже глянув на Толика.

– Будто бы практически все сотрудники этого ЧОПа являются твоими тайными агентами. Ты когда успел тут такую агентурную сеть развернуть?

– А-а, это, – цепляю полную ложку борщевой гущи, отправляю ее в рот и начинаю тщательно пережевывать, выигрывая время для того, чтобы придумать какую-нибудь отмазу. – Да то просто оказалось, что там один армейский товарищ работает. Вот он и помог мне, и корешей своих подпряг.

– А чего спишь и днем, и ночью? Приболел, что ли?

Я снова посмотрел на Толика, тот с невинным видом про-

должал уничтожить пельмени.

– Я не сплю, я так думаю с закрытыми глазами. Ты лучше расскажи, как тебя спеленали? – перевожу стрелки на Василия. – Как провел время в заключении?

– Спеленали элементарно, – невозмутимо отвечает тот. – Показали лазерную точку на моей груди и попросили следовать с ними. Время провел в комнате без окон, но с телевизором и унитазом прямо в этой же комнате.

– Прямо напротив телевизора? – подкальываю друга.

– Что напротив телевизора? – не понимает он.

– Унитаз.

– Зачем? Да пошел ты, – до него, наконец, доходит, что я шучу. – Зато я всяких умных передач посмотрелся. Знаю теперь, почему у нас бензин дорожает, и когда нефть падает в цене, и когда растет.

– И почему же?

– Оказывается, Олег, все элементарно. Ну, когда нефть дорожает, тут понятно. А вот когда нефть дешевеет, то бензин, оказывается, дорожает для того, чтобы поддержать отечественного производителя. Понимаешь?

– М-да. А что должно случиться с нефтью, чтобы бензин подешевел?

– Хрен его знает, – пожимает плечами Василий – Про это в телевизоре не объясняли. Может, в ней должны утонуть все олигархи вместе с правительством. Слушай, Олег, мне кажется, или я видел эти физиономии у офиса «Партии боль-

шинства»?

Проследив за его взглядом, замечаю две крупногабаритные фигуры, усаживающиеся за столик рядом с выходом. Мне знакомы эти ребята. Они из команды Руслана. Один из них тот, на котором я учился управлению чужим телом. Интересно, сейчас он сам по себе или является куклой, управляемой Катериной? Может, попробовать взять его под контроль? А вдруг и правда столкнусь с этой рыжей бестией? И что будет, если мы столкнемся в одном теле?

– Это они тогда брали меня, – подает голос Толик. – Вон тот самый здоровый потом еще своему начальнику фак показал.

– Как это, фак показал? – оборачивается к нему Василий.

– А вот так и показал. Мы в приемной сидели. Олег в кабинете был с Катериной. Потом этот молча встал с кресла и к ним в кабинет отправился. Потом вышел, показал Руслану фак и снова зашел.

Василий вопросительно глянул на меня. Я с непонимающим видом пожал плечами.

Прибывшие парни и не скрывали своего интереса к нам. Они внаглую пялились в нашу сторону, отвлекшись лишь на подошедшего официанта, коротко заказав ему что-то или просто послав подальше.

Хоть нам и некуда было спешить, но сидеть под пристальными взглядами стало неудобно, Василий с Толиком явно нервничали.

– Я так понял, нас взяли под плотную опеку, – произносит Суровцев, оставив стакан с недопитым апельсиновым соком. – С чем это связано? Ты же с ними вроде как в одной команде? Или что-то изменилось?

– Даже и не знаю, – честно признаюсь ему. – Вы пока посидите, а я пойду разузнаю у ребят о тревожащих их проблемах.

Подхожу к нашим неожиданным опекунам и сажусь на свободный стул. На конопатом лице одного явное смятение, лицо второго, который показывал фак Руслану, не выразило ни единой эмоции. Не задавая лишних вопросов, делаю попытку взять тело невозмутимого под контроль. Лучше бы я сперва поговорил с ним о том, о сем, может, и отказался бы от столь опрометчивого шага. Место уже было занято. Занято, естественно, Катериной. Судя по всему, она тоже не ожидала от меня такого шага, потому я и втиснулся с налета в тело, впопыхах потеснив ее. Втиснулся и замер от неожиданности. Ощущение такое, как будто два человека сидят на одном стуле, умастившись на него лишь половинками задниц.

– Своеобразное ощущение, – произносит оболочка, в которой сейчас находилась часть моего сознания, и я понял, что это говорит Катерина. – Где-то даже весьма интересное ощущение. Сродни сексу.

– Да пошла ты! – кричу я, так же используя голосовые связки оболочки, и резко оставляю ее.

– Фу, как грубо, – возмущается сидящий напротив меня

голосом гомосексуалиста.

Его товарищ смотрит на него, ничего не понимая. Предлагаю, что он чувствует, наблюдая, как напарник вдруг начал разговаривать сам с собой какими-то непонятными фразами.

– Вы случайно зашли в это кафе? – задаю вопрос, с которого и стоило бы начать. – Или вашей целью является общение с нами?

– Чего? – переводит взгляд с товарища на меня конопатый.

– Помолчи, – обрывает его напарник и обращается ко мне все тем же слащавым голоском: – Естественно, не случайно. Сегодня ты, Олег, выпал из поля моего зрения, и мне это не нравится. Я понимаю, что ты ведешь свою игру, но хочу тебе напомнить, если эта твоя игра будет противоречить моим планам, я приведу свою угрозу в исполнение.

В это время за моей спиной раздался стон. Обернувшись, вижу, что Василий, схватившись руками за голову, согнулся к коленям. Глаза его закрыты, сквозь ресницы проступили слезы. Толик испуганно непонимающе смотрит на своего шефа.

– Это чтобы ты не принимал мои слова как пустой треп...

Не дав ей договорить, врываюсь в тело конопатого и, используя его нехилые кулачищи, вминаю нос облюбованного Катериной тела в череп. После того как тот с грохотом опрокидывается вместе со стулом, подсакиваю и добавляю ему

ногами по ребрам. В горячке даже не обращаю внимания на то, что пользуюсь одновременно двумя телами вполне свободно. Мое тело продолжает спокойно сидеть на месте, наблюдая за тем, как Василий приходит в себя и как его тормошит Толик. Тело конопатого, ведомое моими эмоциями, продолжает колошматить своего напарника. Из-за соседних столиков в панике выскакивают посетители и разбегаются по сторонам. К нам уже спешит, лавируя между столиками, дюжий вышибала. Избываемый вдруг сгруппировался и, крутанувшись, словно спущенная пружина, сбивает меня с ног подсечкой. Падая, бьюсь головой о край стула, в глазах темнеет. Спасаясь от боли, покидаю распластавшееся на полу тело. Мой противник поднимается и, пнув безвольное тело своего товарища, поворачивается ко мне, улыбаясь сквозь кровавую маску.

– В чем дело, мужики? – кричит подбежавший вышибала, широко расставив руки, будто собирается сгрести всех в охапку.

М-да, похоже, каких-то скорых решительных действий от него не дождешься. Поэтому беру его тело под контроль и, развернувшись вокруг своей оси, впечатываю каблук в и так уже расплющенный нос оппонента. Одновременно поднимаюсь своим собственным телом и иду к своим друзьям. Нереальное ощущение двойственности слегка напрягает, но все же я справляюсь, и осознание этого порождает азарт и желание экспериментировать. Ожидая, когда сбитый с ног, но

не вырубленный противник поднимется, встаю в боксерскую стойку телом вышибалы. Своим телом сажусь за стол к Василию и Толику.

– С тобой все в порядке? – спрашиваю Суровцева.

– Голова как чугунная, – отвечает он. – Что это было?

– Наверное, давление, – пожимаю плечами и добавляю: –

Внутричерепное.

Боец, ведомый сущностью Катерины, поднялся и снова улыбается мне окровавленным ртом.

– Вот таким ты нравишься гораздо больше. Я благодарна тебе за доставленное удовольствие. До скорой встречи, – произносит противник, шепелявя из-за выбитых зубов, и вдруг безвольно оседает на пол, будто с ним случился неожиданный обморок.

В зал врываются еще двое парней, чьи лица знакомы по посещению офиса «Партии большинства». Я вижу их только своими глазами, ибо телом вышибалы стою спиной к выходу. Охваченный идеей поэкспериментировать, закрываю глаза вышибалы, оставляя лишь свое зрение. Теперь происходящее напоминает компьютерную игру, есть некий герой, управляемый мною, и есть нападающие на него противники. А противники действительно нападали. Один, подбежавший первым со спины, занес руку, чтобы рубануть меня по шее. Ага, щас. Уклоняюсь вперед и выбрасываю ему навстречу правую ногу. Хоть он и принял удар на выдохе, но все же встречное столкновение оказывается достаточно сильным, и

наверняка под подошвой ботинка вышибалы хрустнули пара ребер любителя нападать сзади. Прижав руки к ребрам, он оседает на пол. Второй нападающий, увидев неожиданный конфуз товарища, решает не бросаться в драку сходу, а оставливается, оценивая обстановку. Я, будто бы не замечая, продолжаю стоять к нему спиной.

– Это что там за мясорубка? – слышу удивленный голос Толика.

– погоди, не мешай, – в азарте отмахиваюсь от него, продолжая поворачивать тело вышибалы спиной к пытающемуся обойти противнику.

– А кому я мешаю? – еще больше удивляется Толик.

– Так, нам пора уходить, – говорю своим товарищам. – Пока им не до нас. Идите в машину, а я подойду следом.

Нападающий явно сбит с толку моим нежеланием повернуться к нему лицом. Из зала доносятся смешки и ободряющие окрики. Публика, разбежавшаяся было в панике по углам, успокоилась и начала воспринимать драку как забавное зрелище, отдавая свою симпатию вышибале. Бить кого-то на забаву трусливой толпе не испытываю ни малейшего желания. Встаю собственным телом и направляюсь к выходу. Телом вышибалы захожу так, чтобы между мной и противником оказался один из столиков, открываю его глаза, ибо сам уже вышел из кафе и не могу видеть происходящее, и обращаюсь к бойцу с предложением.

– Предлагаю тебе забрать своих товарищей и удалиться.

– Согласен, – почти не раздумывая, кивает тот.

– Да замочи ты его! – кричит какой-то толстяк из-за дальнего столика.

Беру из ближайшей вазы яблоко и точным попаданием в лоб отправляю толстяка в нокаут. Его не менее фигуристая подруга начинает визжать, но сразу после того, как я показываю ей еще одно яблоко, умолкает и остается сидеть с видом примерной ученицы.

Меж тем, боец уже вытаскивает одного из поверженных приятелей в двери. Тот, что отделался поломанными ребрами, согнувшись и стараясь дышать через раз, бредет сам. Я хватаю под подмышки того, чьим телом воспользовался в начале схватки, и подтаскиваю его к выходу. Оставив тело конопатого у дверей, ухожу вглубь зала, сажусь на стул у выхода в подсобку и отключаюсь.

***

– Чего это они начали молотить друг друга? – спрашивает Толик, тормозя машину на светофоре.

– Фиг его знает, – продолжаю строить из себя ничего не понимающего. – Как с ума все посходили.

Суровцев не принимал участия в беседе, сидел молча, лишь изредка бросая на меня подозрительные взгляды. В отличие от Толика, принимающего все без лишних объяснений, Василий наверняка сообразил, что я приложил руку к месиловке в кафе. Да и свою неожиданную головную боль он не воспринял как произвольный каприз собственного орга-

низма. Но мне пока не до объяснения с ним.

Необходимо срочно выяснить намерения Катерины. Поэтому я и распорядился ехать к ее офису. Если она действительно начнет воплощать свою угрозу, то я ничем не смогу ей помешать. А ведь завтра утром в столицу приезжают еще и Володька со Светланой. М-да... Может, обратиться за помощью к Смирнову? А чем он мне сможет помочь? И зачем ему это надо? В любом случае, мне нужно с ним встретиться.

– Василий, езжайте с Толяном в офис «Багиры», – говорю, когда мы подъехали к офису «Партии большинства». – Думаю, что рабочий день у них еще не закончился. Хотя после сегодняшнего... В общем, найдите ихнего начальника. Не помнишь, Толян, как его фамилия?

– Неа, – мотает тот головой, – парни его Сергеичем звали.

– Ну и ладно. Зовут его Михаил. Фамилию, если нужна будет, уточните на месте. Скажете ему, что мне по прибытию необходим будет срочный контакт со Смирновым. Вот только, когда я прибуду, не знаю. Но постараюсь долго не задерживаться. В общем, ждите меня там. Ну, я пошел, – и, уже выйдя из машины, снова обратился к Василию: – Есть у меня мысль отдать эту «Багиру» под твое ведомство. Так что ты там приглядишься и все такое.

***

Встретил меня, как обычно, Руслан. Я непроизвольно напрягся, ожидая реакции на избивание его ребятишек. Однако на его лице присутствовала лишь свойственная ему невоз-

мутимость. Катерина ждала меня в кабинете.

– Что это значит? – спрашиваю с порога. – Что ты соби-
ралась сделать с Василием?

– Я лишь показала тебе, что не шучу, – мило улыбаясь,
заявляет она.

На ней сегодня черный брючный костюм, под которым та-
кая же черная блузка. Возникло желание поинтересоваться,
по ком траур, но я отогнал эту мысль – не до шуток.

– И к чему была эта демонстрация?

– С кем ты встречался в черном автомобиле? Зачем было
скрываться от моих людей? – она подошла ко мне вплотную
и смотрела прямо мне в глаза.

– Встречался с каким-то полковником ФСБ, который за-
казал «Багире» похищение Василия, – честно отвечаю я. – А
от кого мы скрывались, не могу знать. Разве твои люди сле-
дили за мной? Ты мне не доверяешь?

– Что за полковник? Как его фамилия?

– Да откуда мне знать? По наводке твоего Руслана я нае-
хал на хозяина «Багиры», тот устроил мне встречу с заказ-
чиком, которым оказался этот полковник. Полковник по мо-
ей просьбе освободил Суровцева. Потом мы с ним немного
покатались, скрываясь от преследователей. Но я-то не знал,
что это твои люди. Вот и все, – развожу руками, пытаюсь вы-
глядеть как можно более искренне.

– Олег, не морочь мне голову. Я была в оболочке одного
из тех, кого ты называешь преследователями. И я не могла

даже коснуться разума окружающих тот автомобиль людей. Не то чтобы завладеть оболочкой, а даже коснуться разума! Такого просто не может быть! Кто был в той машине?

– Успокойся ты и не ори, как потерпевшая, – отодвигаю ее в сторону и прохожу к дивану, на ходу соображая, что ответить. – Если даже ты не понимаешь происходящего, то что могу объяснить я? Слушай, а вдруг это Луноликий все устроил, а?

– Что устроил?– Катерина уже поборолла неконтролируемый всплеск эмоций, и на ее лице вновь было улыбочивое выражение с легкой заинтересованностью во взгляде.

– Ну, все это. Похищение Василия, мою встречу с этим полковником и все такое. Разыграл некую партию, чтобы вынудить тебя на какие-либо действия, а? Ты и повелась, как дура, а? И меня виноватым сделать хочешь.

Катерина несколько минут вышагивала по кабинету, затем подошла к дивану и села рядом со мной.

– Хочешь сказать, что Луноликий догадался о моей сущности? Он знает, что я не человек?

– Да откуда мне знать, о чем догадался этот Луноликий? Я лишь сделал предположение.

Ничего не отвечая, Катерина встала и прошла за стол. Усевшись в свое кресло, откинулась на спинку и уставилась куда-то в пространство перед собой.

Как бы там ни было, надеяться на ее благоразумие не стоит. Сегодняшнее происшествие в кафе этому доказатель-

ство. Что я хотел от нее услышать, когда шел сюда? Что она пошутила и больше так делать не будет? А если бы она так сказала, я бы ей поверил? Пять лет назад было гораздо проще. Тогда на кону стоял всего лишь какой-то сарай. Теперь – жизни близких мне людей. Одного, самого близкого человека я уже потерял тогда, пять лет назад. Сегодня опасность грозила моему другу. Я должен как-то остановить это существо, принявшее образ некогда любимой мною женщины.

– Я надеюсь на твое благоразумие, – говорю, поднявшись с дивана и направляясь к выходу.

Катерина продолжает смотреть в пространство, никак не реагируя на мои слова и не обращая внимания на то, что я ухожу. В приемной беру под контроль тело одного из присутствующих здесь охранников и бьюсь его головой об стену. От резкой боли мгновенно покидаю его оболочку. Секретарша и второй охранник вскакивают, с удивлением уставившись на сползающее по стене тело взбесившегося товарища. Выхожу из приемной и спускаюсь вниз, попутно касаясь сознания всех, кто попадаетеся мне на пути и слыша за спиной их стоны. В фойе перед выходом вижу спешащего куда-то Руслана.

– Ибрагимыч, – кричу ему и, когда он останавливается, тихо говорю: – Убью каждого, кто будет следить за мной.

Выйдя на улицу, пытаюсь сообразить, как добраться до офиса «Багиры». Брать одну из машин Катерины нежелательно, незачем упрощать ей слежку. За воротами свора-

чиваю направо, в сторону, противоположную от моей квартиры, и звоню Толику с просьбой забрать меня. Пока бреду по проспекту в ожидании Толика, делаю звонок Игорю и даю ему задание позвонить Володьке, сообщить ему, что я завтра вынужден выехать из столицы, и чтобы они со Светланой устраивались сами. А я, мол, как приеду, так сразу свяжусь с ними.

– Понял, – слышу в трубке голос Игоря. – А почему ты сам ему не позвонишь?

– Не могу. И Володьке скажи, чтобы мне не звонили. Я все объясню потом.

Пока разговаривал по телефону, на улице заметно потемнело, над проспектом зажглись фонари. Я брел вдоль сверкающих разноцветным неоном витрин, стараясь держаться ближе к проезжей части, ибо Толик мог не заметить меня среди многочисленных пешеходов. Сигнал его «тойоты» услышал почти через полчаса, когда уже успел уйти довольно далеко.

– Я уже хотел тебе позвонить, – говорит парень, когда я сажусь в машину. – Еду, еду, а тебя все нет и нет.

– Как дела в «Багире»? – задаю вопрос Толику.

– Все тихо. Обычный ЧОП. Шеф о чем-то беседует с Сергеичем. Я немного пообщался с ребятами. Они там слегка выбиты из колеи нашим сегодняшним посещением.

Представляешь, говорят, что ничего не помнят. Кстати, Олег, а кто там твой армейский товарищ?

И нафига я спросил его о «Багире»?

– Он там уже не работает, – отвечаю ему и перевожу разговор на другую тему: – Что по поводу моей встречи с полковником Смирновым?

– Этим шеф занимается. Позвони ему, – пожимает плечами Толик.

Воспользовавшись поводом прекратить разговор, набираю телефон Суровцева.

– Кудинов позвонил ему, тот готов встретиться с тобой, – сообщил мне Суровцев по телефону.

– Какой Кудинов? – не понял я.

– Михаил, директор ЧОПа, – поясняет Василий. – Нормальный мужик, кстати. Слушай, Олег, к нему тот твой товарищ приходил с Толяном?

– Тот, – говорю обреченно и нажимаю на сброс.

***

Когда мы подъехали к офису «Багиры», я понял, что он уже здесь. Просто почуял.

Выйдя из машины, огляделся и увидел приветливо мне улыбающегося знакомого гаишника, того самого, который провожал меня к черному автобусу. Он стоял рядом с милицейской «шкодой». Черного мастодонта поблизости видно не было.

– Знакомое лицо, – тоже заметил гаишника Толик. – Опять будет приглашать к Деду Морозу?

– Вероятно, – отвечаю Толику. – Ты иди к Василию.

Устраивайтесь с ним где-нибудь на ночлег. Понадобитесь – позвоню.

Парень, кивнув, удалился, а я направился к гаишнику.

– Что-то я не вижу передвижного офиса Деда Мороза, – спрашиваю у него.

– Ты хотел со мной встретиться лишь потому, что тебе понравился мой передвижной офис?

– Я хотел с тобой встретиться? – спрашиваю и тут же понимаю, кто находится в оболочке этого гаишника. – Так ты и есть Дед Мороз?

– Какой Дед Мороз? А, – вспоминает он, и я понимаю, что и днем это тоже был он. – Ну да, я и есть. Только на подарки сильно не рассчитывай.

Гаишник кивком приглашает меня в машину и сам садится за руль.

– По какому поводу на этот раз ты искал встречи со мной?

– Хочу попросить тебя об одном пустяковом одолжении, – отвечаю, устраиваясь удобнее в кресле. – Помоги мне уничтожить Катерину.

Если бы странник в этот момент что-нибудь ел или пил, то он наверняка подавился бы и долго кашлял.

– Ты понимаешь, о чем просишь?!

– А чего ты так встрепенулся? – улыбаюсь страннику.

В образе, вернее, в оболочке, полковника ФСБ он выглядел солиднее, и мое отношение к нему было более, как бы это сказать, более почтительное, что ли. Глядя на сидевшего

рядом молодого гаишника, я хоть и чувствовал присутствие в нем бессмертной сущности, но относиться так же почти-тельно, как к полковнику, не мог.

– Ты действительно какой-то не такой, – наконец говорит собеседник. – Я думал над тем, что ты мне рассказал, но так и не смог прийти к какому-либо выводу. Я даже не знаю, насколько тебе можно верить. А ты предлагаешь мне уничтожить одну из семи сущностей. И при этом ты утверждаешь, что сам являешься одним из этой семерки.

– Во мне сидит один из них, – поправляю его. – Но он, как видишь, не возражает. Да и к тебе относится лояльно, вопреки твоим рассказам о непримиримости хозяев миров к странникам-паразитам.

– Ты уверен, что в твоей оболочке находится именно тот, о ком ты говоришь?

– Во-первых, не называй мое тело оболочкой. Во-вторых, мне об этом поведал тоже один из семи, тот, кого поглотила Катерина. Я же тебе все рассказал сегодня.

– И ты можешь показать мне подземелье с порталами, связывающими сущности? – странник с таким выражением лица прищурил глаза, будто попросил меня о чем-то невозможном и был абсолютно уверен в отказе.

– Да не проблема, – я пожал плечами. – Только для этого надо будет съездить в мой город.

– Ты действительно ненормальный, – высоко поднимает брови гаишник. – Привести странника к порталам, это... В

любом случае, я и сам не собираюсь туда проникать, тогда мне точно придется срочно драпать из этого мира, ибо, почуввав меня, проснутся все семеро.

– А нафига тогда спрашивал? – искренне удивляюсь я.

– Хотел услышать ответ.

– И что тебе дал мой ответ?

– Еще большее непонимание твоей сущности.

С минуту мы сидим молча.

– Так ты поможешь мне? – первым подал голос я.

– Ты, смертный, если ты действительно смертный, не понимаешь, о чем просишь. Или ты самоубийца?

– Не понимаю твоей паники. И почему ты считаешь меня самоубийцей? Я наоборот защищаюсь. Защищаю дорогих мне людей. Защищаю привычный мне мир.

– Защищаешь мир? Да ты собираешься его разрушить! – от возмущения у гаишника покраснело лицо. – Ты же прекрасно знаешь, что мир семизначен и в случае изменения числа возникнет Хаос.

– Ты лично это проверял?

– А ты, значит, решил проверить?

– Катерина угрожает жизни дорогих мне людей. Сегодня она уже чуть не уничтожила одного из них. Мой мир не может существовать без этих людей, понимаешь?

– Но, уничтожив одного из семерых, ты сам уничтожишь мир, в котором живут дорогие тебе люди, – пытается убедить меня странник.

– Не факт, – отвечаю ему. – Я не понимаю, каким образом мироздание держится за семь создавших его сущностей. Но ведь появляется же периодически некий восьмой, не участвовавший в его создании.

– Ну и что? – странник складывает руки на груди. – Восьмого каким-то образом порождают сами Создатели, и, несмотря на это, его существование грозит мирозданию.

– И одной из сущностей приходится поглотить другую для того, чтобы мир остался семизначен, правильно? – спрашиваю собеседника.

– К чему ты клонишь? – поворачивает он голову в мою сторону.

– К тому, что если ты поглотить Катерину, то это не будет являться уничтожением сущности, и нити, связывающие мироздание, не оборвутся. Ты же станешь одним из семи и обретешь свой мир.

На этот раз молчание длилось гораздо дольше минуты. Он продолжал смотреть в мою сторону, но взгляд был отсутствующим.

– Ты сумасшедший, – в конце концов, выдавливают он из себя. – Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– А ты понимаешь? – не выдерживаю я. – Хоть в одной из тех баек, которые ты мне рассказал, ты убедился лично? Или ты просто слышал об этом от кого-то много веков назад? Вот откуда ты знаешь, что Восьмой является порождением Семерки Создателей? Ты что, присутствовал во время зачатия?

Или принимал роды? А вдруг это просто наглый странник, решивший осесть в облюбованном мире?

Послышался странный хруст, и я увидел, как из-под лежащих на руле ладоней гаишника сыпется какая-то черная труха. Он отдернул руки, эбонит на том месте, где лежали его ладони, тут же осыпался, обнажив стальной каркас рулевого колеса.

– Офигеть! – искренне удивляюсь. – Пожалуй, при случае, мы с тобой будем здороваться без рукопожатия.

Гаишник тупо смотрит на покалеченный руль.

– Не расстраивайся, – пробую его успокоить. – Намотаешь какие-нибудь тряпочки, потом скотчем притянешь, наденешь оплетку, и фиг кто заметит.

– Кто что заметит? – он непонимающе смотрит на меня.

– Ну, – показываю взглядом на руль. – Вот это вот.

– Тебя действительно это волнует в данный момент? – странник смотрит на меня так, будто я неожиданно поменял цвет кожи, став, к примеру, негром.

– Да, собственно, меня это как-то не очень волнует, – стараюсь изобразить на лице искренне наивное выражение. – Хотел тебе посоветовать. Когда в армии служил, у нас на одном ЗИЛу тоже руль покоцанный был. Так водила намотал тряпок, обтянул черной изолентой... А чего ты так на меня смотришь? Ты случайно меня поглотить не собираешься?

***

Судя по заспаным лицам, Суровцев и Толик только что проснулись.

– Ты где пропал? Кофе бушь? – спрашивает Василий, помешивая ложкой в кружке.

– Спасибо, обойдусь, – мне действительно не хотелось. – Как выспались?

– Выспались хоккейно, спасибо Михаилу, подогнал нам мягкие диванчики, – Суровцев кивает на начальника «Багирь».

Кудинов смотрит на меня с интересом, не подозревая, что мы с ним уже общались, и это общение было для него не очень приятным. Вероятно, нам следует познакомиться. Подхожу и протягиваю ему руку.

– Олег.

– Михаил, – отвечает он крепким рукопожатием. Похоже, я не очень сильно повредил ему плечо при вчерашней встрече.

– Олег, нам надо переговорить, – говорит Василий, продолжая помешивать кофе.

– Надо, значит, переговорим. Что тебя беспокоит?

– Мужики, – обращается Василий к Толику и Михаилу.

Те, поняв намек, подхватили свои кружки и покинули кабинет.

– Я смотрю, тебе тут уже подчиняются, – ухмыляюсь, намекая на Кудинова.

– Кое-кто здесь все для этого подготовил, – отвечает Ва-

силий и, оставив, наконец, ложку в покое, поворачивается ко мне. – Олег, я многое пропустил, пока находился под, кх-м, арестом. И то, что рассказал Толян, кажется мне слегка невероятным.

– Что тебе кажется невероятным? – спрашиваю, представляя, что ему наговорил Толик.

– Я уже спрашивал. Ты отговорился якобы бывшим армейским товарищем. А твой сон в автомобиле? А та странная драка вчера в кафе, которая началась после того, как что-то ударило меня по мозгам? Я никогда не страдал давлением. Да и Михаил тоже рассказал интересную историю, как его тоже чем-то шарахнули по мозгам. А его уверения о том, что его ребят превратили в зомби, слишком складно переплетаются с рассказом Толика. Толян что-то там плел мне про давление на психику мистифицированными образами, но я не Толян, и меня подобные объяснения не устроят. Да и то, как мне вчера вывернуло мозг, на мистификацию не походит. И что за Дед Мороз приглашает тебя через сотрудника ГИБДД?

Вот и что мне ему ответить на этот каскад вопросов? Да ничего. Надо что-то соврать такое, чтобы раз и навсегда, ну, или хотя бы надолго, покончить с подобными вопросами. Ладно, буду импровизировать на ходу, авось получится.

– Не обижайся, Вась, но ты щас как ревнивая жена, допытывающаяся у мужа, где он пропадал всю ночь. Да я тебя понимаю, понимаю, – вскидываю руки в успокаивающем же-

сте, видя на его лице всплеск возмущения. – Сам бы на твоём месте извелся от непонимания. Кстати, я и на своём-то мало что понимаю. Просто отношусь к ситуации, как к телевизору.

– К какому телевизору? – не понимает Василий.

– Да ты кофе пей, а то остынет.

– Остыл уже давно.

– Вот ты когда телек смотришь, задумываешься, как он работает, какие там процессы внутри происходят, откуда берётся звук и изображение, и все такое? Или принимаешь это как должное? Лично для меня важен сам факт изображения на экране, а не процесс его получения.

– Предлагаешь относиться к тебе как к телевизору? – Василий делает глоток холодного кофе и, сморщившись, отставляет кружку.

– Помнишь, в самом начале нашего знакомства ты все допытывался, в каком ведомстве я служу? Я тогда убедил тебя, что являюсь обычным предпринимателем, у которого от наезда сильных мира сего слегка съехала крыша.

– Так я был прав? – Суровцев заинтересованно прищуривает глаза.

– Отчасти, – говорю неторопливо, давая себе возможность придумать, что ляпнуть дальше. – Я тогда как раз отошел от дел, ну, типа, ушел в отставку и устраивал свою гражданскую жизнь.

– Ага, – кивает Василий. – Помню, как устройство твоей

гражданской жизни взбаламутило тихое болотце нашего городка.

– В общем, Василий, я не хочу тебе врать, но, сам понимаешь, говорить правду просто не имею права. Нет, я все эти годы действительно находился в отставке. И сюда приехал из-за личных проблем, иначе не стал бы втягивать тебя в это дело. Но, как оказалось, здесь мои проблемы тесно переплелись с проблемами спецслужб, – вот это я завернул... Но, в любом случае, эту версию Василию будет легче принять, чем то, что есть на самом деле. И я продолжил: – Собственно, был бы я поумнее, сообразил бы, что игры вокруг фигуры мэра столицы без участия спецслужб не обходятся. Однако годы, проведенные в отставке, дали свое знать, и я сплеховал, втянув тебя в это дерьмо. Искренне сожалею.

Развожу руками и замолкаю, соображая, что бы еще сказать такого убедительного.

– А мне теперь что делать? – задает резонный вопрос Суровцев.

– Не знаю, Вась, честное слово, не знаю, – совершенно искренне пожимаю плечами. – Посвящать тебя в это дело мне полномочий не давали, да и, не обижайся, не та у тебя квалификация, чтобы играть в подобные игры. Лучшим вариантом для тебя было бы уехать отсюда.

– Ты уверен, что я ничем не могу тебе помочь?

– Ты уже помог. Нет, не усмехайся. Я серьезно, – говорю, заметив на лице Василия усмешку. – Благодаря тебе мне уда-

лось выйти на одного, кх-м, человека, который может оказаться очень полезен. Ты даже не представляешь, как полезен может оказаться этот человек.

– Кто он такой, мне знать, естественно, не положено.

– Извини, – в очередной раз развожу руками. – В любом случае, все должно решиться в ближайшие день-два. Так что вы с Толиком можете пока перекантоваться в этом офисе. Только постарайтесь не высовываться без надобности. Заодно и под рукой будете, если вдруг понадобится. А?

– Хоккей, – вздохнув, отвечает Суровцев.

– Хоккей, так хоккей. А чего вы тут голый кофе пьете? Некого послать за приличным завтраком, что ли? Зови давай Толяна с Михаилом.

Настенные часы, стилизованные под старину, пробили семь часов утра. Интересно, Володька со Светланой приехали уже? Если приехали, то наверняка сейчас устраиваются с жильем. В одиннадцать у них обоих встреча с новыми клиентами, так что особо и отдохнуть с дороги не успеют. Ну, зато не до меня будет. Светлана и так небось забивает себе голову вопросами, почему я не встретил, почему не организовал жилье, почему то да се? И как я буду выкручиваться?

***

Я явился в офис «Партии большинства» без предупреждения, потому меня не встречал как обычно Руслан Маратович. Охранники на входе пропустили без вопросов.

Возможно, они уже знали меня, а возможно, стояли просто так, для солидности, пропуская всех подряд.

– Катерины Андреевны нет, – сообщает мне коротко стриженный брюнет с квадратной челюстью, сидевший за уставновленным посреди холла столом.

– А Руслан Маратович?

– Руслан Маратович сопровождает Катерину Андреевну. Хотел было спросить, когда они будут, но, передумав, достаю телефон и набираю номер Руслана.

– Привет, Ибрагимыч. Мне нужна твоя хозяйка.

– Екатерина Андреевна занята, – послышалось в трубке после продолжительного молчания.

– Когда она освободится? – в ответ слышу короткие гудки. В следующий раз надо будет сдержаться и не называть этого Ибрагимыча Ибрагимычем.

Не зная, чем себя занять, прохаживаюсь по холлу. В таком большом помещении нет ни единого диванчика или какого-нибудь другого сиденья для посетителей. Вероятно, посетителей здесь не привечают. Вокруг вообще как-то слишком пусто. Нет обычных для таких помещений огромных кадок с пальмами и прочими манстерами. На стенах нет стендов с какой-нибудь информацией. Единственной мебелью является этот коротко-стриженный брюнет, сидящий за столом посреди холла. Он машинально следит за моими перемещениями, но в его взгляде отсутствует хоть какая-нибудь заинтересованность.

– Олег Юрьевич, – слышу приятный женский голос и обращаюсь. В бесшумно открывшихся дверях лифта стоит секретарша Катерины. Киваю ей с улыбкой и вопросительно поднимаю брови.

– Екатерина Андреевна просит вас подождать в парке, – улыбается мне в ответ женщина. – Она постарается освободиться как можно быстрее.

Проводив меня в парк, поинтересовалась, не нужно ли мне чего, типа чая или кофе, и, получив отказ, удалилась.

Побродив меж деревьев, сажусь на лавочку. Все-таки, несмотря на живые деревья, парк какой-то мертвый. Неестественную неподвижность воздуха я отметил еще в прошлый раз. Но была еще и неестественная тишина. Хотя бы какого воробья сюда запустить, чтобы порхал и чирикал. Пусть будет гадить на лавочку, зато живое существо, неотъемлемая часть отечественных парков. Если еще раз здесь появлюсь, обязательно предварительно заеду в зоомагазин, куплю стайку каких-нибудь птах и выпущу.

Интересно, Светлана не звонит, потому что занята, или обиделась, что не встретил? Нет ну, я, конечно, передал через Игоря, чтобы не звонили, но она же женщина, а значит, должна все делать наперекор. А вот ведь не звонит. Ну и хорошо.

На этот раз появление Катерины почувял заранее. Вот почему я иногда ощущаю приближение этой сущности, а иногда она появляется совершенно неожиданно? И в кафе я не

почуял ее, пока не столкнулся в одной оболочке.

– Что-то случилось? Или ты просто соскучился по мне?

Почуять я ее почуял, но вот появилась она все равно неожиданно, совсем не оттуда, откуда я ждал. Вышла Катерина из-за деревьев, вероятно, где-то там находится еще один вход. Обращаю внимание на то, что она сразу задала вопрос, не поздоровавшись, как обычно.

– Кажется, я нашел того, кого ты почуяла. Ну, ту другую сущность.

– Ты уверен? – с лица женщины сползает улыбка, освобождая место озабоченно-заинтересованному выражению, – Значит, я была права. Расскажи подробнее. Это Луноликий.

– Сперва скажи, ты присутствовала в тот вечер в «Стар Сити»?

– Когда ты наводил мосты к Сатирину? Нет, я не была там ни тогда, ни когда-либо вообще. Почему ты спрашиваешь?

– Потому, что я там ясно чувствовал близкое присутствие сущности. Тогда я подумал, что это ты, с помощью какой-нибудь оболочки, контролируешь мои действия. Но позже понял, что твою сущность ощущаю по-другому. Я не могу это объяснить, это как другой запах...

– Я понимаю, – прерывает мои объяснения Катерина. – Кто это был?

– Не знаю. Говорю же, что тогда подумал на тебя. Но Луноликого там точно не было, – и после небольшой паузы добавляю: – Но это не все.

– Что еще? – Катерина стоит передо мной в какой-то вовсе не женской позе, заложив руки за спину и расставив ноги. Мне неудобно задирать голову, чтобы смотреть ей в лицо, но и пялиться в ее живот, несмотря на то, что на нем находится большая черная пуговица, украшенная россыпью бриллиантов, застегивающая полы белоснежного пиджака, тоже не доставляет удовольствия.

– Может, сядешь? – предлагаю ей. – А то загородила белый свет, с мысли сбиваешь.

– Что еще? – повторяет Катерина, сев рядом.

– Суровцев был похищен этой самой сущностью, – и поправляюсь: – Точнее будет сказать, по его заказу.

– Что?! – Катерина снова встает.

– Да сядь ты, блин...

– Так, значит, вчера мне не показалось, – Катерина пошла к пруду и обратно, вновь остановившись передо мной. – Почему ты вчера не рассказал об этом?

– Не ну, блин, я же объяснял уже, что думал, будто это твои приколы. Сперва появилась было мысль, что это чужая сущность, но после твоей выходки в кафе решил, что это все-таки ты.

– Зачем бы мне все это было нужно? – возмущается она.

– Да кто тебя знает? – пожимаю плечами. – Зачем тебе вообще все это нужно... Может, все-таки сядешь? Или хотя бы отойди дальше, а то поцарапаешь мне нос своей пуговицей.

Катерина опять садится, закидывает ногу на ногу и обхва-

тывает коленку ладонями.

– Я так полагаю, случилось что-то, заставившее тебя изменить свое мнение? – спрашивает она. – Что заставило тебя поверить, что это была не я?

– Во-первых, я уже сказал, что понял разницу в ощущениях той сущности от твоей. А во-вторых, – делаю небольшую паузу. – Сегодня ночью он предложил мне сотрудничество.

И снова Катерина вскочила со скамейки.

– Почему бы тебе не запустить сюда парочку воробышков? – неожиданно для самого себя спрашиваю ее. – Не думаю, что пара птичек будет много гадить. Зато щебетать будут приятно.

– Что? – брови Катерины ползут кверху.

– Что, что? – переспрашиваю, наивно глядя ей в глаза.

– О каких воробушках ты говоришь? При чем здесь они?

– Об обыкновенных воробышках. Они добавили бы естественности этому парку, – отвечаю все так же наивно.

М-да, зря я об этом заговорил. Похоже, она сейчас захочет меня убить.

Однако Катерина сдержалась, молча переварив отвлечение о воробышках.

– Кто какое сотрудничество тебе предлагал? Ты же сказал, что не знаешь, кто он? – на ее лице не было и следа обычной улыбки, в глазах сверкала жесткая решительность. – И прекращай строить из себя идиота. Или хочешь, чтобы я занялась твоими друзьями?

– Только попробуй, и я сразу приму его предложение, – тоже поднимаюсь со скамейки и встаю напротив нее. – И тогда посмотрим кто кого.

Ее бледное лицо начинает покрываться пунцовыми пятнами, в нем не остается и следа красоты. Неужели оно когда-то принадлежало любимой мною женщине?...

– Ты не можешь сотрудничать с чужим! – наконец выдавливает из себя она.

– Почему? Что мне мешает? И почему ты решила, что он чужой? Может, это новая форма Восьмого? – вот это я загнул...

– Не говори ерунды. Восьмой не может появляться так часто.

– Почему? Обоснуй. – требую я и тут же загибаю очередной неожиданный финт: –А может, это и вовсе Девятый, который приходит еще реже Восьмого?

Пунцовые пятна на лице Катерины полностью вытесняют бледность. Возникает мысль предложить ей охладиться в пруду. Представляю, как вода вокруг нее кипит, испаряясь, а на поверхность всплывают кверху пузом вареные рыбины.

– Чему ты улыбаешься? – гневно спрашивает она.

– Я разве улыбаюсь? Извини, это непроизвольно. Ты так прекрасна в гневе, кх-м...

Ё-мое, она сейчас и правда закипит! Зачем же я ее так довел? Что же ей сказать-то, чтобы успокоить?

И снова ей удастся совладать с собой.

– Спрашиваю еще раз, – говорит она преувеличенно спокойно. – Кто какое сотрудничество тебе предлагал?

– Чужой. Предлагал мне помочь ему скрыться от твоего внимания. Типа, либо убедить тебя в том, что его существование тебе показалось, либо, если не получится убедить, пустить по ложному следу.

– Но ты же сказал, что не знаешь, кто он.

– А я и не знаю, – снова опускаюсь на лавочку. – Он общался со мной посредством оболочки какого-то гаишника, но вряд ли это его основная оболочка. Возможно он вообще как ты, в смысле, женщина.

– Возможно, – соглашается Катерина, проходит к пруду и оттуда спрашивает: – Почему он обратился к тебе?

– Он не верит, что я один из семи. Думает, что я такой же, как он. И искренне удивлен, что я запросто общаюсь с тобой.

– Что в этом общении он видит необычного? – задает вопрос Катерина, разглядывая рыб, собравшихся у берега при ее появлении.

– Он говорит, что ты должна быть запрограммирована на уничтожение ему подобных.

– Ты сказал, что это он выкрал твоего приятеля. Зачем?

– Чтобы вынудить меня пойти на контакт с ним. Я, видите ли, в отличие от представителей семерки, не создаю ментального возмущения, а потому меня трудно вычислить. Ну, или что-то типа того. Короче, – говорю, видя, что Катерина собирается задать очередной вопрос: – Я сделал вид, что

согласен оказать ему помощь. Если он тебе нужен, то давай думать, как устроить ему ловушку.

– Ловушку, говоришь? – Катерина задумчиво стучит маникюром по стволу ближайшего клена. – Ловушку... ловушку... Если он действительно не верит, что ты один из нас, а ты и так обычный смертный, то, значит, он уверен в существовании подобных ему. Но почему в доставшихся мне знаниях того, кого я поглотила, нет ничего об этих сущностях?

– Может, ты при поглощении плохо его пережевала? – предполагаю я и тут же, наткнувшись на ее взгляд, поясняю: – Шутка.

– В любом случае, его необходимо уничтожить.

– Ну да, – киваю в ответ. – Нет сущности – нет проблем.

Катерина еще полчаса размышляет, бродя по берегу, порою спрашивая меня о чем-либо, потом начинает инструктировать, что мне делать при следующем контакте с чужим. Она выстраивает для странника ловушку, не посвящая меня в детали, используя лишь в качестве исполнителя. Такой расклад меня не устраивает, и я так ей и заявляю.

– Меня такой расклад не устраивает, дорогая, – делаю ударение на слове «дорогая». – Не хочешь посвящать меня в свои планы – и не надо. Вот только и реализовывать их тебе придется без моего участия.

– Не забывай, что ты всего лишь смертный, – Катерина вперивает в меня взгляд через прищуренные веки. – Даже и не знаю, почему это я так беспокоюсь за твою глупую оболоч-

ку. Ведь я должна быть заинтересована в том, чтобы мой собрат, затаившийся в ней, проявился как можно скорее. Возможно, стимулом для этого будет твоя гибель, Олежек.

– Были уже такие, которые пытались устроить мою гибель, – отвечаю с напускной небрежностью, но внутри пробегают неприятный холодок.

– Они были простыми смертными, – усмехается Катерина. – Впрочем, интересно, на что ты способен... Иди-ка за мной.

Она решительно направляется куда-то в гущу деревьев. Я сперва хотел было воспротивиться ее приказному тону, но не оставаться же здесь одному. Поднимаюсь и следую за ней.

Мы выходим на довольно обширную поляну. Катерина пересекает ее и устраивается полулежа на скамейке, стилизованной под поваленное дерево.

– Посмотрим, на что ты способен, – слышу хор голосов, раздающихся со всех сторон.

Оглядываюсь и вижу выходящих из-за деревьев дюжих парней. Двое с разных сторон направляются ко мне. Еще двое остаются стоять на краю поляны.

– Давай, Олежек, попробуй справиться со слабой женщиной, – снова хором говорят охранники. В мужские голоса явственно вплетается и женский, принадлежащий Катерине. При этом все пятеро, включая и ее, премило мне улыбаются. Понимаю, что этими четвермя окружившими меня телами управляет рыжая бестия. М-да, мне далеко до такого...

Опс. Ё-о!

Приблизившийся первым, крутанувшись волчком, впечатывает ботинок в мою грудь. Из меня напрочь вышибает весь воздух, в глазах темнеет. Отлетаю в сторону, но тут же меняю направление на девяносто градусов, благодаря врезавшемуся в челюсть кулаку второго подоспевшего бойца. Падаю на спину и, поперхнувшись наполнившей рот кровью, переворачиваюсь, пытаюсь откашляться, встаю на четвереньки. Страшный удар по ребрам снова опрокидывает на спину. Грудь как будто стиснули в гигантских тисках. Не могу не только дышать, но и даже откашляться от попавшей в горло крови. Сквозь гул в ушах слышу дружный смех. Во мне просыпается злость... Нет, не злость – зверь. Боль тут же уходит, дыхание восстанавливается, зрение проясняется. Смех становится все ниже и, наконец, превращается в протяжный гул. Пылинки, поднятые моим падением, неподвижно висают в воздухе. Вижу плавно плывущий к моему лицу ботинок. На синем резиновом треугольнике, вделанном в черную ребристую подошву, вытеснены цифры «43». Когда носок ботинка начинает касаться кожи на скуле, отвлекаюсь от созерцания протектора подошвы и убираю голову в сторону. Пока ботинок, вместе с обувью в него ногой, проплывает мимо, подсекаю вторую ногу футболиста, спутавшего мою голову с мячом. Он зависает в воздухе и начинает медленно, словно тонущий в воде лист бумаги, опускаться на землю. Оборачиваюсь и вижу, что правая нога второго приближает-

ся к тому месту, где только что находился мой бок. Корректирую падение первого так, чтобы он ребрами состыковался с ногой своего товарища.

Из общего низко частотного гула начинает выделяться один более высокий звук. Он становится все выше и, наконец, превращается в нормальный голос Катерины.

– Похвально, друг мой, похвально, – она уже не лежит на бревне, а сидит, с интересом наблюдая за схваткой.

Хочу ответить ей что-то колкое, но отвлекаюсь на еще двух приближающихся бойцов. Они сперва медленно выходят из-под деревьев, но с каждым шагом скорость их движения все нарастает. Вот они уже движутся почти нормально. Оборачиваюсь, чуя движение воздуха, и еле успеваю увернуться от летящего мне в висок кулака. Оставшийся за моей спиной боец тоже ускорился. Он уже врезал пинка по ребрам своему товарищу, и тот теперь медленно переворачивается в воздухе, складываясь от удара пополам. Значит, Катерина может ускорять не только то тело, в котором существует, но и те, которыми управляет.

С мысли сбивает прилетевший в затылок удар. Нефиг думать, когда действовать надо. Правда, удар больше напоминает сильный толчок, похоже, ускорять сразу несколько тел в полной мере не под силу даже продвинутой сущности. Однако удары не настолько медлительны, чтобы их игнорировать. Если попасться на встречный, или промеж двух кулаков, то мало не покажется. А если они, вернее, она, догада-

ется просто навалиться на меня и задавить тремя телами одновременно, то вряд ли у меня останутся хоть какие-нибудь шансы. Посему я старательно уворачиваюсь от ударов, сыплющихся с трех сторон, и еле успеваю отвечать сам. Не знаю, долго ли сможет выдерживать такой темп Катерина, управляя тремя телами, но я уже начинаю выдыхаться.

Бойцы плотнее зажимают меня в круг, оставляя все меньше пространства для маневра. Еще немного, и они зажмут меня окончательно. Улучшив момент, отбиваю ногу одного, блокирую удар в голову от второго и щучкой ныряю меж них. Кувыркнувшись через голову, удивляю себя тем, что машинально хлопаю ладонью вытянутой руки по песку, как положено при страховке. Надо же, более двадцати лет прошло с тех пор, когда я последний раз на тренировках отработывал страховку на татами, а вот и ладошкой хлопнул, и ноги правильно скрестил, что позволило тут же подняться. Но некогда себе удивляться, бо меня тут возможно намериваются убить. Провожу сметающую подсечку ближайшему бойцу и, еще раз крутанувшись, бью его, уже почти упавшего, каблуком по затылку и тут же отпрыгиваю в сторону, чтобы уйти от контакта с оставшимися. Надо не дать им зайти с двух сторон, а потому стараюсь держаться так, чтобы один из противников постоянно находился между мной и своим товарищем. Вместе с тем, двигаюсь как можно более экономично, стараясь сохранять силы.

Вдруг бойцы останавливаются, разворачиваются и идут

друг за другом восвояси. По мере удаления их движения становятся все более медленнее и, наконец, замедляются до еле заметного глазу. Понимаю, что все окончено, и тоже выхожу из ускорения. На тело наваливается такая усталость, что колени подгибаются, и я опускаюсь на песок.

– Устал? – с сочувствием в голосе спрашивает Катерина.

– Есть немного, – киваю в ответ, глядя на два тела, распростертые передо мной. Ближний ко мне боец лежит неподвижно, не подавая признаков жизни. Другой, тот, которому досталось по ребрам от собственного товарища, держится руками за бок, хрипя и корчась от боли, на его губах выступает кровавая пена. Вероятно, сломанным ребром пробито легкое.

– Меня ты тоже утомил изрядно, – довольным голосом сообщает Катерина. – Ощущения как после хорошего секса.

– Так и думал, что ты мазохистка, – говорю, поднимаясь. Мой организм быстро восстанавливается, прогоняя усталость и наполняя тело энергией. Подхожу к Катерине и сажусь на бревно рядом с ней. – Зачем ты это устроила?

– Ты же претендуешь на игру на равных, – пожимает та плечами. – Вот я и захотела посмотреть, насколько ты равен.

– И?

– На удивление неплохо, – в ее голосе чувствуется искренность. – Если тогда в кафе ты застал меня врасплох, то сейчас сражался на довольно приличном уровне. У меня даже мелькнуло подозрение, что твоим телом управляет собрат,

вселившийся в тебя.

Она поднимается и направляется в сторону пруда.

– Пойдем обсудим наши совместные действия, – зовет меня, видя, что я продолжаю сидеть на месте.

Уходя с поляны, оборачиваюсь и вижу, как какие-то люди в синих комбинезонах, наподобие строительных, грузят тела на носилки. Вспоминаю, как чувствовал чужой больной зуб, когда завладел телом сотрудника «Багиры». Неужели Катерина чувствовала на себе все эти удары? А поломанные ребра? Нет, она определенно мазохистка, если подобные ощущения сравнивает с сексом.

– Я почему-то думал, что бессмертные сущности бьются на ментальном уровне, – говорю, когда мы возвращаемся на скамейку у пруда.

– На ментальном уровне мы лишь поглощаем друг друга. Да это и скучно. Сражаться в физических телах куда привлекательнее и менее опасно. Но не строй из себя простачка, ты прекрасно знаешь, что затворившаяся в твоей оболочке сущность недостижима на ментальном уровне. Ни способ, как это сделать, ни причины затворничества я не знаю. А узнать очень хочется. И чем дальше, тем все больше убеждаюсь, что существует лишь один способ вытащить из тебя моего собрата... – Катерина замолкает, пронизывая меня тем взглядом, которым каждая из встреченных мною сущностей обязательно пыталась выцарапать нечто, якобы находящееся во мне.

Не спрашиваю, какой способ извлечь из моего тела затаившуюся сущность предполагала Катерина. И так ясно. И это еще один повод для скорейшей нейтрализации или уничтожения этой рыжей бестии.

– Если не хочешь запустить сюда воробышков, то хотя бы заведи в пруду лягушек, – высказываю мысль, рожденную в результате плеснувшей в пруду рыбы. – Они бы так мило квакали... Кх-м, извини, что отвлекся. Так о чем мы?

– Когда ты предполагаешь следующий контакт с чужим?

– Когда угодно. Я попросил его дать мне время до вечера, чтобы все обдумать. Так что, возможно, сегодня вечером.

– Интересно, каким образом он собирается обмануть меня? – задумчиво размышляет Катерина.

– Как каким? Разве я тебе не сказал? – изображаю удивление.

– О чем не сказал?

– Понимаешь, он может жертвовать частичкой своей сущности, примерно как ящерица жертвует хвостом, оставляя его в зубах хищника, – с удовлетворением наблюдаю, как брови собеседницы лезут вверх от удивления, и продолжаю: – Его уловка весьма простая. Чужой подсовывает тебе управляемую им оболочку, позволяет ухватиться, после чего оставляет в твоих зубах кусочек своего х... кх-м, хвоста, а сам исчезает в неизвестном направлении. Ты, проглотив кусочек, остаешься уверенной, что схавала всю сущность целиком и, радостно прыгая, возвращаешься к своим делам.

– Какая помощь ему требуется от тебя? – спрашивает Катерина, обдумав пару минут услышанное.

– Я должен явиться к тебе и, сказав, что засек чужого, предложить устроить ему ловушку, – говоря это, стараюсь мило улыбаться.

Меня прерывает смех Катерины. Она смеется так, будто услышала что-то невероятно смешное. Что ж, пусть посмеется напоследок.

– Извини, – говорит она, отсмеявшись. – Продолжай, пожалуйста.

– В общем, я предлагаю тебе устроить чужому ловушку, якобы заманиваю его, делая вид, что помогаю, путаюсь у тебя под ногами, всячески отвлекая и мешая сосредоточиться. Короче, создаю тот самый шумок, под который он намеревается смыться с твоих глаз.

– Ну что же, план прост, а потому весьма эффективен, – Катерина хлопает меня по коленке. – Так и действуй. Единственным добавлением к этому плану будет то, что я должна знать, где будет находиться основная оболочка, в которой обитает чужой.

– Вот это я тебе не обещаю. Не, ну постараюсь, конечно, но... А где будем устраивать встречу?

– Где угодно, – она улыбаясь откидывается на лавочке, заведя руки за спинку. При этом жакет распахивается, а блузка натягивается на груди так, что, кажется, вот-вот выстрелят вырванные с корнем пуговицы. – Главное, чтобы я знала об

этом заранее и успела подготовиться.

– Мне что делать?

– Действовать, строго придерживаясь предложенного чужим плана.

– Путаться у тебя под ногами, мешая и сбивая с толку?

– Все же жаль, что ты не в состоянии меня полюбить, – Катерина смотрит на меня, загадочно улыбаясь. И от этой улыбки я передергиваю плечами.

***

Резиденцию «Партии большинства» покидаю уже за полдень, предварительно сменив порванную в схватке рубашку на новую, принесенную секретаршей Катерины. На улице прошел короткий, но сильный летний дождь, и теперь солнце, прогнав тучу, старательно испаряет лужи, насыщая воздух влагой. Вопреки принятому мнению, короткий дождь жарким днем вовсе не освежает городские улицы, а наоборот, подобно ковшу воды, выплеснутому на раскаленные камни в русской бане, делает жару еще более невыносимой. Люди в этой духоте передвигаются тяжело дыша, сверкая покрытыми потом лицами, мечтая быстрее оказаться где-нибудь в прохладном месте.

На меня же влага и жгучие солнечные лучи наоборот производят благостное действие, наполняя тело энергией, возмещая затраченные на поединок силы. Хочется остановиться, подставить лицо солнцу, расставить шире ноги и руки и

впитывать энергию каждой клеточкой. Однако бесконечный плотный поток пешеходов, спешащих куда-то в обоих направлениях, не очень располагает к подобному блаженству, и я, влекомый людским потоком, двигаюсь все дальше и без особой цели. Вполне возможно, что Катерина каким-то образом следит за мной, а потому не делаю попыток с кем-либо связаться. Странник, как было договорено, объявится сам, а остальным сейчас лучше держаться от меня подальше. Осознание того, что либо сегодня, либо завтра все разрешится, наполняет меня спокойствием. И неважно, в чью пользу разрешится, важно, что не останется гнетущей неопределенности.

И лишь одна мысль, вдруг появившаяся, начинает точить мое вроде бы наступившее спокойствие. Если внутри меня действительно притаился один из семи создателей этого мира, то как он отнесется к попытке уничтожения одного из его собратьев? Черт бы его побрал, этого паразита, затаившегося в моем организме и молчаливо отсиживающегося в течение последних шести лет. А может, он просто завалился в спячку, о которой когда-то рассказывал мне Шалинский? Залез в мой организм, наделил меня различными способностями и, устав, прилег вздремнуть лет по сто на каждый глаз... Проснется и офигеет, чего я тут наворочал... М-да. Ну да фиг с ним. Пусть себе дрыхнет спокойно.

Свернув с проспекта, подхожу к воротам дома, в котором Катерина выделила мне квартиру. Я здесь не был уже двое

суток. Зайти, что ли? А зачем? Прохожу мимо. Прохожу мимо кафе, в котором вчера принял непосредственное участие в потасовке. Вот и знакомый сквер. После дождя здесь безлюдно. Подхожу к лавочке, у которой учил уму-разуму наглых Ментов, и, смахнув ладонью капли воды, сажусь.

Сидеть приходится долго, почти час, прежде чем появляется ощущение присутствия сущности. К лавочке приближается подвыпивший подросток с банкой пива в руке. Судя по его мокрой одежде, он от дождя не прятался.

– Привет, мужик, – гундосит юнец, плюхаясь на лавочку рядом со мной. – Есть сигареты? А то мои, на, промокли под этим шняжным дождем, на.

– Ну ты, на, и конспиратор, на, – ухмыляюсь, уверенный в том, что передо мной оболочка, управляемая странником. Ведь именно его сущность я ощущаю все сильнее.

– Чего, на? Какой конспиратор, на? – удивляется подросток, пытаюсь сосредоточить на мне пьяный взгляд. – Ты чо гонишь, мужик?

Начинаю испытывать смутное сомнение и оглядываюсь вокруг. На расположенную метрах в десяти дальше лавочку садится полковник Смирнов и начинает листать какой-то глянцевоый журнал с изображениями автомобилей. Снова перевожу взгляд на осоловевшего паренька, который, судя по полуприкрытым векам, совсем уже приготовился уснуть. Надо же было так лопухнуться, заподозрить присутствие сущности в этом жалком представителе «ушедшего за клин-

ским» поколения. Поднимаюсь и направляюсь к страннику.

Обсудив план встречи с Катериной, мы расходимся. Вернее, уходит он, я остаюсь в сквере. А куда мне идти? Интересно, чем сейчас занимаются Володька и Светлана? Наверное, полностью погрузились в дела, забыв обо всем на свете. Почему-то захотелось увидеть Светлану. Не очень-то хорошо мы с ней расстались. Сперва поссорились из-за пустяка, потом я и вовсе исчез по непонятным делам. Перед этим еще ездил на вечеринку в «Дом охотника» без нее. А там кто-нибудь наверняка видел меня прогуливающимся под ручку с Никитиной. М-да. Что еще сказать, кроме «м-да»?

Достаю мобильник и нахожу в телефонной книге имя супруги. Долго думаю над ним, затем перелистываю назад и набираю номер Руслана.

– Привет, – отвечаю на его «ало», не добавляя обычного «Ибрагимыч». – Передай Катерине, что сегодня в двадцать два ноль-ноль я приведу чужого к ней в офис.

Сбрасываю звонок и снова перелистываю на номер Светланы. Собственно, а чего я опасюсь? Через несколько часов все разрешится, и тогда... А что тогда? Что, если все пойдет не по плану? Но палец уже нажал кнопку вызова. Запоздало подумал, что сперва нужно было позвонить Володьке.

– Да, Олег. Ты где? Где тебя носит? – слышу в трубке голос Светланы и с удовлетворением отмечаю, что в нем нет ни раздражительности, ни той отчужденности, с которой она разговаривала со мной после ссоры.

– Привет, Светик. Да вот, ношусь по делам, как угорелый. У тебя как дела? Как доехали? Где ты сейчас?

– Я с Элеонорой. Мы обедаем. Ты подъедешь?

Полчаса, и я выхожу из такси у ресторана, названного Светланой. Женщины уже закончили обедать и ждут меня на стоянке у шикарного красного авто неизвестной мне марки. Обнимаю Светлану, чмокаю в губки и здороваюсь с Элеонорой.

– Вы приехали на такси, Олег, – отмечает наблюдательная Элеонора. – Может, вас подвезти?

– Нет, спасибо, – благодарю за предложение. – Мы сами.

Мне действительно не терпелось остаться наедине с супругой. Было о чем спросить и что сказать.

– Тогда до завтра, – говорит женщина и, повернувшись к Светлане, добавляет: – Завтра как договорились.

Светлана кивает, и они прощаются как давние подружки, чмокнув друг друга в щечку. Элеонора уезжает, а мы идем к поджидающему нас такси. По пути сочиняю историю про то, что только что приехал из деловой поездки, а из гостиницы, где жил ранее, выписался, ибо был уверен, что Светлана по приезду снимет номер на нас двоих.

– Вообще-то, я думала, что ты обеспечишь жилье нам обоим, – укоризненно говорит жена. – Но, зная твою непрактичность, все же сняла номер на двоих.

В знак благодарности притягиваю ее к себе и целую в щечку, ощущая знакомый и такой приятный запах. Пока едем в

такси к названному Светланой отелю, она рассказывает мне о встрече с Элеонорой, о том, какая она замечательная заказчица, о планах, проектах, моделях... Я слушаю, ни во что не вникая, лишь глядя на нее и удивляясь, как это я мог быть к этой женщине абсолютно равнодушным? Как мог воспринимать ее лишь как удобную в хозяйстве вещь? Ёпрст, я, кажется, влюбился! Влюбился в собственную жену!

– Олег, ты меня слушаешь? Или ты витаешь где-то в облаках? – тормозит меня Светлана, когда мы уже поднимаемся в лифте. – Эй, ты чего так на меня смотришь?

– Хочу тебя съесть, – признаюсь честно и вытаскиваю ее за руку в открывшуюся дверь лифта. – Где тут наши апартаменты?

– Сумасшедший, что с тобой? – вырывается Светлана. – Дай мне достать ключ от номера.

Оказавшись в номере, захлопываю ногой дверь, привлекаю Светлану к себе и жадно впиваюсь в ее губы. Она что-то возмущенно мычит, пытается отстраниться, колотит меня по плечам кулачками, затем обвивает мою шею руками, и теперь уже непонятно, кто кого сильнее хочет съесть.

Далее, как по сценарию какого-то голливудского фильма, мы устилаем путь от дверей к кровати предметами своей одежды и падаем на покрывало, не в силах сдержать рвущейся наружу страсти.

Когда через полчаса, наконец, приходит умиротворение, с интересом осматриваем то, во что превратилось наше ложе.

Мы лежим на голом матрасе. Покрывало, одеяла, простыни, подушки – все разбросано по спальне. Не валяется рядом с кроватью, спихнутое в процессе любовных игр, а именно разбросанно по всей комнате, как будто мы отшвыривали мешающие нам вещи. Однако я за собой такого не помню. Да и Светлана, вроде, не отвлекалась.

– Что это было? – Светлана задает вопрос с видом наивной простушки, вдруг обнаружившей себя голой, в разгромленной постели, с каким-то мужиком.

– Где? – будто бы не понимаю, о чем она.

– Здесь, – она обводит вокруг рукой, указывая на разбросанную постель.

– Ты что, не помнишь, как швырялась подушками?

– Я-а-а?! Не помню. Расскажи.

– Значит, дело было так...

– Все-таки я не помню, когда это я кидалась подушками? – снова спрашивает Светлана, спустя следующие полчаса.

– погоди, – отвечаю, тяжело дыша. – Сейчас отдышусь и попробую еще раз напомнить.

Однако вздымающаяся перед моими глазами в такт дыханию красивая женская грудь не позволяет успокоиться. Обнимаю Светлану и тянусь губами к набухшему коричневому соску.

– Кто такая Лина? – вдруг спрашивает Светлана.

– Кто? – губы уже ощутили нежный сосок, когда неожиданный вопрос, подобно холодному душу, охладил мой по-

рыв. – Какая Лина?

– Элеонора сказала, что тебя с ней свела некая Лина, – Светлана приподнимается на локте и смотрит на меня, прищутив глаза.

– А-а-а, Лина, – протягиваю, лихорадочно соображая, что бы соврать. Как мне надоела эта необходимость постоянно врать и изворачиваться. Сначала перед Суровцевым, теперь вот перед Светланой. Однако какая же эротичная сейчас у нее поза. И почему я не художник?

– Лина, Лина, – кивает Светлана, еще сильнее прищуривая глаза, изображая крайнюю подозрительность.

– Да я ее почти не знаю, эту Лину, – говорю, выигрывая фору на раздумье, и вспомнив кавалера Лины, объясняю: – Это подруга Эдика.

– Какого еще Эдика?

– Да, – отмахиваюсь небрежно. – Когда-то, еще при прежнем мэре, на открытие «Дома Охотника» приезжал его друг, зам какого-то министра, и привозил с собой своего сына. Его сынок и есть Эдик. Тогда он сопляк совсем был, а щас вырос, положение в столичном обществе заимел. Я с ним случайно встретился, он узнал меня. Ну, посидели, поговорили. С ним его подруга была. Я и забыл, что ее Лина зовут. Имя какое-то необычное – Лина.

– Ясно, – успокоенная Светлана откинулась на спину, и я снова потянулся губами к ее груди...

***

– Боже мой, Олег, у меня же полно работы. Где мой ноутбук? Остался у дверей? – засуетилась, выйдя из душевой комнаты, Светлана. – Давай попьем кофейку, и я уйду в работу. И больше ко мне не приставай. Ты и так меня отвлек. Я думала разобраться с делами до вечера, и вот уже вечер, а работа еще не тронута. И настроения работать нет. И все из-за тебя, негодяй. Свалился, как снег на голову.

Действительно, уже вечер. Мне пора уходить. Уходить в неизвестность... И что-то опять надо соврать Светлане о том, куда я собираюсь свинтить на ночь глядя. Так, ладно, нефиг тут раскисать. Я отправляюсь не в неизвестность, а раз и навсегда покончить с проблемами... С одной рыжей проблемой, мешающей мне жить спокойно. И все будет зашибись. Наши победят, немцы будут биты. Но что сказать Светлане? Вот это действительно проблема. Вот по какой такой необходимости мне можно оправданно сейчас уйти?

– У тебя телефон звонит. Не слышишь, что ли? – выводит меня из раздумий голос супруги. – Или не хочешь брать трубку?

Поспешно беру телефон. Звонок от Василия. Поинтересовавшись, где пропадаю и как дела, Василий сообщает, что в офисе «Багиры» меня ждет некий Смирнов. Голос Суровцева показался мне слегка пьяным, но я не придал этому значения, мало ли, решил мужик расслабиться. Прошу Василия прислать за мной Толика, кладу трубку и демонстративно, так, чтобы видела Светлана, хлопаю себя ладонью по лбу.

– Ё-моё! Я же совсем забыл!

– О чем? – спрашивает супруга, под аккорд загрузившейся винды.

– Да пообещал Василию свести его с одним человеком и забыл. А все ты виновата, – шутливо укоряю жену, застегивая пуговицы на рубашке.

– Суровцеву, что ли? Он тоже в столице? – интересуется она, шурша кнопками на клавиатуре ноутбука. – И надолго ты?

– Суровцеву, – отвечаю по порядку на заданные вопросы. – Приехал пару дней назад. Вернусь, как только сведу их достаточно плотно. Но, думаю, что это будет уже поздно ночью.

– Возможно, я еще не буду спать. У меня работы невпроворот, – говорит Светлана и шутливо добавляет: – Смотри только сам не сведись там с кем-нибудь, в смысле, с какой-нибудь.

– С ума сошла? После этого? – я возмущенно показываю в сторону спальни, в дверях которой виднеется край скомканной простыни, валяющейся на полу. – Не, ну мне, конечно, льстит, что ты обо мне такого высокого мнения... В общем, как получится.

– Но-но! Я те дам, как получится! Убью ноутбуком по голове.

– И не жалко тебе ноутбук?

– Ноутбук? – задумывается жена. – Вообще-то, жалко. Но

я найду что-нибудь другое, покрепче и потяжелее.

***

Вечерний воздух оказался приятно свеж. Все же дневной дождь охладил городской камень, забрав испарениями накопленное тепло из асфальта и стен домов. Пешеходы сменили спешащую походку на неспешный прогулочный шаг, превратившись из торопливых молчаливых раздражительных зануд в весело гомонящих гуляк.

Сев в машину к Толику, интересуюсь, как у них дела.

– Не очень, – как-то печально отвечает тот.

– Что еще не так?

– Да шеф с этим Мишей забухали.

– Чего? – удивляюсь я. Ни за что бы не мог предположить, что Суровцев способен забухать.

– Да я сам не ожидал такого от шефа, – заявил Толик, выруливая со стоянки. – А они заперлись с шефом ЧОПа...

Далее едем молча. Толик сосредоточенно крутит баранку, я думаю о Василии. Наверное, ему есть от чего забухать. Сперва, ничего не объяснив, похищают. Потом, так же ничего не объяснив, выпускают. Потом что-то бьет по мозгам. Потом друг оказывается агентом секретной спецслужбы, окутанной непроницаемым пологом тайн. А тут еще и новый знакомый Михаил поведал о том, как кто-то, появившийся от моего имени, превращал его подчиненных в зомби и выворачивал его мозг наизнанку.

В кармане гудит виброзвонком телефон. Смотрю на экран – звонок от Руслана.

– Да? – бросаю в трубку.

– Екатерина Андреевна спрашивает, где будет находиться основная оболочка? – говорит Руслан.

Интересно, он знает, о чем спрашивает? Или просто передает вопрос Катерины?

– Будет где-то рядом, – отвечаю ему. – Точнее пока сказать не могу. Не спрашивать же мне у него напрямую. Коротче, передай хозяйке, пусть ждет. Будет дополнительная информация – позвоню сам. Все.

Сущность странника я почувал еще за пару сотен метров. Он встречает нас у крыльца офиса.

– Готов к труду и обороне? – спрашивает, пожимая мне руку. В глазах немолодого уже полковника мелькают озорные искры, присущие молодым и бесшабашным.

– К черту оборону. Только нападение, – отвечаю ему.

– Нападение, так нападение, – усмехается Смирнов. – Нам, как грится, что наступать – бежать, что отступить – бежать.

Толик, слушая наш разговор, смотрит на нас с надеждой, что мы приобщим его к делу.

– Ты отвечаешь за Василия, – тычу пальцем в его грудь. – Смотри, чтобы его снова не украли. Понял задачу?

– Понял, – разочарованно отвечает Толик, обиженно вздыхая.

Рядом лихо затормозила черная БМВ.

– Поехали, – кивает на машину странник и уже внутри спрашивает: – Никаких изменений в ваших с Катериной планах моего уничтожения нет?

– Неа. Разве что звонил ее подручный с вопросом о том, где будет находиться твоя основная оболочка. Я забыл тебе сказать прошлый раз, Катерина очень этим интересовалась.

– Зря ты не сообщил об этом заранее, – странник прокручивает что-то в уме. – Можно было бы попробовать устроить ловушку с наживкой из якобы основной оболочки.

– Извини, не до этого было, – оправдываюсь я. – Занимался неотложными семейными делами.

Полковник бросает на меня какой-то странный взгляд, но ничего не говорит.

Я снова задумываюсь о Суровцеве. Надо было зайти к нему. А зачем? Чтобы посмотреть на его пьяную рожу и почувствовать на себе его полный упрека взгляд? Забухал он, видите ли. Нервный какой. Ладно, разберусь с этими сущностями, заманю Василия на рыбалку. Володьку позову, Игоря, Толика тоже, еще кого-нибудь. Чтоб нормальная мужская компания была. Посидим на берегу, пообщаемся, наблюдаем за поплавком, расслабимся. По мне, так даже вид идеального женского тела не сравнится с созерцанием поплавка на спокойной воде ранним утром. Идеальная картина для медитации и приведения нервов в порядок.

– Что, смертный, не рад уже, что влез в эту историю? – по-

своему расценивает мое молчание странник. – Я тебя понимаю, плохо быть привязанным к одной оболочке, потеря которой грозит смертью. Мне и то не по себе становится, когда подумаю, что в случае проигрыша придется покидать этот мир и скитаться в поисках нового.

Ничего ему не отвечаю. Пусть думает, что хочет. Эти бессмертные вряд ли поймут, что осознание неизбежности смерти в конечном итоге вовсе не заставляет трястись над жизнью, а иногда скорее наоборот. Это как раз для бессмертного любой шанс прекратить существование является катастрофой. Вот и понадейся на такого. Он, видите ли, в случае проигрыша (значит, для него это всего лишь игра) слиняет из этого мира, заботясь о своей бессмертности. И единственное, что его в данный момент здесь держит, это нежелание искать другой мир, в котором можно спокойно паразитировать. Но чего это я себя накручиваю против странника? От него, можно сказать, зависит моя судьба и судьбы близких мне людей. Да и на эту аферу я сам его подбил. Нервы, однако. Рыбалка просто необходима.

***

Свет фонарей, расположенных на колоннах перед офисом «Партии Большинства», освещает только сами колонны, и они на фоне темного здания кажутся светящимися чудовищными зубами в оскаленной чудовищной пасти. На крыльце нет привычных охранников. И вообще, из-за темных окон создается впечатление, что в здании нет никого.

Однако мы оба почуяли присутствие Катерины. Наверняка и она сейчас напряглась, ощутив наше появление.

– Ну, – берусь за ручку двери. – Пойдем, что ли?

– Погоди, – после небольшой заминки отвечает странник и снова как будто уходит в себя.

Интересно, чем он сейчас занят? Настраивает себя на схватку или готовит пути к отступлению?

– Пошли, – наконец говорит он и открывает дверь.

– А этот куда? – спрашиваю странника, видя, что его водитель тоже идет с нами.

– Пригодится, – небрежно бросает тот, решительно шагая по порожкам к входу.

Пожав плечами, следуя за ним, по пути разглядывая водителя. Ого, да это, оказывается, старый знакомый! С нами идет тот самый гаишник. Только сейчас он одет в строгий черный костюм. Зато на лице прежняя бесшабашная улыбка. Похоже, что странник, как и Катерина, особо не старается посвящать меня в свои планы относительно предстоящего мероприятия. Ну да, как говорится, меньше знаешь – крепче нервы.

Входные двери автоматически открываются, пропуская в темный холл.

– Добрый вечер, – без всяких эмоций в голосе приветствует нас Руслан. Он стоит посреди холла, заложив руки за спину. Рядом с ним находится еще один человек, кажется, из тех, с кем мне довелось встретиться сегодня в парке на

верхнем этаже во время схватки. Не дождавшись ответа на приветствие, Руслан показывает на открытые двери лифта, – Екатерина Андреевна ждет вас у пруда.

Мы со странником направляемся к лифту. Бывший гаишник остается в холле, расположившись у входа и нагло рассматривая Руслана и его подручного. Нас никто не сопровождает, а потому мне приходится самому разбираться в кнопках лифта. Оказывается, прежде чем нажать кнопку нужного этажа, необходимо нажать кнопку закрытия дверей. Обращаю внимание на наличие кнопки со стрелочкой, направленной вниз, вероятно, лифт опускается еще и в подвальное помещение. Хотя, судя по высокому крыльцу, помещение внизу скорее не подвальное, а цокольное, но кто его знает, куда спускается этот лифт...

– Куда? – спрашивает меня странник, когда мы выходим на четвертом этаже.

Указываю на большие двухстворчатые двери, ведущие к лестнице, выходящей в парк. Странник вдруг становится каким-то расплывчатым и исчезает, мелькнув серым туманным пятном в сторону указанных мною дверей. Я впервые вижу со стороны, как кто-то входит в ускорение, и потому некоторое время оторопело смотрю ему вслед, пока не осознаю увиденное. А осознав, сам вхожу в ускорение и поднимаюсь вверх.

– Где основная оболочка? – Встречает меня хор голосов. Я ожидал увидеть кипящую схватку, вероятно, даже бо-

лее динамичную, чем та, в которой довелось поучаствовать самому, но в парке никто не дрался. Странник медленно, медленно для ускоренного режима, двигался меж кленов. Вокруг него как бы прогуливались управляемые Катериной оболочки. Сама она направлялась в мою сторону.

– Где чужой? – снова спрашивает она, теперь уже только своим голосом.

И что я должен ей ответить? Куда отправить ее в поисках некой основной оболочки? А может, для того странник и взял гаишника? Чего он молчит-то?

– Внизу, – говорю подошедшей Катерине. – Общается с Русланом.

– Неправда! – Катерина приближается вплотную. Ее грудь касается моей, но меня это почему-то не возбуждает. Наоборот, хочется отпрянуть в сторону, подальше от этой взведенной фурии. – Я не чувствую в том, что внизу, сущности.

– Это твои личные проблемы. Сущность там, – продолжаю настаивать на своем. Надо же что-то ей говорить. И почему медлит странник? Когда он уже начнет ее поглощать? А мне что делать? Как-то неуютно находиться в ускоренном режиме и не производить никаких активных действий.

Краем глаза замечаю, как вдруг падает один из парней, круживших вокруг странника. Вернее, замечаю только, как он начинает падать, неестественно дернувшись несколько раз всем телом и зависнув в падении, под углом в сорок пять градусов к земле, выйдя из ускоренного режима. При этом

лицо Катерины искажается страдальческой гримасой, мгновенно сменившейся на гневную.

– Ты обманул меня, Олег, – взгляд ее зеленых глаз буравит меня почти осязаемо. – После того как разделяюсь с чу-
жакон, убью твоё тело, смертный.

И, отвернувшись от меня, как от не стоящего внимания, Катерина двигается к входу, в котором показался гаишник в сопровождении нескольких крепких парней. Гаишник слегка помят, один рукав его пиджака надорван, воротник рубашки отсутствует вовсе. Наверное, повздорил с Русланом и тем вторым парнем. Но кто эти ребята, что сопровождают его? Все они также находятся в ускоренном режиме. Катерина приближается к одному из них, и тот, дернувшись, зависает в воздухе, еле заметно для ускоренного зрения опускаясь на землю. Остальные пытаются окружить рыжую бестию, но та проворно отступает в сторону, заходя за ствол ближайшего клена. Вырубается еще один ближайший к ней боец.

– Не стой столбом, действуй! – в два голоса говорят мне гаишник и один из прибывших с ним. – Отвлеки от меня хотя бы пару оболочек!

Ошарашено смотрю на гаишника, но он уже отвернулся. От кого отвлечь оболочки?

До меня, наконец, доходит, что тела, окружившие странника, ведомы Катериной, а окружившие ее ведомы странником. Значит, надо взять на себя тех, кто насаждает на него. Странник, окруженный Катериниными подручными, углу-

бился в парк. Что у него, что у Катерины не происходит никакого физического контакта с нападающими. Вероятно, они сражаются на каком-то там своем ментальном уровне. Но я-то так не умею. А потому, подскочив к одному кружащему вокруг странника телу, тупо бью его в ухо. Тот отлетает, содрав головой кору с ближайшего дерева, но тут же поднимается на ноги.

– Ну что ж, Олег, теперь ты окончательно выбрал свою судьбу, – надменно говорит поднявшийся боец, как-то по-женски подбоченившись. – Впрочем, я этого ожидала. Смертного только могила исправит, ха-ха-ха.

– Ха-ха-ха, – хором захохотали оболочки, окружившие странника.

– Ха-ха-ха, – вторили им новые бойцы, появляющиеся из глубины парка.

Значит, к Катерине прибыло подкрепление. Но движения их заметно медлительнее. Я еще прошлый раз обратил на это внимание: чем большим числом оболочек управляет сущность, тем сильнее рассеивается ускорение. Ну что ж. Пока есть преимущество в скорости, надо действовать. И я бросаюсь на уже единожды поверженного мною бойца. Снова сбиваю его с ног и собираюсь вывести из драки еще кого-нибудь из окруживших странника оболочек. Но передо мной возникают сразу двое из подкрепления. А между деревьями приближается еще несколько. Затравленно оглядываюсь в поисках свободного промежутка, чтобы вырваться из окружения,

попутно добавляя ногой по голове, вновь поднимающемуся бойцу. Но вокруг только стволы деревьев и приближающиеся между ними боевые оболочки. Да, пожалуй, пришедшее в голову определение «боевые оболочки» подходит к этим управляемым сущностями человеческим телам. Однако, не будем отвлекаться на определения. Пора вырваться на оперативный простор, так, кажется, это называется. Бросаюсь на ближайшего ко мне и в прыжке вышибаю его ногами, освобождая проход меж двух кленов. Отлетая, он ухитряется ухватить меня за штанину и мне, чтобы не упасть, приходится хвататься за ствол. Его рука соскальзывает с материала, я снова утверждаюсь на обеих ногах и, не теряя времени, выскакиваю из сжимающегося кольца. Бойцы не по-человечески синхронно поворачиваются в мою сторону.

Сильна Катерина, под ее управлением сейчас не менее пятнадцати оболочек. Способен ли на такое странник? Я даже представить себе не могу, как можно видеть одновременно столькими глазами, двигать столькими членами. А главное, чувствовать за каждого все его ушибы и травмы.

Пытаюсь разглядеть странника, но приближающиеся боевые оболочки не дают мне это сделать. Начинаю кружить меж деревьев, пытаюсь держать противников так, чтобы один заслонял остальных. Но такой фокус проходит с двумя-тремя, а на меня насаждают шестеро. К тому же деревья закрывают обзор и сильно стесняют свободу передвижения. очередной раз еле успеваю выскользнуть из кольца окруживших

бойцов. Однажды это может не получиться, и тогда они просто сомнут и задавят меня своими телами. В голову приходит еще одна тактика рукопашного боя с превосходящим числом противником. Смысл прост – убегаешь не спеша, когда кто-то один из преследователей вырывается вперед, тормозишь и вырубашешь его, пока не подоспели остальные. После чего продолжаешь тактическое отступление до полного уничтожения преследователей. Однако здесь нет места для разбега. Деревья, опять же, мешают. Да и погонится ли за мной Катерина или удовлетворится тем, что я сам убрался и не мешаю ей справляться со странником? Ладно, начинаю двигаться быстрее, а там посмотрим. Петляю меж деревьев с удвоенной скоростью, и мои преследователи действительно растягиваются, путаясь друг у друга под ногами. Обогнув по кругу очередное дерево, не сбавляя скорости, двигаюсь навстречу первому. Тот встречает меня прямым правым. Работаю на опережение, выбросив левую ногу ему под руку, и чувствую, как под моей стопой проминаются ребра. Боец зависает, выпав из ускорения – значит, этого я вырубил окончательно. Радует. Но недолго, ибо вынырнувший с правого бока боец, сделав обманный удар, захватывает запястье моей правой руки, которой я машинально пытался поставить блок. Подоспевший с другого бока боец делает попытку схватить меня за другую руку. Ухожу от него, ныряя под руку первого, заодно выворачивая ее. Однако тот ухитряется вывернуться, продолжая удерживать меня. А между тем,

меня снова окружают. Делаю отчаянную попытку вырваться, рывком тяну за собой прицепившегося. При этом прохожу вплотную к стволу клена, направляя траекторию прицепа так, чтобы он врезался в этот ствол. Фокус удается, противник бьется мордой о дерево, и моя рука освобождается. Слышу приглушенный вскрик Катерины, донесшийся откуда-то из-за спины. Пусть кайфует мазохистка!

Дальнейшие маневры приближают нас к тонированному стеклу, за которым мерцает разноцветными огнями вечерний город. Надо постараться, чтобы меня не прижали к стеклу, но все идет именно к этому. Отбиваю пытающуюся схватить меня руку и уворачиваюсь от другой. Вот ведь, блин, просекли тактику. Бить не пытаются, стараются схватить и заломать толпой. Интересно все же, зная, что всеми оболочками управляет одна Катерина, я думаю о них во множественном числе, как о самостоятельных личностях.

С замиранием сердца слежу, как одна из оболочек летит в стекло, отброшенная моим ударом в грудь. Учитывая, что все происходит в ускоренном режиме, удар должен быть колоссальным. Однако, вопреки моим опасениям, стекло выдерживает. А мое воображение уже рисовало вид снаружи, а именно, звон разбитого стекла и вылетающее в брызгах осколков тело.

И тут на меня навалились сзади. А нефиг было пялиться на стекло, оценивая его прочность. Одновременно с повисшим на моих плечах двое оставшихся ухватили меня за ру-

ки и принялись выкручивать их за спину. Напрягаю мышцы, сопротивляясь давлению, затем резко отпускаю правую, вбивая ребро ладони меж ног противника.

– Хэк, – слышу приглушенный возглас сзади, и правая рука оказывается свободна. Но снова попадает в захват, сползшей с моих плеч оболочки. Получаю чувствительный удар сзади под колено и, потеряв на некоторое время равновесие, позволяю завернуть руки за спину. Все, допрыгался кузнецик. Руки заламывают с такой силой, что я опускаюсь на колени и упираюсь лбом в грунт. Неужели и в самом деле все?! Где же этот чертов странник?!

Вместе с отчаянием наваливается невероятная усталость. Ускорение истощило ресурс моего тела так, что не справляется даже повышенная регенерация. Еще немного, и я выпаду из ускорения. И тогда скрутившие меня бойцы просто выломают мои руки из суставов, словно куриные крылышки из мягкой тушки-гриль.

– Ну что, Олежек? – склоняется вдруг к моему уху один из них. – Надеюсь, ты теперь понимаешь всю жалкость своего смертного существования? Удел смертных быть моими игрушками. А те игрушки, которые пытаются делать самостоятельные шаги, я просто ломаю. Ломаю, предварительно позабавившись!

Горячее дыхание шепчущего неприятно обжигает ухо. В нос шибает запах крепкого мужского пота. Пытаюсь отвернуть голову, но тут раздается какое-то гомосячье мурлыканье.

нье, и большой, слюнявый язык облизывает мою щеку, доходит до уха и пытается кончиком залезть в ушную раковину...

А-а-а-а, мля!!!

Меня чуть не выворачивает наизнанку от отвращения. В глазах темнеет. Напрягаю оставшиеся силы в попытке вырваться, но это лишь приводит к выпадению из скоростного режима. Чувствую, как начинают трещать суставы в выворачиваемых плечах.

И тут...

Не зря говорят: «сила есть, ума не надо». Пока мне удавалось действовать физически, мозг, следуя приведенной выше поговорке, не напрягался. И вот нахождение на грани уничтожения простимулировало его к активной деятельности. Мозг тут же вспомнил нарекание Катерины, которая, собственно, сейчас меня и уничтожала, о том, что я не пользуюсь данным мне даром. И я устремляюсь в сознания скрутивших меня бойцов. Естественно, там я сталкиваюсь с сущностью Катерины. И та опять не ожидает от практически поверженного и уничтоженного меня такого финта. Смотрю чужими глазами на свое жалкое, скрюченное тело, поставленное в нехорошую позу, и закипаю праведным негодованием. Не обращая внимания на растерявшуюся Катерину, отпускаю локти своего тела. Ощувив облегчение, тут же растягиваюсь на полу, продолжая действовать во вражеских оболочках. Покидаю тело того, кто лизал мне ухо, и резким ударом, природу которого не понимаю, вышибаю из другого

бойца Катерину. Став полновластным хозяином боевой оболочки, вновь переключаюсь на физическую экзекуцию. Лизатель ушей отлетает в сторону от моего удара кулаком, раздробившего ему переносицу. Нет, я, конечно, понимаю, что это тело всего лишь инструмент, используемый Катериной, но... Но ничего не могу с собой поделаться, а потому некоторое время пинаю его с остервенением.

От экзекуции меня отвлекает дикая боль в плечевых суставах. Это начинает отходить мое собственное тело. Черт, больно-то как. Жаль, что нельзя его покинуть, как любую другую оболочку. Или можно? Не, ну нафиг, оно мое, и оно мне нравится. Но все равно очень больно. Ладно, пусть пока полежит.

Стоя над своим телом, осматриваюсь в поисках других участников кордебалета. Заметив суету возле пруда, направляюсь туда. Одновременно, преодолевая боль в вывернутых суставах, переворачиваюсь собственным телом так, чтобы видеть, если кто будет приближаться.

На песке возле пруда валяется несколько тел. Одно висит поперек лавочки. Еще одно виднеется на дне пруда, его уже разглядывают любопытные рыбы. По движениям рыбьих плавников понимаю, что действую в обычном режиме, но перейти в ускоренный нет сил. По действиям остальных присутствующих видно, что и они находятся в обычном режиме. Значит, не одному мне трудно. Вот то-то же, а то сме-ертный, сме-ертный. Чего же сами-то сдулись, бессмертные, мля.

Окруженный четырьмя боевыми оболочками странник стоит, прижавшись к стволу одного из кленов. Его глаза наполовину прикрыты. По вздувшимся на лбу и висках венам видно, что он находится в неимоверном напряжении. М-да, все-таки не мешает иногда комбинировать свои ментальные способности с физическим воздействием. Вот, к примеру, если бы я вздумал тягаться на ментальном уровне с той оравой, что на меня наседала, разве я осилил бы их? Вряд ли. Мне и последних-то удалось уделать лишь благодаря фактору неожиданности. Да и то, что я сделал с лизателем ушей, никак не назовешь ментальной атакой. И что за слово такое «ментальный»? Откуда оно ко мне привязалось? Ведь я нифига не соображаю в его значении. Надо будет спросить у странника. Да, кстати, надо же ему помочь. Презрев всякие ментальные атаки, я тупо набрасываюсь со спины на одну из боевых оболочек и начинаю колошматить почем зря. Однако мои удары, не усиленные ускорением, не имеют сильного успеха. А потому, когда тело бычары разворачивается ко мне, пинаю его со всей дури между ног. Интересно, что при этом чувствует Катерина?

Наверное, моя помощь оказалась кстати, ибо сразу, один за другим, упали еще двое бойцов.

– Ты еще долго тут будешь дерево подпирать? – кричу страннику. – Ждешь, когда я за тебя всю работу сделаю?

Тот открывает глаза и удивленно смотрит на меня.

– Не надо. Эта оболочка уже под моим контролем, – по-

спешно говорит он, заметив, что я собираюсь надавать по мордасам последнему оставшемуся противнику. – Где твоя оболочка?

– Какая оболочка? – не сразу соображаю, что он имеет в виду.

И тут до меня доходит. Ёперный театр! Я же и забыл совсем, что лежу побитый где-то под окном. Закрыв глазки и пользуюсь чужим телом, как своим. Слава богу, что никто из врагов не нашел меня в таком состоянии. А боль в суставах уже прошла. Поднимаюсь и шевелю руками, ногами – все в порядке. Будто бы и не выкручивали меня словно мокрую простыню. Вот за такое быстрое восстановление я благодарен тому паразиту, что поселился во мне. Иду к страннику, разглядывая валяющиеся то тут, то там тела. Неужели это всё трупы?

– Мое тело при мне, – говорю, выйдя к пруду. – А этого можешь забрать себе. Мне сподручнее в собственной оболочке, в собственном теле.

– Заберу, – не отказывается странник и тихонечко вытесняет меня из захваченной мной у Катерины оболочки.

– Кстати, что с Катериной? Где она? – спрашиваю у него.

– Не знаю, – пожимает тот плечами. – Но я рад передышке. Еще немного, и она поглотила бы меня. Я уже чувствовал, как меня затягивает в нечто, как бы это объяснить. Короче, тебе, смертный, не понять. И я благодарен тебе, что ты подоспел вовремя. Удивлен, что тебе удалось отбить у Кате-

рины эту оболочку, и признаюсь, что недооценивал тебя.

– Может, мы вернемся к вопросу, за решением которого сюда пришли? – прерываю его болтовню. – Или ты решил слинять из этого мира? Где твои помощники или оболочки?

– Кончились, – отвечает странник сперва на последний вопрос. – А Катерина ушла через другой выход. Пойдем.

Всеми тремя телами он двигает вглубь парка. Я следую за ним. По мере продвижения мы наталкиваемся на отключенные оболочки странника, которыми он преследовал Катерину. Минуем знакомую поляну с поваленным деревом-лавочкой. Подходим к стене, увитой плющом. Замечаю серую, словно камень, двухстворчатую дверь, перед которой лежит бездыханный гаишник. На его лице так и застыла бесшабашная улыбка. Боец, в оболочке которого еще несколько минут назад путешествовал я, открывает двери, и мы проходим в небольшой тамбур. Перед нами решетчатая дверь, за которой шахта лифта с уходящими вниз тросами. Переглянувшись, мы бегом мчимся обратно. Если Катерине удастся скрыться, то для меня это будет катастрофой!

Спускаемся из парка, я жму кнопку лифта, лифт не реагирует. Бегу за странником в противоположный конец коридора, там оказывается выход на лестничный марш. В холле на полу в разных позах лежат тела. Замечаю Руслана. Он лежит лицом вверх. Его правая рука неестественно вывернута, в ладони зажат пистолет.

– Олег, – слышу голос Толика.

Его какой черт сюда принес?! Толик сидит на полу у дверей лифта, а перед ним лежит Василий.

– Что с ним?! – кричу Толику, склоняясь над Василием.

– Не знаю, – бормочет тот и начинает сбивчиво говорить: – Мы зашли, а тут трупы кругом. Пока осматривались, выбежала Катерина. Увидела нас и захохотала как-то страшно, как сумасшедшая. Шеф подошел к ней. Потом за голову схватился и застонал. Я к нему подбежал. Тут меня по мозгам что-то шибануло. Я заметил только, как открылись двери лифта, и отрубился. И вот только очнулся.

Слушая Толика, тормошу Суровцева. Тот жив, но не шевелится и смотрит каким-то бессмысленным взглядом, словно находится в глубоком трансе.

– Нам нужно спешить, – напоминает странник и снова направляется в сторону лестничного марша.

– Забирай Василия и вези его в ближайшую больницу, – командуя Толику, направляясь за странником, и на ходу добавляю: – Позвоню тебе, как только освобожусь.

Вслед за странником и двумя управляемыми им оболочками сбегаю по лестнице в цокольный этаж. Здесь такой же холл, как и вверху, и несколько закрытых дверей, ведущих в другие помещения. Открываю первую дверь и вижу за ней спортивный зал, заставленный вдоль стен всевозможными тренажерами. В центре с потолка свисает большая боксерская груша. За следующей дверью довольно большой, на три дорожки, бассейн. Сияющая бирюзовым отливом водная

масса неподвижна, будто стекло. По помещению гуляет эхо наших шагов.

Пока я заглядывал в первые два помещения, странник, словно ищейка, взявшая след, не останавливаясь, проследовал к дальней двери и скрылся за ней. Спешу за ним и снова попадаю на лестницу, ведущую вниз. На этот раз спуск более продолжительный. Минувя несколько лестничных пролетов, опускаюсь не менее чем на десять метров. Внизу на площадке перед каменной аркой стоит бледный странник. Перед его ногами лежат две, словно отключенные, оболочки.

– В чем дело? – с недоумением смотрю на странника и вижу в его глазах если не откровенный страх, то явное смещение.

– Там, – он делает паузу, – портал.

– Ну и что? – спрашиваю я. До меня начинает доходить, какой портал имеет в виду странник.

– Мне туда нельзя, – теперь в его словах читается явный страх.

Все же бессмертным гораздо сложнее идти на риск, нежели смертным.

– Да ладно те, – пытаюсь пошутить. – Ежели что, скажешь, что я разрешил.

– Ты не понимаешь, смертный, – странник смотрит в арку с таким выражением, будто оттуда в любую секунду может появиться какой-то страшный монстр, пожирающий всех без разбора, будь то человек или бессмертная сущность, случай-

но залетевшая в этот мир. – Ты не понимаешь. Она может заставить проявиться остальные сущности этого мира, и тогда мне верный конец.

– Так чего ж мы ждем? Разве это не причина для того, чтобы скорее разделаться с ней? – тороплю его я. – А вдруг она просто слиняет через этот портал на другой край света?

– Ты не понимаешь, – снова, как заевшая пластинка, повторяет он. – Чужая сущность не может пройти в портал создателей.

– Почему? Ты пробовал?

– Ты не понимаешь...

– Да пошел ты! – не выдерживаю я. – Это ты не понимаешь, что назад дороги нет. Нет, ну ты, конечно, можешь убраться из этого мира и скитаться целую вечность где-то там в небытие. А я привязан к этому миру. И сделаю так, что он либо будет существовать без Катерины, либо не будет существовать вообще. Счастливо оставаться, Ваша Чмошная Бессмертность.

Пройдя сквозь каменную арку, снова попадаю на ведущую вниз лестницу, на этот раз каменную, подобную той, что ведет в подземелье из моей мастерской. По пути ощущаю жжение на груди и нащупываю проявившийся талисман. Также появились и перстень, и браслет, и пояс. Разглядывать находящиеся под рубашкой пояс и талисман не было времени, а вот браслет и перстень проявились как-то странно. Они проявились словно бы под кожей. Если бы я не знал о них, то

решил бы, что это какие-то странные опухоли. Но пока мне было не до них. Спустившись, минуя также знакомый каменный коридор и попадаю в подземелье со свисающей с потолка каменной плитой. Из шести арок, кроме той, из которой только что вышел я, открыта только одна, и я знаю, что она выходит в мои мастерские. Вот так, всего лишь несколько десятков шагов, и я в родном городе, находящемся за тысячу километров от столицы. Или ... в дурдоме...

Перед плитой стоит Катерина и держит руку на книге. Ее глаза закрыты, на лице отсутствует какое-либо выражение. При моем появлении она поворачивает голову в мою сторону, не открывая при этом глаза.

– Ты один из семи, – она еле шевелит губами, но слова слышатся отчетливо, словно проникая прямо в мозг. – Ты не можешь причинить вред своему собрату. Ты не можешь лишить Мир одного из его Создателей. Ты не можешь взять на себя функцию Судьи.

Хочу попросить ее огласить список того, что я могу, но в этот момент вспышка сильной головной боли заставляет меня упасть на колени. Мое сознание словно бы начинает раздваиваться ...

***

Я, один из семи, существовал вечно.

Я не знал или не помнил ни своего начала, ни своего Со-

здателя, если такой когда-либо существовал.

Я мог на века впасть в небытие, забывая, что было до того.

Я мог, выйдя из небытия, влиться в тело первого попавшегося смертного и либо овладеть его разумом, заменив его своим, либо, если его разум окажется сильнее, затаиться в глубине его сознания.

В первом случае душа смертного умирала, а я приобретал тело в полное свое пользование, удивляя бывших его знакомцев вдруг открывшимися или преумножившимися талантами, появившимися неординарными способностями. Иногда, став обладателем новой оболочки, я продвигался в правители государств, приводя их к процветанию или, наоборот, к уничтожению. Иногда становился пророком, провозглашая новые религии. Иногда развлекался, становясь городским сумасшедшим. Один раз даже позволил сжечь себя на костре, находясь в образе деревенской колдуньи.

В случае, когда душа смертного оказывалась достаточно сильной, чтобы не позволить мне овладеть ею, я затихал в глубине сознания смертного, постепенно растворяясь в нем, проникаясь его сущностью, его идеями, его бытием, позволяя ему овладеть моей Силой, способной пробудить скрытые человеческие возможности. Те человеческие возможности, которые практически вытравлены глупым путем технической цивилизации. И этот второй случай доставлял мне больший интерес, ибо всегда был полон неожиданных по-

воротов и решений. Однако и «присосаться» к такой оболочке было непросто. В обычном состоянии сущность такого смертного была огорожена непроницаемым щитом. Проникнуть за этот щит можно было, лишь подведя смертного к грани небытия. Очень часто, оказавшись на этой грани, душа проваливалась за нее, и тело умирало.

Когда все проходило удачно и мне удавалось проникнуть в сущность, не убив смертного, то начиналось Течение Времени. Если для моей сущности Времени не существовало, то тело и душа смертного, частью которых я теперь становился, были ему подвластны. Именно Течение Времени и было тем, чем так притягивали меня эти несовершенные смертные. Течение Времени рождало во мне то, что у смертных именуется азартом. Воплотившись в новом теле, я чувствовал себя подобно спринтеру, выходящему на дистанцию. И если в первом случае дистанцию выбирал я сам, то во втором непредсказуемость дистанции усиливала азарт. И именно благодаря Азарту я начинал Жить, а не просто существовать.

Чтобы хоть как-то продлить дистанцию, отмеренную смертному Временем, при этом не замедляя движения, необходимо было усовершенствовать его тело. Обращаться со своими телами смертные не умеют, вследствие чего они изнашиваются значительно быстрее отпущенного им времени. Исправить это было легко. Достаточно лишь пробудить в тканях способности к регенерации, и тело восстанавливалось довольно быстро. Смертный же принимал изменения в

себе как дар богов. Глупый.

Сложнее было заставить его овладеть Силой. Если, вливаясь в порабощенные оболочки, я наделял тела собственной силой, то во втором случае я мог быть лишь сторонним наблюдателем. Поэтому и были созданы артефакты силы. Иногда уходило несколько месяцев, а то и лет, драгоценного времени, прежде чем удавалось подвести смертного к артефактам и, овладев на короткое время его разумом, заставить принять их. Сами артефакты представляли собой сгустки энергии, воспринимаемые смертными, как некие материальные предметы. Соединяясь с этой энергией, человек приобретал Силу. Однако пользоваться ей ему еще предстояло научиться. Бывало, смертный проходил свой путь, не подозревая о приобретенном даре.

Еще реже происходили случаи, когда я, вселившись в очередное тело, встречал на своем пути подобного мне, другого из семи. Тогда игра становилась интересней. Так было и в этот раз. Я вселился в тело, обладающее сильным собственным разумом. Я наделил его силой. Иногда приходилось подталкивать смертного к использованию этой силы. Находясь в его теле, я встретил другого из семи. Мне было интересно наблюдать за его попытками вызвать меня на контакт и за его недоумением по поводу моего затворничества. Благодаря общению этой сущности с моим носителем я вспомнил многое, что успел забыть за ту бездну времени, которую провел в одиночестве.

Мне повезло и второй раз. Находясь в этом теле, я встретил появление восьмого, который поглотил моего собрата, став им.

Я настолько слился с сущностью носителя, что чувствовал себя им, постепенно растворяясь в нем, будто бы этот жалкий смертный смог поглотить мою сущность. И даже когда он вступил в контакт с чужой сущностью, чье существование само по себе невероятно и недопустимо, у меня не возникло естественного протеста. Я не протестовал и когда смертный вынашивал план уничтожения моего собрата, а лишь увлеченно следил за событиями... Нет, я не увлеченно следил за событиями, я принимал в них непосредственное участие. Я стал им. Моя сущность слилась с сущностью смертного, растворившись в ней против всех правил. Море не может раствориться в капле, однако так случилось.

И лишь когда собрат воззвал ко мне, напомнив о моем долге, я снова осознал себя. Но осознал себя двойственно, будто мою сущность рвало два противоречия. Это было выше моих сил. Я ощущал физическую боль тела, в котором находился, и не в силах был вырваться из него, слившись с его разумом настолько плотно, будто став единым целым.

И я вспомнил все. Все века своего существования и неизмеримое время небытия. И я вспомнил, как пришел в этот мир. Я пришел Восьмым. Пришел с миссией судьбы, так же, как совсем недавно пришел последний собрат. Я поглотил первого из семерых, подвернувшегося мне. Поглощенная

сущность дала мне знания, и я узнал, для чего был создан этот мир, и впервые познал радость физического воплощения.

Я вспомнил те чувства, которые испытывал при поглощении той сущности. Сейчас я испытывал чувства противоположные... Это было невероятно, жалкая сущность смертного поглощала меня. Море растворялось в капле...

***

Боль усиливается, и я начинаю кричать, будто это может как-то помочь. Кажется, что моя голова сейчас разорвется на тысячу осколков. Я желаю, чтобы это произошло скорее и все закончилось. Кричать уже нет сил. Из моего горла вырывается лишь сиплый хрип. И вдруг ослепительная вспышка озаряет мое сознание, и боль уходит. Я продолжаю стоять на коленях, закрыв глаза и зажимая голову руками. На смену недавней боли приходит чувство непонятной эйфории и легкости. Я чувствую, как мое тело, мой разум, моя сущность... да, именно моя сущность наполняется энергией, вливаемой из непонятого источника. Непонятого потому, что находится он не вне, а будто бы внутри меня и в тоже время многократно превышает объемом мою сущность. Я не могу этого объяснить, потому что не могу понять.

С новой энергией в меня вливаются и знания. Вернее будет сказать, не знания, а понимание. Понимание мироздания, его основ и правил. Понимание самой Сути. Меня опья-

няет новая энергия, и я отгораживаю свое сознание, продолжая впитывать ее, аккумулируя где-то внутри, но оставив познание до времени. Эмоции отступают. Я вспоминаю, кто я есть, где и зачем нахожусь, и открываю глаза.

Оболочка Катерины лежит на каменном полу. Каким-то образом понимаю, что она пуста. Перед плитой стоит странник. Теперь он держит руку на книге, а на лице его отображается блаженство. Осторожно касаюсь его разума и понимаю, что это уже не совсем он. Он изменился.

Почуввав мое касание, странник откликается таким же прикосновением к моему сознанию и открывает глаза.

– Ты изменился, брат, – говорит он удивленно. – Ты открылся для общения. Ты все же решил овладеть телом смертного самостоятельно?

– Ты тоже уже не тот странник, паразитирующий на чужих мирах, – говорю ему в ответ. – Вот только я все тот же смертный. Так что не знаю, уместно ли тебе называть меня братом?

– Ты играешь со мной, брат? – странник отнял руку от книги и подошел ко мне. – Я ощущаю твою сущность. Она едина. Ты такой же, как я... как я теперь.

– Ладно, завязывай докапываться до истины, – кладу ему руку на плечо. – Поверь, я хоть и существую неизмеримо меньше тебя, но знаю точно, что поиск истины – этодохлый номер. Расскажи лучше, что здесь произошло?

Голова немолодого полковника как-то по детски склоня-

ется на бок, его глаза с еще большим любопытством заглядывают в мои.

– Поистине удивительный мир создали некогда наши предшественники...

– Ты будешь рассказывать, что произошло? – нетерпеливо переспрашиваю я. – Или мне для этого придется вышибить тебя из этой оболочки?

– Произошло то, что твой бредовый план, смертный, – странник на миг замолкает, и я чувствую его осторожное прикосновение к моему разуму. – Вернее, теперь уже не смертный.. Короче, твой бредовый план удался. Я поглотил сущность Катерины и стал одним из семерки.

– Но ведь ты уже собирался сбежать? Что заставило тебя изменить решение?

– Не могу объяснить, – пожимает плечами странник. – Наверное, твое безумие заразно.

Усмехнувшись, осматриваюсь вокруг. Не пройтись ли мне в свой кабинет? Все-таки не верится, что можно вот так просто проникнуть туда из столицы. Натыкаюсь взглядом на тело Катерины.

– Эта оболочка пуста, – говорит странник, проследив за моим взглядом, и добавляет: – Как и оболочка твоего друга.

– Какого друга? – не сразу доходит до меня. – Василия? Что ты хочешь сказать?!

– Катерина уничтожила его сущность, – объясняет странник. – Извини, но от твоего друга осталась только пустая

оболочка, которая скоро погибнет, если каким-то чудом в нее не вселится новая сущность.

– Твою мать! – я бросаюсь к выходу из подземелья, на ходу нащупывая в кармане разбитый вдребезги мобильник.

***

Раннее утро выходного дня. По проспекту пролетают редкие автомобили, отражая стеклами низкие лучи утреннего солнца. На улицах никого. Народ отсыпается после напряженной трудовой недели. Лишь одинокий пьяница сидит на пустой остановке и, сосредоточенно глядя на свою тень, декламирует:

– У попа была собака, он ее убил. Она съела кусок мяса... – мужичок задумывается на несколько секунд, после чего грозит пальцем своей тени. – Э-э, нет, братишка, что-то ты тут загнул. Как же собака могла съесть мясо, если поп ее убил? А?

Вы когда-нибудь видели, как пьяный человек пытается придать лицу умное выражение? Нет? Напьюсь – поэкспериментируйте перед зеркалом...

– Мертвая собака не может съесть мясо, она вообще ничего не может съесть, – с умным видом продолжает объяснять тени порядок вещей утренний философ. – Вот ты думаешь, почему мертвые не потеют? Не знаешь? Да потому, что они не едят и не пьют, глупый...

Мужик снова грозит тени пальцем и на некоторое время

умолкает. Его глаза закрываются, голова начинает опускаться на грудь...

– Но кто-то же мясо съел! – вдруг резко встрепенулся он. – Кто?!

Мужик принимает позу мыслителя, но через несколько секунд вновь клюет носом в коленки и, вновь встрепенувшись, продолжает:

– Давай рассуждать логически, – делает он успокаивающий жест открытой ладонью в сторону своей тени. – Что мы имеем? А имеем мы попа и собаку. Кто сказал, что мясо съела именно собака? Наверняка поп и сказал. Ведь из них двоих разговаривать умеет только поп. Логично? Логично. Собака – тварь бессловесная, ответить за себя не может. А тем более мертвая собака...

У попов и собак вообще взаимная неприязнь. Жил со мной по соседству отец Сергей, так мой Барсик чуял его за версту и начинал лаять так, как ни на кого не лаял. Не зря говорят, что собаки чувят нечистую силу... Потому их в церковь и не пускают. Кошкам можно, а собакам нельзя...

Тут мужик, видать, почуяв затылком мой заинтересованный взгляд, оборачивается и, приставив ладонь к глазам, закрываясь от солнечных лучей, спрашивает:

– Ты знаешь, почему собак не пускают в церковь?

– Нет, – я честно кручу головой. – Не знаю.

Мужик отворачивается и снова обращается к тени:

– А к чему вообще ты завел этот разговор? Оно тебе на-

до? – он смотрит на часы. – О! Моя уже должна свалить на смену. Пойду-ка и я домой.

Он поднимается и, сделав пару шагов, вновь оборачивается.

– А ты пока посиди тут и подумай... – начинает было грозить пальцем тени, но замечает ее отсутствие на прежнем месте и замолкает, пытаясь сообразить, куда пропал его собеседник. Как-то очень подозрительно и строго смотрит на меня, снова переводит взгляд на то место, где еще недавно была тень. Пожимает плечами и, хмыкнув, бредет восвояси пьяной походкой.

Я сажусь на то место, где только что сидел пьяница, но лицом к солнцу, подставившись утренним лучам. Мимо промчалась «скорая», свернув в ворота больницы, откуда я только что вышел. Там, подключенный к медицинским приборам, лежит Василий. Вернее, его тело. Рядом с палатой сидит Толик. От него я узнал, что вчера Суровцев вышел из кабинета начальника «Багиры» практически трезвый и, позвав с собой Толика, решительно двинулся из офиса. Сев в машину, приказал ехать к зданию штаба «Партии Большинства». На вопросы Толика, что он задумал, Василий ответил, мол, на месте разберемся. Разобрались, мля... Пройдя в палату, я сразу убедился в том, что странник сказал правду. Василия просто не было. Он умер. Погиб. То, что лежало, опутанное проводами и трубками, было лишь его бывшим телом. Толик, чудом избежавший участи Василия, не мог об

этом знать и потому сидел на стуле у дверей палаты, ожидая, когда шеф очнется. Естественно, я не мог сказать ему, что шеф не очнется уже никогда.

Ощущаю приближение сущности странника. Вообще-то, он теперь не странник, а один из якобы хозяев этого мира, один из потомков его основателей. Самое смешное то, что я тоже один из этих, блин, типа хозяев. А оно мне надо? Хотя бы инструкцию какую по ведению мирохозяйства подогнали. Нет, это не для меня. Я обычный смертный, зависящий от своей оболочки... Оболочки? М-да, профессиональный сленг, мля.

К остановке тихо подкатывает черная БМВ. Из автомобиля выходит странник и садится рядом со мной.

– Всегда удивлялся особенности людей расстраиваться смерти друзей, – произносит он после минутного молчания. – Казалось бы, вас несколько миллиардов, чего тут расстраиваться из-за смерти одного. Но сейчас я тебя понимаю. Правда, Олег, понимаю. Ты спрашивал, почему я вернулся, вместо того, чтобы сбежать из этого мира? Просто я вдруг понял, что очень расстроюсь, если ты погибнешь...

Удивленно смотрю на бессмертного, переваривая услышанное.

– Почему я должен был погибнуть? – наконец спрашиваю у него. – К тому же, ты бы даже не узнал, чем все кончилось?

– Это, кстати, тоже было одной из причин, заставивших меня остаться, – ухмыляется он и хлопает меня по плечу.

И тут в голове возникает шальная мысль. Я оглядываюсь на больницу, где лежит оставшееся от Василия тело, и перевожу взгляд на странника.

– Слушай, Смирнов, или как там тебя, ты сильно привязался к этому стариковскому телу? – задаю ему наводящий вопрос.

– Ты к чему это спрашиваешь? – прищуривает он глаза, и я чувствую легкое прикосновение к своему разуму.

После секундного сомнения передаю страннику свою мысль, которая уже приобрела более четкие очертания. Интересно, почему я не мог так общаться с другими сущностями – с Шалинским, с Катериной?

Несколько минут он сидит молча. Потом поднимается и идет во двор больницы. Услышав оттуда встревоженные женские возгласы, поднимаюсь и иду следом. Пройдя ворота, вижу лежащее у крыльца тело полковника, у которого уже склонились фигуры в светло-зеленой больничной униформе. Оболочка Смирнова пуста...

Поднимаюсь в отделение реанимации и, пройдя мимо удивленного Толика, распахиваю дверь палаты. Василий сидит на кровати, отдирая от своего тела присоски и иглы.

– Это тело тебе больше нравится? – спрашивает он.

– С Днем Рождения, Василий, – говорю ему и отступаю от дверей, давая пройти Толику, который смотрит на своего шефа широко раскрытыми глазами.

– Э-это, может, врача позвать? – заикаясь, произносит он.

– Если тебе нужен врач, то позови, – разрешает ему ставший Василием странник. – А мне надо кое-какие дела принять и проследить, как замели следы нашего ночного веселья.

– Мне, кстати, тоже надо спешить, – спохватываюсь я. – Вчера обещал жене долго не задерживаться... Надо держать слово, кх-м. А ты, Толик, вызови врача, если болен.

– Да я... Да ну вас, – обиженно краснеет парень, но мы уже спешим по коридору в сторону выхода.

– Ты так и пойдешь с голым торсом? – спрашиваю Суровцева.

– Думаешь, твои лохмотья выглядят менее привлекательно? – задает он встречный вопрос.

– М-да, – оцениваю я то, что осталось от моей рубашки и, обернувшись к Толику, разглядываю его одежду.

– Эй-эй, – отодвигает меня Василий. – Это все-таки мой подчиненный. Толик, а ну, пойдём-ка в палату...

Эпилог

Океанские волны лениво накатывают на берег, с умиротворяющим шорохом перекатывая гальку. Вдоль линии прибоя бродит крупный серый бесхвостый пес, обнюхивая выброшенные волнами пучки буро-зеленых водорослей. Порою пес резво отбегает от слишком шустрых волн, но, как только они откатывают, вновь возвращается к своему занятию.

Василий бросает псу приличный кусок копченой кабаноси, но пес испуганно отпрыгивает, а колбаска, отскочив от крупного округлого валуна, улетает в набежавшую волну. Пес, опасливо зыркнув на нас, спешит удалиться подальше.

– Видно, досталось собаке в жизни, – говорит Суровцев, разливая пиво по бокалам.

Скрипя шезлонгом, наклоняюсь к столику и кладу на него свой мобильник, приемник которого настроен на передающую новости волну «Русского радио». Как раз дикторша равнодушным голосом сообщает, что потерпел аварию вертолет, на борту которого находились губернатор Черноземного края Олег Волин и отставной генерал МВД Василий Суровцев. Выживших в авиакатастрофе нет. Ведутся поиски черного ящика... Выключаю приемник и поднимаю кружку с янтарным напитком.

– Ну, помянем прошлую жисть, – говорю, поднявшись с

шезлонга. – Пусть ей, как бы это сказать, память будет пухом. Много в ней было хорошего. Были верные друзья, любимые женщины, удивительные приключения... Пусть те, кто остался в прошлой жизни, спокойно стареют, не раздражаясь и не расстраиваясь, глядя на наши не претерпевающие изменения оболочки.

Глаза словно бы заволакивает мутной влажной пленкой. Отпив из кружки, ставлю ее на столик и отхожу ближе к берегу, подставляя лицо прохладному океанскому ветру. Бывшему страннику, живущему вечно, не понять мои эмоции. Что для него люди, с которыми прожил бок о бок не один десяток лет, когда он привык периодически менять целые миры? Возможно, однажды и я стану такой же черствой бездушной сущностью. Но сейчас... Сейчас перед моими глазами стоит милое личико Светланы, которая на шестом десятке лет, несмотря на все ее старания и ухищрения, все равно выглядит заметно старше меня, семидесятилетнего молодца, выглядевшего едва ли на сорок. Последние годы она почти никуда не выходила вместе со мной, стесняясь показаться слишком старой на моем фоне. Косметические операции по омоложению стали для нее буквально идеей фикс, однако она все не могла на них решиться... А мои друзья, которые стали стариками... И все мои старания выглядеть старше... Нет, надо было решиться на этот шаг раньше, когда еще только начал замечать на себе удивленные взгляды и улыбаться на шуточные замечания, что меня не берет время...

В ладонь ткнулось что-то мокрое и холодное. Опустив глаза, вижу, что рядом стоит тот самый пес, который бродил по берегу. Я и не заметил, когда он вернулся. Его глаза лучатся теплом, умиротворением и какой-то великой мудростью, в которой тонут и растворяются все мелочные мирские проблемы.

Присев, глазу пса по заливку. Он блаженно прикрывает глаза и замирает, наслаждаясь лаской.

– Вот тебе и первый новый друг в новой жизни, – слышу голос Василия. – Давай выпьем за новую жизнь. И собаке нальем. Не знаешь, собаки пиво пьют?

– Это пес, – говорю, возвращаясь к столику и держа руку на заливке следующего за мной пса. – Он ест и пьет все, что едим и пьем мы.

Василий поднимается и, открыв заднюю дверцу автомобиля, начинает что-то там искать, чем-то гремя и шурша. Наконец возвращается, держа в руках походный котелок, в котором мы, бывало, варили уху во время ночевки на рыбалке. Пристроив котелок меж крупных галек, чтобы не опрокидывался, Василий выливает в него бутылку пива. Я беру со стола бумажную тарелку, кладу в нее кусок колбасы, несколько пластинок сыра и ставлю рядом с котелком.

– За новую жизнь! – поднимает бокал Василий.

– За новую жизнь! – согласно повторяю я.

Мы чокаемся, после чего наклоняемся и прикасаемся своими бокалами к котелку. Пес как-то по-кошачьи мурлыкает

и начинает шумно лакать напиток.

– Вась, – говорю, пережевывая кусочек кабаноси. – Знаешь, почему я никогда не расспрашивал тебя о других мирах?

– Почему? – напрягается Суровцев, подозрительно уставившись на меня.

– Потому, что я хотел посмотреть на них сам, – отхлебнув пива и стараясь не смотреть на собеседника, спрашиваю: – Надеюсь, ты не откажешься стать моим экскурсоводом?

– Ты безумец!...

Ноябрь 2010г.